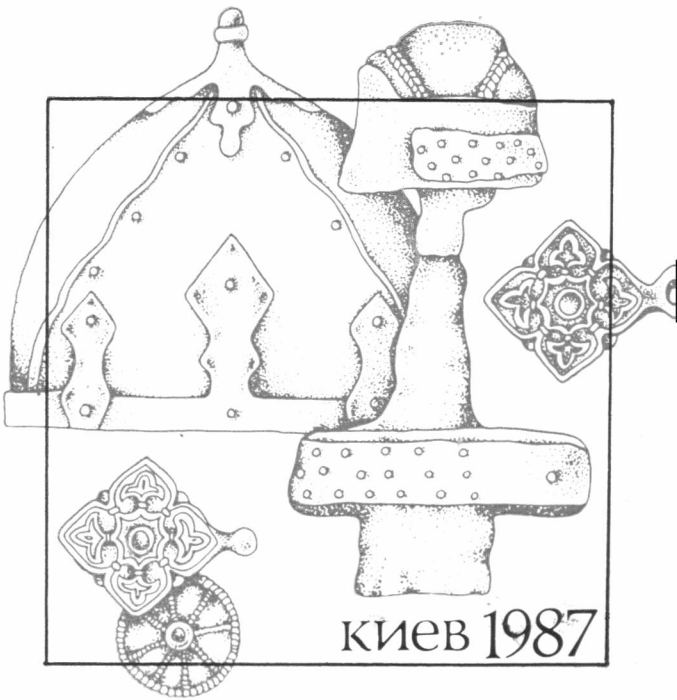
А. П. Моця

Население Среднего Поднепровья IX–XIII вв.



Киев 1987

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
Институт археологии

А.П.Моця

НАСЕЛЕНИЕ СРЕДНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ IX-XIII
(по данным погребальных памятников)

Киев Наукова думка 1987

В монографии на основании систематизации материалов исследованных в разное время погребальных памятников IX-XIII вв. на территории Среднего Поднепровья - древнего экономического и культурного центра Восточной Европы - освещаются вопросы социально-экономического развития восточнославянского общества конца I - начала II тыс.н.э. Уточняются социальный и этнический состав населения, а также степень влияния христианской религии на идеологические воззрения восточных славян.

Для археологов, историков, краеведов, сотрудников музеев.

Ответственный редактор М.П.Кучера

Рецензенты Н.Ф.Котляр, В.В.Седов, П.П.Толочко

Редакция литературы по социальным проблемам зарубежных стран, археологии и документалистике

М $\frac{0507000000-337}{М221(04)-87}$ 68-87

© Издательство "Наукова думка", 1987

ВВЕДЕНИЕ

Всестороннее и глубокое изучение древнерусского периода истории нашей страны продолжает оставаться актуальной задачей советской исторической науки. Но в отдельных исследованиях по ряду вопросов данной темы существуют разногласия, а одни только письменные источники, что неоднократно отмечалось в литературе, не могут полностью разрешить эти противоречия [205, с. 222-223; 389, с. XVI; 394, с. 189; 322; 402]. Все большее значение получают археологические материалы, среди основных категорий которых находятся и погребальные памятники [26, с. 179].

В работе использованы материалы всех известных некрополей IX-XIII вв. на территории Среднего Поднепровья - древнего культурного центра Восточной Европы, где находилось ядро Древнерусского государства. Предшествующие работы по данной теме были посвящены изучению могильников отдельных частей указанного района в пределах обитания того или иного летописного племени или же ограничивались частными вопросами. Рассмотрение территории Среднего Поднепровья в целом расширяет познавательные возможности археологического материала как исторического источника.

Изучением погребальных памятников славянского населения периода Древней Руси на этой территории занимались многие исследователи. В дореволюционное время акцент в работах делался, в основном, на накопление материалов погребений и попытке их упорядочения и осмысления. Исследование погребальных памятников продолжалось и в советское время [267, с. 5-7, 9-10, 28-38]. Наряду с исследованием курганов большое внимание уделялось изучению грунтовых могильников (Б.А.Рыбаков, М.К.Каргер, С.А.Плетнева, В.И.Довженок, М.П.Кучера и др.). Работы на Житомирщине (И.П.Русанова, Ю.В.Кухаренко), в Киеве (М.К.Каргер, П.П.Толочко), на Левобережье (Б.А.Рыбаков, Я.В.Станкевич, Д.И.Блифельд, С.С.Ширинский), проведенные

на современном научном уровне, не только увеличили количество археологических материалов, но и позволили уточнить многие вопросы. Кроме методики полевых работ большое внимание уделялось определению хронологических рамок бытования различных украшений и некоторых элементов костюма, обнаруженных в захоронениях и являющихся наиболее массовым материалом. Эти результаты систематизированы в работах И.П.Русановой и Е.И.Тимофеева [267, с. 22-24; 342, с. 6-10].А.Н.Кирпичников датировал выявленные в разных могилах, в том числе и в могилах Среднего Поднепровья, предметы вооружения, доспехи, снаряжение всадника и верхового коня [139; 140; 141; 142].

И.П.Русановой, Е.И.Тимофеевым и Г.Ф.Соловьевой обобщены и картографированы данные об основной массе курганных захоронений Право- и Левобережья Днепра [267; 324; 339]. Наряду с чисто описательным результатом раскопок, что было наиболее характерным для многих дореволюционных работ, все чаще материалы погребений привлекались для решения вопросов, связанных с возникновением, развитием, топографией отдельных населенных пунктов. Примером могут служить исследования Киева, Чернигова, Шестовицы [83; 132; 349; 275; 45]. Материалы погребений древнерусского времени дали возможность очертить границы проживавших на рассматриваемой территории во второй половине I тыс. н.э. летописных славянских племен - полян, древлян, северян [267; 273; 323; 312; 339], хотя по отдельным выводам, как будет сказано ниже, продолжают существовать разногласия. Достигнуты успехи в социальной оценке материалов погребений, в первую очередь класса феодалов [41; 275].

Древности средневековых кочевников, селившихся, в основном, в южных районах исследуемой территории, также издавна привлекали внимание ученых [53; 188]. Большой вклад в изучение кочевнических древностей внесли С.А.Плетнева и Г.А.Федоров-Давыдов, обобщившие и всесторонне проанализировавшие материалы погребений кочевников [237; 241; 369]. Многие исследователи не ограничивались изучением только славянских или только кочевнических захоронений, а рассматривали их в непосредственной связи с погребальными памятниками других этнических групп, проживавших на территории Среднего Поднепровья в IX-XIII вв.

На наш взгляд, достигнутые результаты в изучении погребальных памятников среднеднепровского населения эпохи Древней Руси (систематизация курганных древностей, хронологические рамки бытования многих вещей, определение границ расселения летописных племен, некоторые вопросы социального состава) не исчерпали данную тему. Известно, что традиции погребальных ритуалов формировались под воздействием идеологических представлений [195, с. 147]. Исходя из марксистского

положения о взаимодействии базиса и надстройки, мы, анализируя погребальный обряд и устанавливая причины его эволюции, можем говорить о том социально-экономическом уровне, на котором находилось то или иное общество, в данном случае восточнославянское в конце I - начале II тыс. н.э. Б.А.Рыбаков отмечал: "В формах и деталях похоронного обряда, в погребальных сооружениях содержится ценная информация о миропонимании тогдашних людей. Каждая смена привычных форм, несомненно, отмечает какие-то существенные сдвиги в сознании людей. Корреляция этих сдвигов с переменами в хозяйстве и социальной структуре общества позволит установить и истолковать причину перемен в религиозном мышлении" /289; с. 267/. К сожалению, вопросу выявления причин развития погребального обряда в целом уделялось мало внимания.

Не менее важным является и определение степени влияния на погребальный обряд религии классового общества - христианства. Религия вообще и христианство в частности - это сложный комплекс разнородных элементов, главным из которых является вера в сверхъестественное. Это исторически неизбежное явление порождено условиями жизни общества на определенной ступени его эволюции. Развитие религии, в конечном счете, определяется материальным базисом и поэтому в коммунистическом обществе эта форма сознания окончательно прекратит свое существование.

В эпоху средневековья с развитием базиса и надстройки во многих европейских государствах происходил переход от национальных (языческих) религий к одной из мировых (христианству). Такая идеологическая перестройка была присуща и восточным славянам в конце I - начале II тыс. н.э. В настоящее время актуальность изучения этого противоречивого явления смены религиозного сознания вызвана и необходимостью дать четкую оценку такой дате, как 1000-летие официального введения христианской религии на Руси. Для всестороннего научно обоснованного анализа этого события сведений средневековых письменных источников, вышедших в основном из-под пера церковнослужителей, и вследствие этого, к сожалению, часто весьма тенденционных, конечно, недостаточно. А датированные археологические комплексы позволяют проследить проникновение новой веры в мировоззрение разных слоев населения средневекового времени, определить, как долго продолжалась борьба с религией первобытнообщинного строя - язычеством.

В связи с существующими разногласиями, даже среди многих отечественных историков, необходимо остановиться на вопросах формирования классов и государства у восточных славян, иерархического деления эксплуататорской верхушки, процессе зарождения сословий (конечно, в тех возможностях, которые представляют материалы, анализируемые в

данной работе). Кроме того, привлечение материалов погребений IX-XIII вв. в плане исторической ретроспекции отвлекло внимание исследователей от выяснения этнического состава населения Среднего Поднепровья того времени. А ведь в Древнерусском государстве, включавшем 22 различных народа /219, с. 81/, этнические процессы происходили активно и уже формировалась древнерусская народность. Интенсивно эти процессы протекали и на рассматриваемой территории.

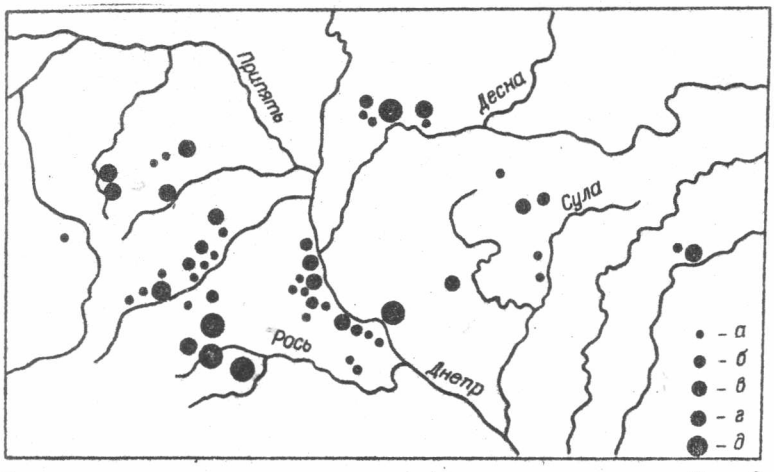
Но, прежде чем приступать к решению вопросов (выяснения причин эволюции погребального обряда, влияния на него христианской религии, рассмотрения социального и этнического составов населения), необходимо упорядочить источники - систематизировать и картографировать имеющиеся на территории Среднего Поднепровья все исследовавшиеся погребальные памятники древнерусского времени. Выполнение этой работы вызвано тем, что, во-первых, появились новые материалы раскопок курганных захоронений, не учтенные в более ранних исследованиях; во-вторых, в обобщающих исследованиях прошлых лет совершенно не учитывались данные многочисленных грунтовых некрополей на территории Среднего Поднепровья, материалы которых дают ценную информацию для решения таких вопросов, как развитие погребального обряда и распространение христианства на Руси.

В целом, задача настоящей работы состоит в следующем: дать общую характеристику древнерусского общества, используя для этого материалы погребальных памятников IX-XIII вв. на территории Среднего Поднепровья.

ГЛАВА I

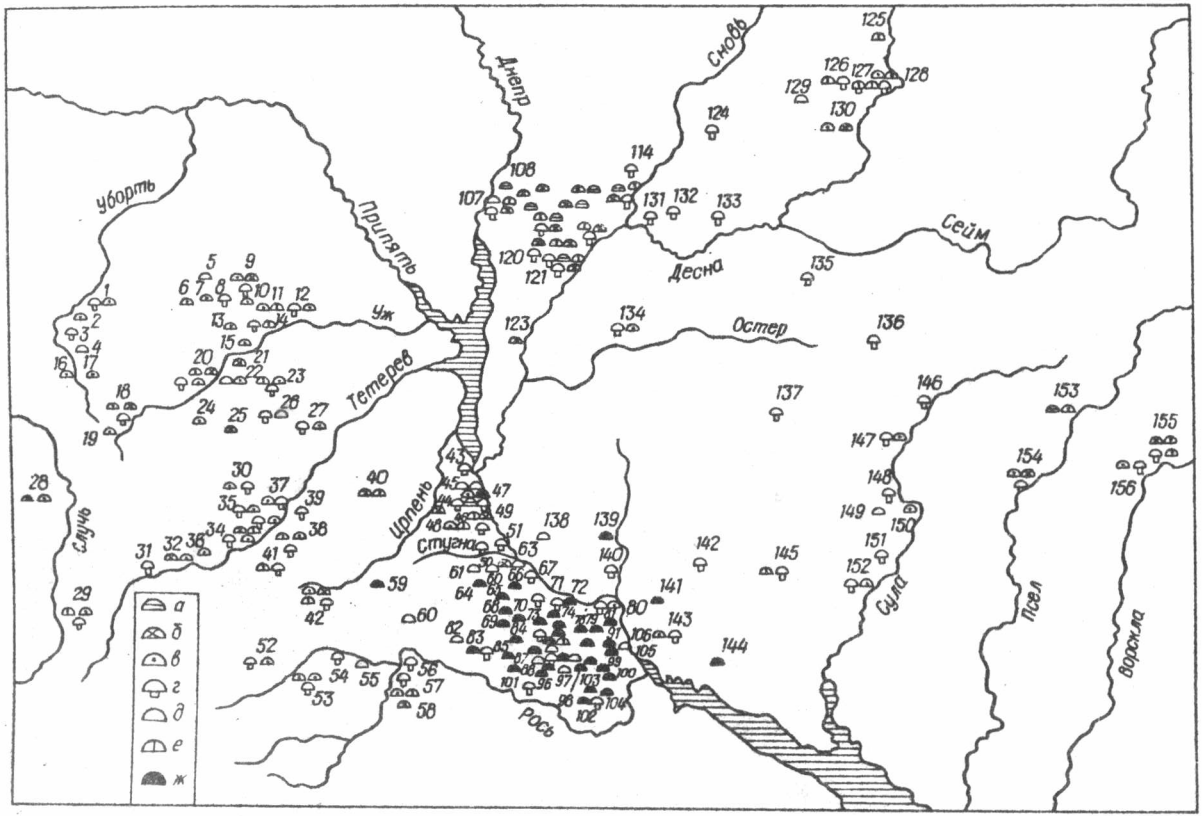
ХАРАКТЕРИСТИКА ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА КОНЦА I - НАЧАЛА II тыс. н.э.

На территории Среднего Поднепровья известно большое количество курганных некрополей. С начала II тыс. н.э., в первую очередь, в городах появляются бескурганные могильники. Количество погребений в некрополях разное: от нескольких десятков до нескольких сотен (рис.1). В отдельных пунктах (например, около Ягнятина) насчитывалось до тысячи насыпей. Высота основной массы курганов колеблется от 0,5 до 1,5 м при диаметре 5-10 м. Необходимо учитывать, что "...курган, в его современном виде, это не изначальная форма надмогильного сооружения, а холм, образовавшийся в результате естественных процессов разрушения надмогильного сооружения" [26, с. 24]. Для курганов характерно тесное расположение их по отношению друг к другу. Некрополи (курганные и грунтовые) находятся, в основном, на ровных и сухих участках местности, часто на берегах рек, ручьев, озер. Удаленность их от поселений различна, но не более чем на 1 км. Стационарными и случайными раскопками исследования на территории Среднего Поднестровья проводились в 171 пунктах (рис. 2; 3).



Распространение курганных могильников на территории Среднего Поднепровья (по И.П.Русановой):
а - до 20 курганов; б - до 50; в - до 100; г - до 500; д - около 1000 и более

Рис. 1


Днепр
Снов
Сейм
Десна
Остер
Сула
Псел
Ворскла
Уборть
Припять
Уж
Тетерев
Случь
Ирпень
Стугна
Рось
а
б
в
г
д
е
ж

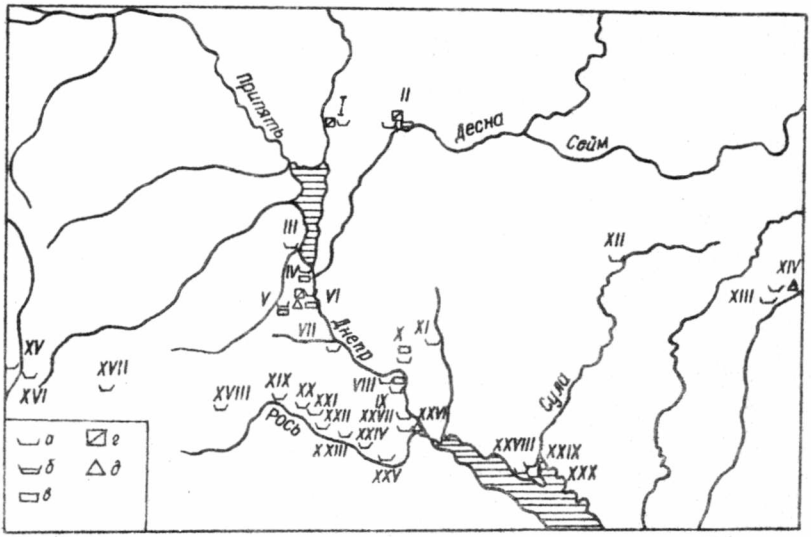
Обряд захоронения курганных некрополей на территории Среднего Поднепровья:
а – трупосожжение на стороне; б – трупосожжение на месте захоронения и частичное трупосожжение; в – трупоположение на и выше горизонта; г – трупоположение в подкурганных ямах; д – положение умершего неизвестно; е – кенотафы; ж – курганы кочевников.
Номер соответствует номеру сводной таблицы курганных могильников

Рис. 2

Большое значение для всестороннего анализа погребальных памятников имеют вопросы хронологии. В результате изучения категорий материальной культуры установлены хронологические рамки бытования многочисленных украшений и некоторых элементов костюма, обнаруженных в могилах. Так, наиболее ранними в хронологическом отношении являются серьги "волынского типа" (IX-X вв.), их упрощенный вариант – серьги с розетками (X в.), а также мелкозерненые лопастные бусины (X – начало XI в.). Е.И.Тимофеев отмечает находки аналогичных украшений в составе кладов и других комплексов (Юрковецкий, Денисовский, Токайский клады, Екимауцкое и Новотроицкое городища и др.) [340, с. 97-99; 342, с. 7]. В X в. на Руси иногда использовались фибулы скандинавского типа – черепахо- и кольцевидные с длинной иглой [107]. А в X-XI вв. бытовали трехбусинные узловатые кольца [37, с. 137], широкорогие лунницы; бусины: сердоликовые (шарообразные, призматические, плитчатые), синие биконические, рубчатые дынеобразные, желтые двойные, глазчатые, хрустальные грушевидные*. По находкам в некоторых погребениях Киева и в Саркеле – Белой Веже – плоские орнаментированные бронзовые кольца датируются второй половиной X – XI в. В X в. появляются S-видные, а также загнутоконечные височные кольца – один конец загнут петлей либо расклепан и свит трубкой [340, с. 95-97; 342, с. 7]. К XI в. относятся подковообразные железные пряжки [342, с. 9].

К XI-XII вв. относятся круторогие лунницы, бусины: сердоликовые бипирамидальные, хрустальные круглые, желтые шарообразные; пластинчатые и витые браслеты [181]. Более широкий период бытовали стеклян-

* Датировкой и классификацией различных металлических подвесок, в том числе и лунниц, занималась Н.П.Гуржалина [118], а М.В.Фехнер, проанализировав многочисленные материалы курганов северо-западных и северо-восточных областей Руси, установила время бытования различных бус – одного из любимых украшений русских женщин [370]. Ее выводы подтверждаются работами Новгородской экспедиции [406].



Обряд захоронения грунтовых некрополей на территории Среднего Поднепровья:
а - трупоположение в грунтовых могилах; б - подплитовое трупоположение; в - каменные и кирпичные погребальные сооружения; г - захоронение в пещерах; д - коллективные захоронения.
Номер соответствует номеру сводной таблицы грунтовых могильников

Рис. 3

ные позолоченные и посеребренные бусы (конец X - начало XII в.) и крупнозерненые (XI - начало XIII в.) [365, с. 121]. Янтарные и пастовые бусы, простые проволочные перстни и височные кольца бытовали на протяжении всего древнерусского периода.

Датировка перечисленных выше вещей за последние годы не пересматривалась. Говоря об украшениях и элементах костюма, следует отметить, что лировидные пряжки, датированные XI в. [342, с. 7], известны и в погребениях X в. Например, курган № 42 Шестовицкого некрополя или курган № 17 "Старого кладбища в Березках" в Чернигове [45, с. 138-144; 44, с. 125, 131], где лировидные пряжки были обнаружены в одних комплексах с оружием и сбруей X в. Производство древнерусских стеклянных браслетов, отнесенных И.П.Русановой к XI-XII вв., началось только со второй четверти XII в. [267, с. 23; 407, с. 191]. Кроме того, витые, рубчатые и ложновитые перстни, датированные X-

XIII вв., не известны на юге Руси в X в. /213, с. 264/. Их нет и среди материалов четко датированных могильников X в. - Киевского, Шестовицкого /45, с. 59-60; 132, с. 149; 155,169,182,208/. Вероятно, использование перстней началось в XI в., о чем писала и И.П.Русанова, принявшая датировку многих перечисленных предметов /267, с. 22-24/. Следует также отметить, что среди инвентаря некоторых погребений обнаружены золотые и серебряные трехбусинные серьги "киевского типа", широко известные в кладах XII-XIII вв. /88, табл. XX, 5-9; 149, табл. XXXI, 7-9, 14, XXXIV, 4-6/.

Работы А.Н.Кирпичникова по систематизации и датировке древнерусского оружия, доспехов, снаряжения всадника и верхового коня дают возможность уточнить хронологию целого ряда среднеднепровских погребений древнерусского времени.

В некоторых случаях уточнить время захоронения помогает материал, из которого были изготовлены пряслица. Как установлено, шиферные пряслица полностью вытеснили из употребления глиняные на юге Руси на рубеже I-II тыс. н.э. /260; 272/.

Вопрос о датировке керамики - наиболее многочисленной группы в составе погребального инвентаря, до сих пор остается слабо разработанным /26, с. 346/. В общих чертах можно сказать лишь следующее. Гончарный круг в IX в. вытеснил технику ручной лепки на большей части южнорусской территории. С точки зрения хронологической классификации наиболее показательны венчики горшков. В IX-XI вв. они имели две основные формы: с утолщениями ("манжетами") на внешнем крае и без него, чаще с продольными бороздками на конце среза венчика. Так как фрагменты или сосуды еще довольно грубой гончарной керамики с утолщениями на внешнем крае венчиков (так называемая керамика "курганного типа") являются единственным инвентарем многих древнерусских курганов конца I тыс. н.э., то рассмотрению времени их бытования необходимо уделить больше внимания. Многие исследователи керамику "курганного типа" относят к X в. На наш взгляд, это неверно. Действительно, сосуды данной группы находят во многих четко датированных погребальных комплексах X в. (например, в ряде погребений Шестовицкого некрополя). Но в них керамика "курганного типа" представлена уже установившимися формами. Зарождение и процесс развития этой группы керамики, несомненно, необходимо относить к более раннему времени. Подтверждением может служить керамика из городища Хотомель, где уже среди лепной посуды встречаются сосуды, венчики которых по краю утолщены и оттянуты вниз (вид VIII, по И.П.Русановой) /264, с.40, рис. 3/. Среди гончарной керамики верхнего слоя этого же городища,

который датируется VIII-X вв., также встречаются сосуды с утолщениями по внешнему краю венчика /168, с. 10, 23; 264, с. 44, рис. 6/. Керамика "курганного типа" известна и на городище Монастырек в слое VIII-X вв., где в жилище № 2, кроме нее, был обнаружен дирхем чеканки 814 г. н.э. /193, с. 7/. Перечисленные факты убеждают в том, что керамику "курганного типа" следует датировать не X, а IX-X вв.

В XI в. венчики многих сосудов продолжали украшать "манжетами", но эта керамика изготовлена из хорошо отмученной глины на быстровращающемся гончарном круге, с внутренней стороны на венчике появился желобок; "манжет" в целом видоизменяется и затем исчезает. На горшках XII-XIII вв. края венчиков загнуты в середину и закруглены, кроме того, сами венчики несколько короче в отличие от более ранних и сильнее отогнуты наружу.

На керамике раннего времени орнамент наносился почти по всей поверхности, тогда как посуда XII-XIII вв. украшалась только в верхней части - несколькими прямыми линиями, нанесенными одиночным острием, на плечиках. Более ранним орнаментальным мотивом являются волнистые и прямые линии, нанесенные орудием типа гребенки. Начиная с X в. этот мотив постепенно выходит из употребления и в XII в. почти исчезает. До середины X в. в тесто для изготовления керамики добавлялись шамот и дресва, а в более позднее время - песок.

Дальнейшую разработку вопросов хронологии затрудняет скудность инвентаря многих погребений. Кроме того, большинство материалов, полученных в дореволюционное и довоенное время, не сохранилось. Тем не менее результаты исследований разных лет в совокупности позволяют говорить о времени функционирования того или иного могильника.

Данные об изученных некрополях и отдельных погребениях (см. сводные таблицы) приводятся на основе географических критериев - по бассейнам основных рек в этой части Восточной Европы.

Переходя непосредственно к рассмотрению погребального ритуала, отметим, что погребальные обряды - складывающиеся из поколения в поколение способы обращения с телом умершего, основанные на вере в бессмертие души и существование загробного мира, - формировались под воздействием идеологических представлений того или иного общества /117, с. 60; 239, с. 71; 82, с. 42; 195, с. 149; 432, с. 237/. В археологической практике от погребальных ритуалов сохранились такие вещественные данные, как способ погребения, могильное устройство, погребальный инвентарь, а также остатки тризны и жертвоприношений /195, с. 149/.

Сведения о погребальном обряде у восточных славян содержат

древнерусские летописи*, сообщения восточных писателей, а также этнографические материалы, но эти краткие сообщения не дают возможности всесторонне осветить интересующий вопрос [63, 78; 379; 419, с.97]. Основную информацию несут археологические материалы.

Учитывая, что погребальный обряд является целостной системой, для проведения анализа его взаимосвязанных элементов нами использован широко применяемый статистический метод обработки археологических материалов. Для большей наглядности и облегчения ознакомления с результатами исследований использован и метод картографии.

Погребальные памятники восточных славян по способу захоронения делятся на три большие группы: трупосожжения на стороне с последующим захоронением остатков кремации в могиле, трупосожжения на месте захоронения (над погребениями обеих групп насыпались курганные насыпи) и трупоположения (здесь необходимо выделить погребения, над которыми насыпались курганы, и погребения в грунтовых могилах). Остатки захоронений в курганах обнаружены в ямах, на горизонте под курганной насыпью или в насыпях.

На территории Среднего Поднепровья периода IX-XIII вв. известно 69 погребений с остатками трупосожжения на стороне (Левобережье Днепра), около 190 погребений с остатками трупосожжения на месте, свыше 1660 трупоположений под курганными насыпями. Кроме подкурганных захоронений имеется более 900 трупоположений в грунтовых ямах, 8 склепов, 17 каменных и кирпичных гробниц, более 22 каменных саркофагов и 1 деревянный, более 10 аркосолий в разных церквях Киева, Чернигова, Переяслава, Вышгорода и Белгорода (почти все каменные погребальные сооружения были ограблены). В некоторых случаях (Речица, Киев, Козаровичи, Глинск) выявлены остатки неполного трупосожжения. О каждом из способов погребения см. ниже.

Кроме того, известно более 110 курганов, в которых захоронения людей не производились. Половина из них не дала никаких остатков, а в 50 других найдены кострища, отдельные угольки, кости животных, обломки керамики, различный инвентарь, т.е. вещи, типичные для целого ряда погребений древнерусского времени. Вероятнее всего, правы

---

* В "Повести временных лет" об обряде трупосожжения говорится следующее: "...творяху кладу велику, и възлошахуть, и на кладу, мертвеца сожьшаху, и посемь собравше кости вложаху в судину малу, и поставляху на столпе на путех..." [244, с.15]. Но среди погребальных памятников древнерусского времени на территории Среднего Поднепровья сожжений на поверхности без земляной насыпи, в столпах-срубах археологическими исследованиями выявлено не было. Курганный обряд сделал бессмысленными эти домики мертвых [286, с. 44].

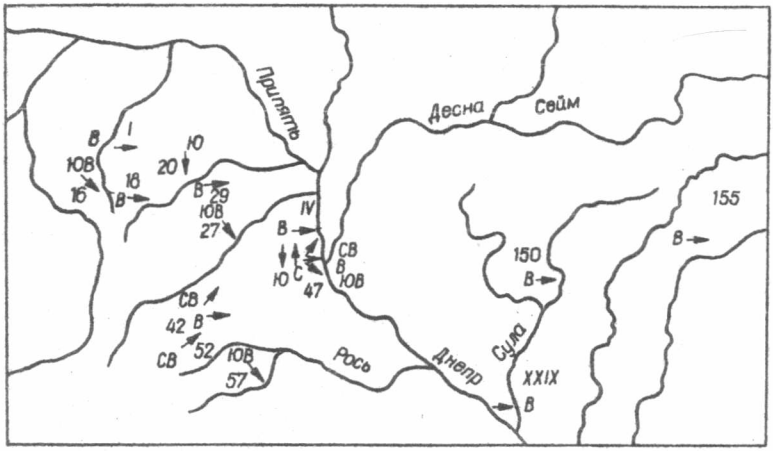
те исследователи, которые считают их кенотафами - мемоpативными памятниками погибшим на чужбине [45, с. 34-35; 236, с. 38; и др.]. В различных публикациях отмечено 135 грабленых, разрушенных, обвалившихся погребений.

Помимо славянских могил на территории Среднего Поднепровья исследовано свыше 160 захоронений средневековых кочевников. В связи с тем, что С.А.Плетневой и Г.А.Федоровым-Давыдовым всесторонне проанализированы материалы из этих погребений, мы не будем останавливаться подробно на анализе этой группы могил. Краткая характеристика захоронений кочевников сводится к следующему. В первую очередь следует отметить разнообразие погребальных обычаев средневековых кочевников, прослеженное в синхронных захоронениях. Обычная поза кочевнических погребений - положение умершего на спине с вытянутыми руками и ногами. Захоронение могло быть основным или впускным в насыпь более раннего времени. Часто под одной насыпью хоронили несколько человек. Наиболее характерной чертой большинства кочевнических погребений является наличие головы и ног коня или целого его остова возле умершего (слева, справа, сверху над покойником, в отдельной яме). Остатки дощатых гробов и гробов-колод обычно встречаются в богатых погребениях. Преобладает западная ориентировка умерших, хотя встречаются захоронения с восточным, северным и южным направлениями.

Набор инвентаря мужских погребений состоит из оружия (стрелы, наконечники копий, сабли, иногда топоры), конской сбруи (стремена, удила, седла), оборонительных доспехов, остатков одежды, редко украшений. В женских могилах обнаружены предметы быта, украшения, остатки одежды, а иногда оружие и предметы конской сбруи. Известно несколько погребений, где были обнаружены только кости коня. Вероятнее всего, это - кенотафы.

Возвращаясь к славянским погребениям, отметим, что чаще всего погребаемых укладывали на спину в вытянутом положении и ориентировали головой в западном направлении. Это касается не только трупоположений, но и трупосожжений (правда, во втором случае ориентация прослеживается значительно реже и только в тех случаях, когда трупосожжение было неполным или благодаря расположению на кострище некоторых деталей инвентаря, элементов костюма). Незападная ориентация умерших на славянских могильниках встречается крайне редко. Так, восточная ориентация (с сезонными отклонениями на север и юг) отмечена в свыше 40 случаях, северная и южная - в 4 (рис. 4).

Западная ориентация, распространенная у многих народов в желез-

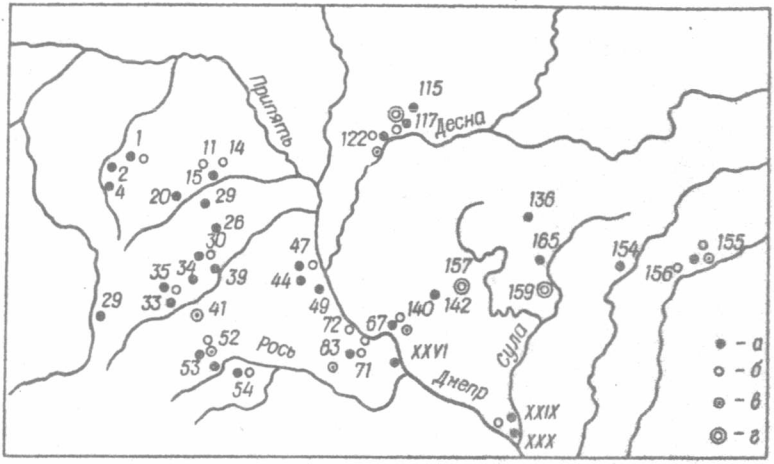


Не западная ориентировка умерших (по И.П.Русановой) Рис. 4

ном веке, объясняется усвоением многими этносами той религиозной идеи, согласно которой потусторонний мир, куда уходят души умерших, находился в стороне солнечного заката [338, с. 102]. Подобные воззрения у восточных славян позднее совпали с канонами христианской религии, согласно которым хоронить умершего головой на запад, а лицом на восток следует потому, что "...то бо последнее видит солнце до общего воскресения" [66, стб. 37]. Гораздо труднее объяснить положение рук, различное в целом ряде случаев: обе руки вытянуты вдоль тела; одна вытянута, а кисть другой находится на костях таза, на животе, на груди; обе сложены на костях таза, на животе и т.д. Как и другие исследователи, мы не можем высказать определенного предположения. Единственная закономерность, которая прослеживается, - это наиболее распространенный способ размещения рук в области грудной клетки в более поздних захоронениях, что связано с христианизацией [173, с. 292].

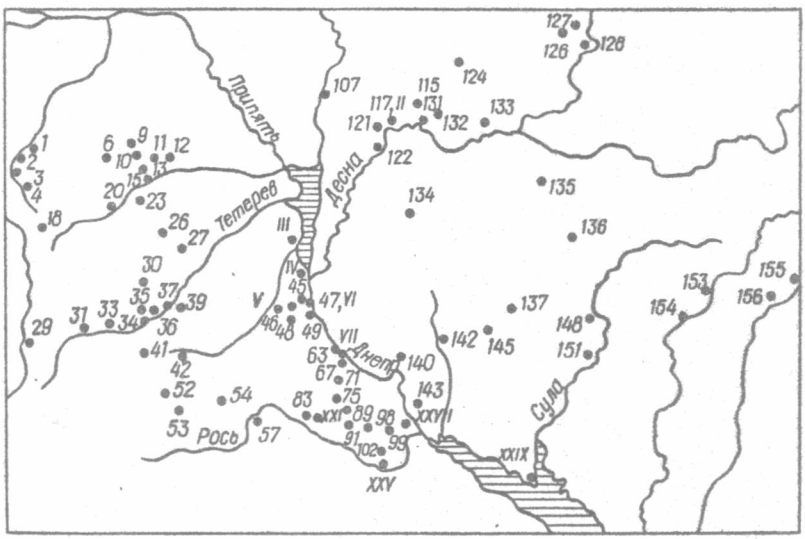
Для славян Восточной Европы характерны и одиночные захоронения умерших. На территории Среднего Поднепровья только в 113 погребениях обнаружено по два покойника, а в 26 погребениях - по три, в 10 - по четыре, в одном кургане найдено шесть скелетов; отмечено наличие в одной могиле и нескольких умерших (речь идет не о коллективных могилах) (рис. 5).

Говоря о домовинах - деревянных погребальных сооружениях, в которых заключена идея дома, отметим, что остатки гробов зафиксирова-



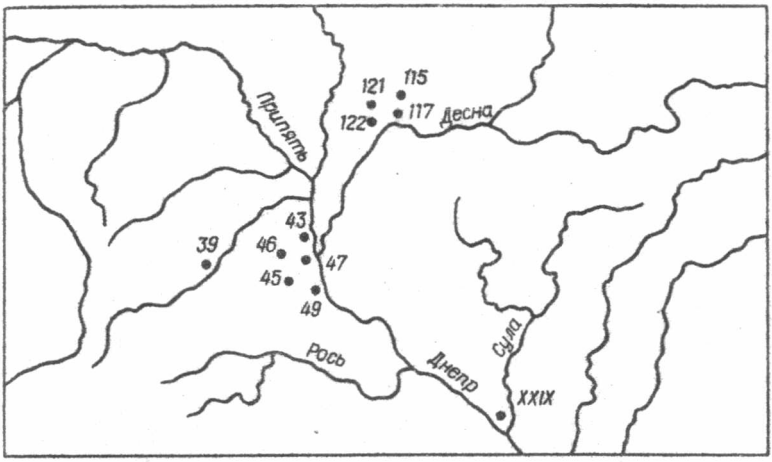
Количество погребенных в одной могиле:
а - двое; б - трое; в - свыше трех;
г - несколько

Рис. 5



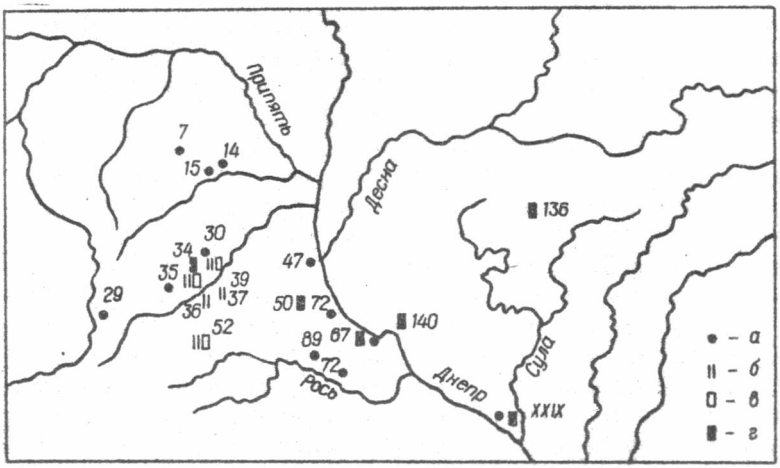
Местонахождение гробов в могильниках

Рис. 6



Распространение деревянных обкладок стен могильных ям

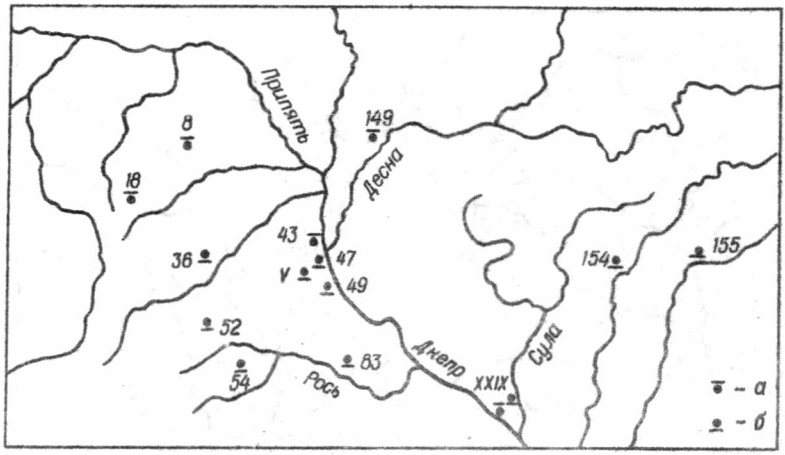
Рис. 7



Типы домовин на некрополях:
а - колоды; б - брусья по бокам умершего; в - рамы из брусьев; г - гробы из толстых брусьев

Рис. 8

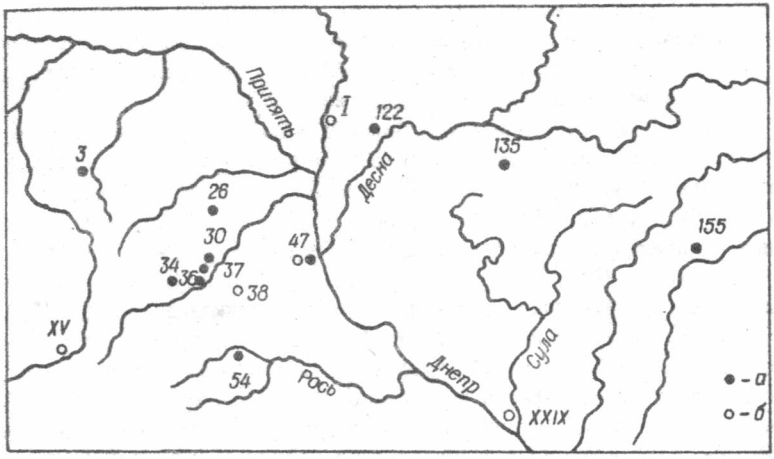
ны в свыше 500 случаях (из них в 30 гробы сделаны из выдолбленных и часто обожженных внутри колод) [41, с. 160; 275, с. 30] (рис. 6). В 40 случаях стенки могильных ям (а иногда и дно) были обложены плахами, бревнами или толстыми досками (рис. 7), в 14 - брусья толщи-



Распространение деревянных перекрытий и подстилок на некрополях:
а - перекрытие; б - подстилка

Рис. 9

ной от 7 до 30 см встречались по сторонам скелетов; в 6 - из брусьев делались рамы (в трех из них дерево находили и под скелетами). Отмечены случаи (6), когда гробы сделаны из брусьев, по толщине аналогичных описанным (рис. 8). В шести могилах обнаружены только деревянные перекрытия над погребенными, а в более чем в 15 - умершие лежали на деревянных настилах (рис. 9). Также отмечены случаи (более 240) наличия дерева около костей погребенных и гвоздей в захоронениях (свыше 220). В.В.Хвойка высказал предположение, что в гробницах, где найдены только гвозди и рогожи, которыми накрывали умерших, покойники прикреплялись к земле гвоздями [67, с. 151; 203, с. 487-488; 378, с. 54]. Против его гипотезы выступил С.С.Гамченко, отмечавший, что гвозди всегда располагались в линию, а на части из них видны следы дерева. Кроме того, в ряде случаев над скелетами отчетливо прослеживалось пятно более темного грунта, контурами совпадающее с размерами гроба [72, с. 100]. Наблюдения С.С.Гамченко подтверждают и раскопки В.В.Хвойки. Так, при работах в Коростене в двух курганах, что отмечено в описании и на чертежах раскопок, на высоте 0,2 м над уровнем древнего горизонта, где были обнаружены скелеты (т.е. выше их), выявлены четырехугольные продолговатые темные пятна, по сторонам которых находились гвозди. Размеры пятен и расположение их над умершим, а также гвозди по сторонам головками вверх, несомненно, свидетельствуют о том, что это остатки перегнивших деревянных гробов, а не рогожи.



Распространение бересты, камней и валиков под головой умерших:
а - береста; б - камни и валики под головой

Рис. 10

Более чем в 1200 погребениях следов деревянных погребальных сооружений обнаружено не было. В этом случае можно предполагать, что какая-то часть гробов, изготовленных без гвоздей, совершенно истлела. Так, при исследовании Жовнинского некрополя на р. Суле только в одном из 200 погребений найдены остатки погребального сооружения, части которого скреплялись гвоздями. Во многих случаях, когда представлялась возможность проследить конструкцию гроба, доски на углах были скреплены с помощью соответственных вырезов-пазов (т.е. использовался плотницкий прием "на замках")*.

Вполне вероятно, что часть умерших погребалась без домовин. Возможно, этих покойников заворачивали в саваны или подобные им куски материи. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что в двух погребениях умершие были обернуты, а еще в двух - покрыты берестой. Во всех четырех случаях остатков гробов не прослежено. Кроме того, более чем в четырех случаях головы умерших были положены на камни, а в двух - на вырезанные в материке невысокие ступеньки. Остатки гроба в этих погребениях также на обнаружены (рис. 10).

Употребление бересты прослежено и в целом ряде других случаев: в разных могильниках берестой были обложены восемь гробов; в шести погребениях березовой корой обложены брусья вокруг умерших, а в од-

* Аналогичная конструкция домовин прослежена и в Минске [40], с. 133].

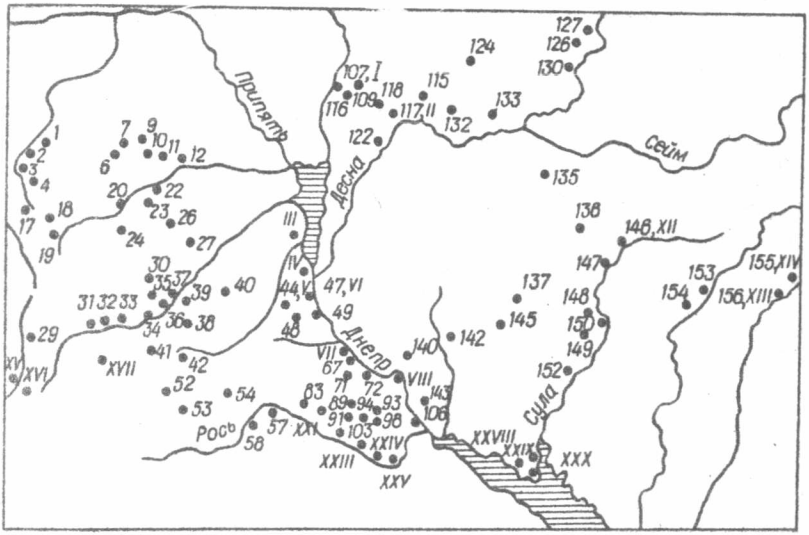
ном она обнаружена на сосновых плахах, которыми были выложены стенки могильной ямы. В двух случаях береста использовалась как подстилка под умершим, в одном случае была найдена под черепом. Обгоревшие куски березовой коры обнаружены даже на кострище.

Кроме Среднего Поднепровья береста в могилах встречалась на других восточнославянских территориях, использовалась в погребальном обряде финно-угров, балтов [27, с. 108; 203, с. 488-489; 217, с. 34; 162, с. 125; 291, с. 164; 325, с. 6]. Использовалась она и ранее, например, в погребениях афанасьевской культуры III - начала II тыс. до н.э. [143, с. 20]. Как известно, береза широко распространена по всему северному полушарию - от субтропиков до тундры [108, с. 268]. Росла она и на территории Среднего Поднепровья, что подтверждается находками на территории Киева в слоях древнерусского времени изделий из бересты и просто березовой коры [97, с. 76-77]. Очевидно, береста в погребальном обряде использовалась на тех территориях, где росла береза. Поэтому ее наличие в погребениях на территории Среднего Поднепровья не обязательно связывать с влиянием северных районов Восточной Европы [132, с. 58]. Береста применялась и как материал, обеспечивающий непроницаемость, и как консервирующее средство [143, с. 221]. Кроме того, широкими полосами бересты было удобно накрывать умерших, использовать как подстилку. Возможно, что и сам белый цвет березовой коры играл определенную роль в погребальном обряде у различных народов.

Исследователи отмечают, что в трех курганах Студеницы гробы были покрыты известью. Но не исключено, что за известь был принят тлен белого цвета, иногда покрывающий гниющее дерево домовины.

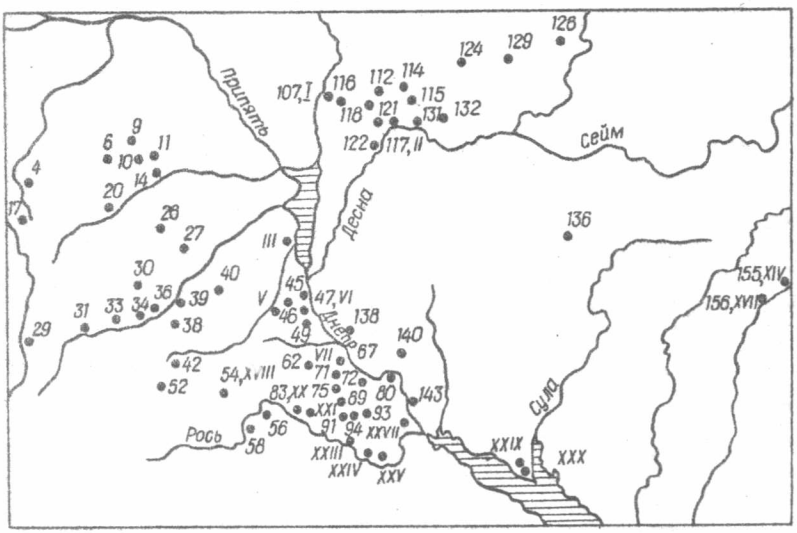
Переходя к описанию инвентаря погребений на территории Среднего Поднепровья, необходимо отметить, что в синхронных погребениях по обряду трупосожжения на месте и трупоположения он не отличается набором вещей. Очень мало находок обнаружено в погребениях по обряду трупосожжения на стороне и при поздних трупоположениях в подкурганных ямах.

Самой многочисленной категорией погребального инвентаря являются украшения: височные кольца, доминировавшие в женском наряде, серьги, перстни, бусы, подвески, браслеты и т.д. [28, с. 5]. Они встречались более чем в 730 погребениях разных могильников на рассматриваемой территории (рис. 11). Кроме того, более чем в 360 погребениях обнаружены фрагменты костюма и обуви - застежки, пряжки, пуговицы, обрывки тканей и кожи (рис. 12). Большинство перечисленных категорий находок было обработано, как уже отмечалось выше, в исследованиях И.П.Русановой, Е.И.Тимофеева, Д.И.Блифельда, М.К.Каргера,



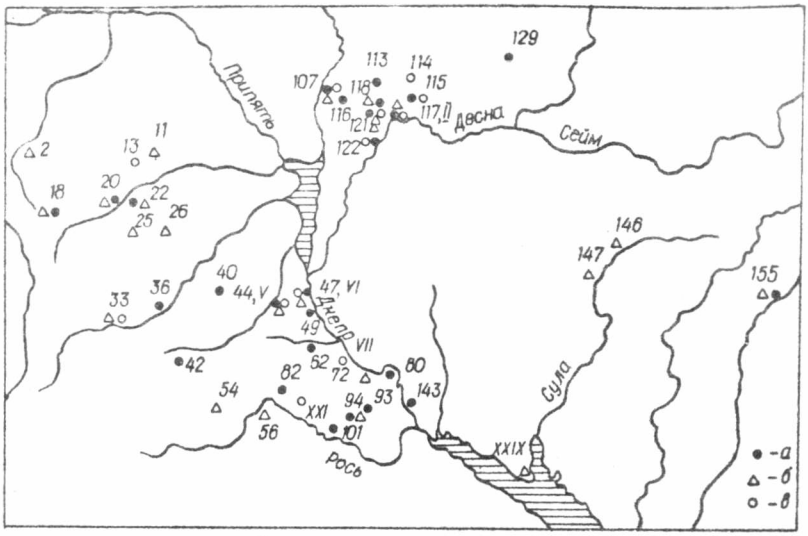
Распространение погребений с украшениями

Рис. 11



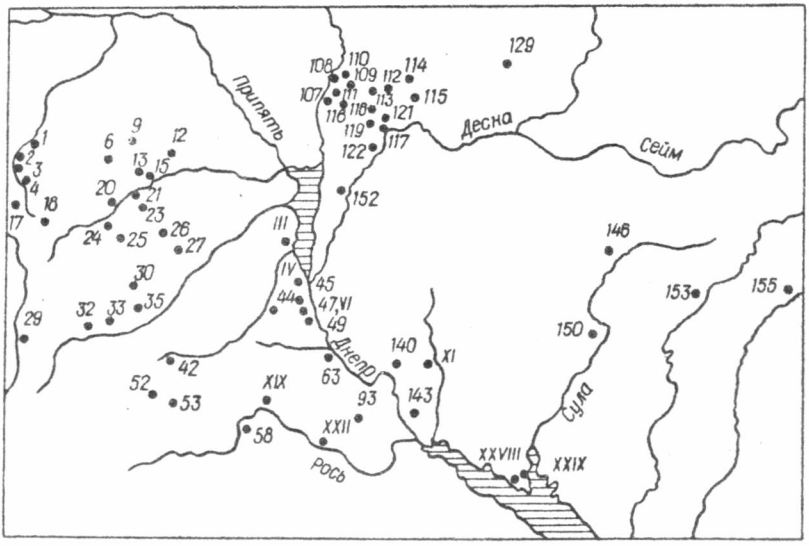
Распространение погребений с элементами костюма и обуви

Рис. 12



Наличие оружия, орудий труда, снаряжения всадника и верхового коня в погребениях:
а - оружие; б - орудия труда; в - снаряжение всадника и верхового коня

Рис. 13



Керамика в погребениях

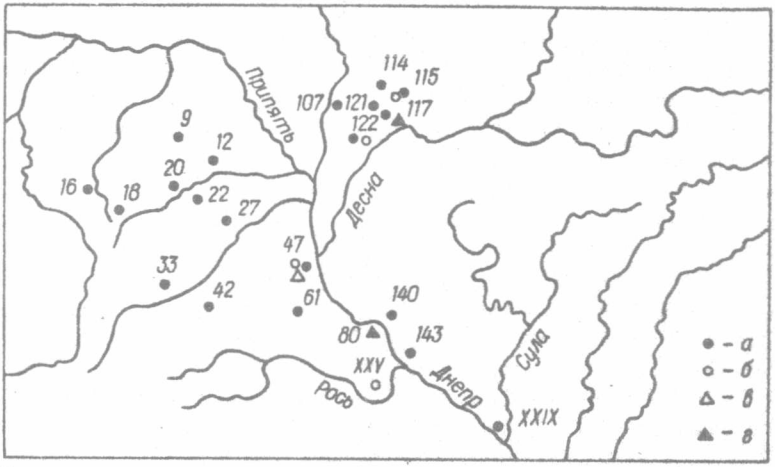
Рис. 14

Г.Ф.Корзухиной, Б.А.Рыбакова и др. В работах А.Н.Кирпичникова [139; 140; 141; 142], А.Ф.Медведева [196] описаны и обобщены, в том числе из славянских погребений Среднего Поднепровья (в основном X-XI вв.), предметы вооружения, снаряжения всадника и верхового коня древнерусского времени. Отметим только, что в Среднем Поднепровье оружие найдено среди инвентаря приблизительно в 110 погребениях 30 некрополей, а снаряжение всадника и верхового коня - в 46 погребениях 12 некрополей (рис. 13). Часто они находились в одних и тех же могилах.

В дальнейшем мы будем использовать результаты работ названных авторов, хотя особо следует остановиться на категориях довольно многочисленных вещей из погребений IX-XIII вв. на территории Среднего Поднепровья, связанных с обиходом и трудовой деятельностью, но которым, несмотря на то, что они являлись неотъемлемой частью обрядности, уделялось меньше внимания.

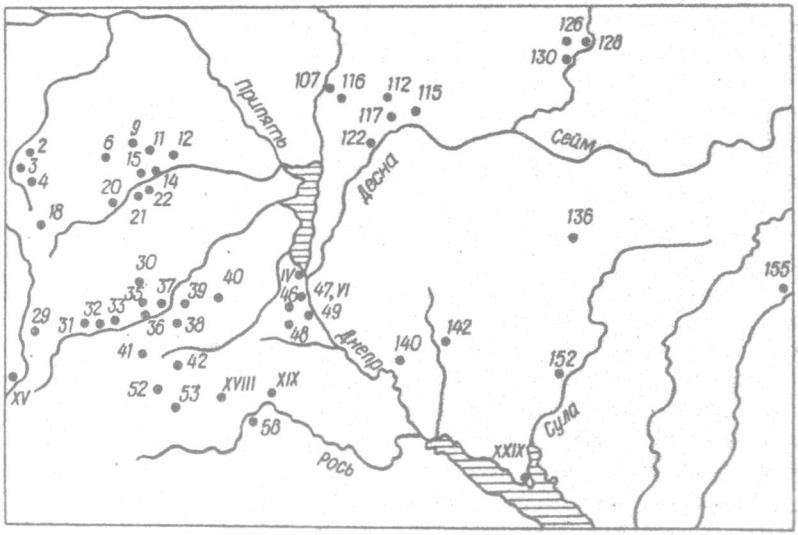
К такой категории находок относится керамика (рис. 14). На территории Среднего Поднепровья более чем в 190 погребениях около умерших обнаружены фрагменты древнерусской посуды, в свыше 170 погребениях - целые горшки, в четырех случаях - нижние части горшков. Целая посуда в погребениях с трупоположениями обнаружена в ногах, у головы, по сторонам умерших. Вероятнее всего, это стравницы, в которых находилась пища. В погребениях с трупосожжениями в большей части случаев горшки использовались как вместилища для пережженных костей, хотя иногда при них найдены и пустые сосуды, наверное, также стравницы. Обломки керамики в этих случаях, вероятно, как и в других восточнославянских землях, связаны с обрядом "битья посуды" [214, с.12; 307, с. 112]. Предположение о бытовании такого обряда у славян находит частичное подтверждение в этнографических материалах: в XIX в. в Приднестровье, при выносе умершего из дома, разбивался новый горшок [245, с. 71].

Помимо керамических, в ряде погребений встречались и другие типы сосудов. Так, в 63 погребениях обнаружены остатки деревянных ведер (рис. 15). Инвентарь большинства погребений свидетельствует о привилегированном при жизни положении умерших в древнерусском обществе. Среди инвентаря нескольких погребений (Киев, Набутов, Седнев, Шестовица) были обнаружены стеклянные сосуды. В нескольких могилах разных некрополей найдены не типичные для погребений сосуды: амфоры и амфориски, горшок салтовского типа, глиняная и деревянная миски (Киев), узкогорлый глиняный сосуд (Козин), две серебряные чашки (Зарубинцы), римский красноглиняный кувшин (Жовнино), медный, бронзовый, два железных сосуда и глиняная мисочка (Чернигов).



Ведра и другие сосуды в погребениях:
а - ведра; б - стеклянные сосуды; в - деревянные чаши; г - металлические сосуды

Рис. 15



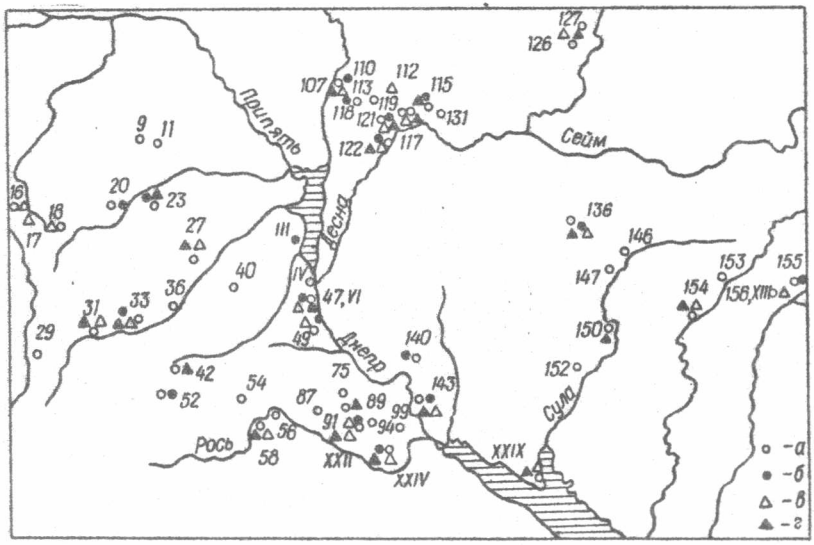
Керамика в насыпях курганов и засыпке могильных ям

Рис. 16

Керамика встречалась не только в самих погребениях, но и в курганных насыпях и в засыпке ям (рис. 16). В 30 погребениях были обнаружены целые горшки (при этом 13, найденных в насыпях на Левобережье Днепра, содержали кальцинированные человеческие кости, хотя на древнем горизонте выявлены кострища, т.е. имел место обряд трупосожжения на месте), в 176 (из них 22 кенотафа) - в насыпи и в засыпке ям находились черепки древнерусской посуды.

В ряде погребений (см. рис. 13) были обнаружены орудия труда: более 20 пряслиц (в основном шиферных), 7 серпов, долото, 10 ножниц, молоток, железная пластинка с крючьями, возможно, для чесания шерсти, 4 рыболовных крючка, каменный жернов, каменная литейная формочка, кирка, 3 железных шилья, 2 бронзовых игольника, 7 иголок. Встречались они среди инвентаря в основном в единичном экземпляре, за исключением Черной Могилы в Чернигове и кургана № 36 Шестовицкого могильника, где найдены наборы инструментов. В первом случае это топоры, долота, скобель, 10 серпов, 2 прясла; во втором - тесло, кузнечные клещи, маленький молоточек, наковаленка, железный предмет в виде лопаточки.

Одним из характерных предметов среди инвентаря погребений восточных славян является железный нож с прямой спинкой (рис. 17). На



Ножи, оселки, кресала и кремни к ним в погребениях:
а - ножи; б - оселки; в - кресала; г - кремни к ним

Рис. 17

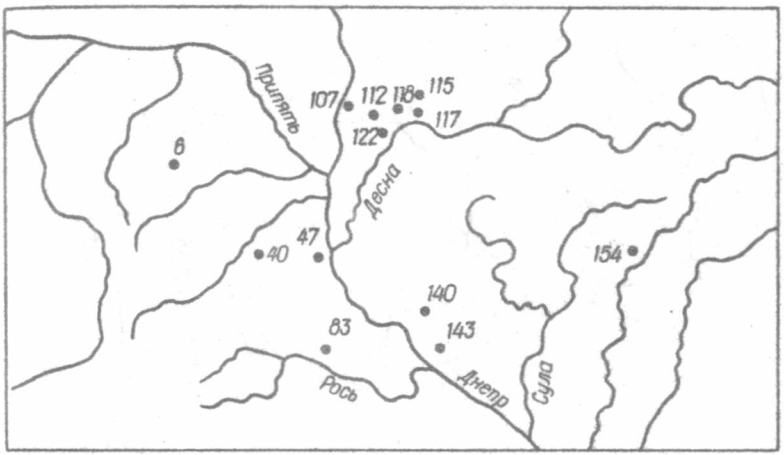
территории Среднего Поднепровья ножи обнаружены у пояса погребенных (где их обычно носили) свыше 210 раз. Из них два ножа были в ножнах, три - в мешочках. В 10 случаях у пояса найдено по два ножа, в одном - только ножны. В ряде погребений ножи обнаружены не там, где их носили при жизни (т.е. у пояса). Так, в пяти случаях ножи находились в изголовье, в трех - у колен (в том числе в одном погребении 2 ножа), в одной могиле нож был воткнут вертикально в землю. В восьми погребениях нож лежал на груди умершего (в одном из них - два ножа), а в четырех - между ребрами и костями рук. В 10 погребениях ножи найдены у плеч, а в 8 - около ног (при этом в одном случае нож находился в горшке). Четыре ножа обнаружены в кенотафах, три - в курганных насыпях, а два - в засыпке могильных ям.

Кроме основного, бытового, назначения, ножу, как известно по этнографическим данным, приписывались и магические функции - убиение злого духа и т.п. /120, с. 729/. Можно предположить, что в тех случаях, когда ножи находились не около пояса, они имели ритуальное назначение*. Ритуальный смысл имело, вероятно, и наличие ножей в кенотафах, в насыпи курганов и в засыпке ям.

Более чем в 120 случаях (рис. 16) в погребениях обнаружены оселки (свыше 60 захоронений), кресала (свыше 60 погребений) и кремни к ним (свыше 40 могил). Иногда они встречались вместе с ножами, иногда каждый в отдельности. Так, оселки были найдены в 25 погребениях, а кресала - свыше 16 раз. Эти предметы были найдены вместе с остатками мешочков (7 раз), в сумке (1). Вероятно, они хранились в каких-то мешочках или подвешивались к поясу (на некоторых оселках имеются отверстия для подвешивания). Но также, как и ножи, оселки, кресала и кремни найдены не только в области пояса. Так, кресало и кремень найдены у плеча, у правой ноги, в засыпке могильной ямы. В двух случаях обнаружено по оселку у плеч погребенных, в одном - у ног лежало три оселка, в другом - оселок найден в насыпи кургана. В одном из кенотафов обнаружены оселок, кресало и кремень, а в другом только оселок. Очевидно, в этих случаях предметы были положены в качестве дара.

Гораздо реже встречаются другие категории вещей. Так, в ряде погребений найдены принадлежности туалета: свыше 40, в основном костяных, гребешков (рис. 18), 2 бронзовых пинцета (Седнев, Боромыки), обломки бритвы (Шестовица). В четырех погребениях (Киев, Чернигов, Шестовица) найдены фрагменты железных ключей, а в пяти (Киев, Кита-

* Такое предположение было выдвинуто при аналогичных случаях находок ножей в других восточнославянских землях /21 с. 18; 307, с. 119/.

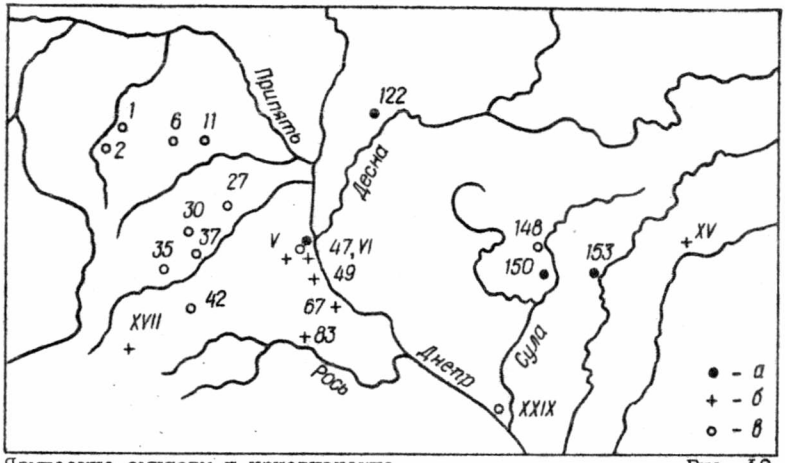


Гребни в погребениях Рис. 18

ев, Лепляво, Чернигов) - железные замки. В трех могилах (Киев, Шестовица) обнаружены небольшие весы, при двух из них были найдены и гирьки. В 10 случаях (Шестовица, Чернигов) выявлены только гирьки (возможно, весы не сохранились). Возле 13 погребенных (Киев, Жовнино, Любеч, Пересаж, Седнев, Шестовица) обнаружены остатки деревянных, оббитых железными полосами ларчиков.

В трех могилах (Киев, Табаевка, Шестовица) выявлены костяные свистульки, в шести (Киев, Седнев, Шестовица) - стеклянные игральные шашки и кости, а среди инвентаря нескольких погребений (Киев, Жовнино, Шестовица, Млыны) - астрагалы овцы или козы, которые использовались для игры "в бабки" [275, с. 43].

В кургане Черная Могила были найдены шашки и игральные кости, бабки и бита. В 14 погребениях (Киев, Китаев, Чернигов, Шестовица) обнаружены остатки кожаных сумок, украшенных бляшками, а в целом ряде погребений - отдельные бляшки, обломки и слитки металлических, стеклянных, костяных предметов (установить, каких именно, невозможно). В семи погребениях (Киев, Седнев, Шестовица) обнаружены изогнутые костяные острия, тупой конец которых оформлен в виде головы зверя. В.Л.Янин объясняет их как стили для письма [412, с. 31]. Вряд ли это так. Нам известно множество металлических стилей древнерусского времени, более удобных для письма, чем изогнутые и не очень острые упомянутые предметы. В трех погребениях по обряду трупосожжения и в одном кенотафе найдены железные заклепки длиной 5-7 см. В трех случаях (Быково, Росава) возле умерших обнаружены же-



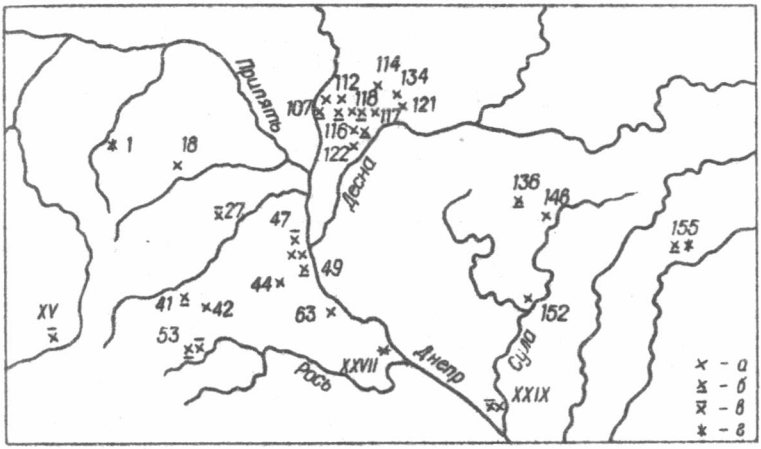
Языческие амулеты и христианские символы в погребениях:
а - языческие амулеты; б - христианские символы; в - каменные орудия и сколотые кремни

Рис. 19

лезные острия с кольцами - предметы, употреблявшиеся на Руси в качестве вилки [84, с. 126].

В ряде погребений найдены амулеты (рис. 19): ключик, кинжальчик, коготь неизвестного зверя; в шести погребениях - кабаньи клыки, более чем в трех - медвежьи клыки (один клык найден в насыпи); несколько клыков неизвестных животных (из них два клыка были одеты на одно кольцо), а также просверленная кость бобра. В двух погребениях (Киев, Козин) найдены миниатюрные топорики, являвшиеся символами Перуна и имевшие значение магического оберега [106, с. 98-99].

Ритуальное назначение, вероятно, имели каменные орудия более ранних эпох и сколотые кремни, обнаруженные в 14 древнерусских погребениях на территории Среднего Поднепровья (рис. 19). Кремневые ножи, обломки топора, долото, наконечник стрелы и сколотые кремни найдены около кистей рук, на груди, у головы, в насыпях курганов. Интересно отметить, что при раскопках в Новгороде на одной из усадеб также было найдено неолитическое тесло [413, с. 45]. Очевидно, наличие каменных орудий, скорее всего, можно объяснить приписываемыми им магическими свойствами. В связи с этим следует отметить почитание "громовых стрел" (кремневых орудий) населением разных частей Восточной Европы и в XX в. [215, с. 50; 364, с. 185]. В кургане № 141 Шестовицкого могильника найден глиняный слепок лапы и глиняное кольцо - также вещи культового назначения.

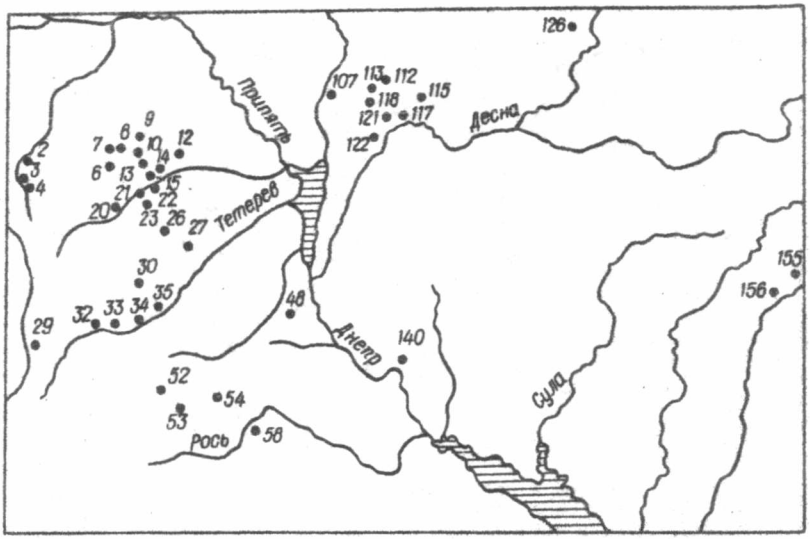


Остатки фауны и флоры в погребениях. Рис. 20
Остатки фауны: а - около умерших; б - остатки фауны в насыпях курганов; в - остатки фауны в засыпке могильных ям; г - остатки флоры

В ряде погребений были обнаружены предметы христианского культа (рис. 19): иконки (свыше пяти погребений) и нательные кресты (более чем в 15). В некоторых могилах найдены одиночные вещи: бронзовая копоушка (Чернигов), древолазный шип (Шестовица), турьи рога (Чернигов, Шестовица), бронзовый идол (Чернигов), кусок воска (Шестовица), глиняное расписное яйцо (Броварки), бронзовая курильница (Киев), керамический водолей (Шестовица). О многих из вещей речь будет идти в последующих главах.

В ряде погребений обнаружено наличие остатков фауны (78 случаев) и флоры (11). Остатки костей найдены в заполнении могильных ям (7) и в курганных насыпях (26) (рис. 20). Среди них удалось определить остатки свиньи, барана, коня, тура, быка, овцы или козы, коровы, собаки, кошки, зайца, куницы, черной вороны, черепахи, рыбы, гуся, курицы, а также скорлупы яйца и ракушки белого цвета. В погребениях обнаружены желуди, лесные орехи, льняные семена, зерна пшеницы, проса, дикие груши.

Кости животных в насыпях курганов и засыпке могильных ям, встречаемые иногда с углями и керамикой, можно рассматривать как следы поминального пира - обряда, существовавшего вплоть до XX в. [325, с. 92]. Поминальный пир ("страву") необходимо отличать от из-



Местонахождение курганных ровиков Рис. 21

вестной в погребальном ритуале восточных славян "тризны" - боевых игр, ристаний, особых обрядов, призванных отгонять смерть от оставшихся в живых и демонстрировавших их жизнеспособность [286, с. 42].

Следует отметить, что наряду с погребениями, содержавшими инвентарь и остатки жертвоприношения, в тех же некрополях встречались погребения (более 1230), где кроме человеческого скелета ничего не обнаружено. Это касается погребений по обряду кремации и по обряду ингумации.

Вокруг 256 курганов в Среднем Поднепровье (из них в 12 погребений не обнаружено) различными исследователями отмечены ровики: иногда с перемычками (их еще называют мостиками), а иногда и без них (рис. 21). В ряде случаев перемычки ориентированы по сторонам света, число их колеблется от одного до четырех. Ровики имели не только техническое назначение как место, откуда брали землю для насыпки кургана, но и ритуальное - в них во время захоронения разжигался жертвенный огонь [9; 309, с. 23-24]. Вероятно, только в связи с некачественной методикой раскопок курганов, особенно в дореволюционное время, ровики отмечены вокруг сравнительно небольшого числа насыпей (там, где они не заплыли).

В нескольких курганах трех некрополей (Буки, Ягнятин, Шестовица) вокруг подкурганных могильных ям выявлены ямки и канавки от деревянных кольев, кольцом окружавших умерших.

Анализируя материалы погребальных памятников, важно не только выявить составные элементы погребальной обрядности, но и проследить их корреляцию между собой. Для этой цели воспользуемся широко применяемой современными исследователями формулой:

$$f = \frac{s^2}{kl},$$

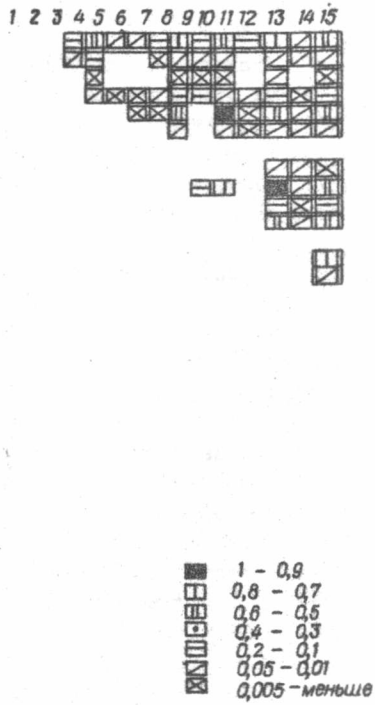
где f - показатель сходства, k, l - число случаев наличия каждого из двух признаков для выделения степени корреляции в тех или иных археологических комплексах определенных регионов (в нашем случае - в погребальных памятниках IX-XIII вв. на территории Среднего Поднепровья), а s - число случаев сочетания обоих признаков в отдельных комплексах /125, с. 50/. Корреляция проводилась для курганных и грунтовых захоронений отдельно; не использовались лишь материалы захоронений кочевников, проанализированные в других работах (С.А.Плетнева, Т.А.Федоров-Давыдов и др.). В число признаков не попали только некоторые из упомянутых выше единичных находок. Для отображения полученных результатов в корреляционных таблицах выделено семь уровней показателей сходства: 1-0,9; 0,8-0,7; 0,6-0,5; 0,4-0,3; 0,2-0,1; 0,05-0,01; 0,005 и меньше. В связи с неполной информацией о некоторых из исследованных могильников (в частности раскопки конца XIX - начала XX в.) в числовых выкладках отдельных признаков имеются расхождения. Так, не совпадает общее число трупоположений в курганных захоронениях Среднего Поднепровья с количеством трупоположений, обнаруженных на или выше горизонта и в подкурганных ямах, - в ряде случаев исследователи не отмечали уровень захоронения относительно поверхности земли. По той же причине не совпадает общее число трупоположений с количеством захоронений с остатками гробов и без них, а также в некоторых других случаях. Поэтому необходимо помнить, что результаты корреляции являются не абсолютными, а относительными - по причине состояния источников.

Математические расчеты подтвердили и позволили уточнить сведения о характерных особенностях погребальной обрядности восточнославянского населения на территории Среднего Поднепровья в древнерусское время (см. табл. 1; 2). В какой-то степени эти данные отражают черты рассматриваемого обряда и в других славянских районах Восточной Европы средневекового периода.

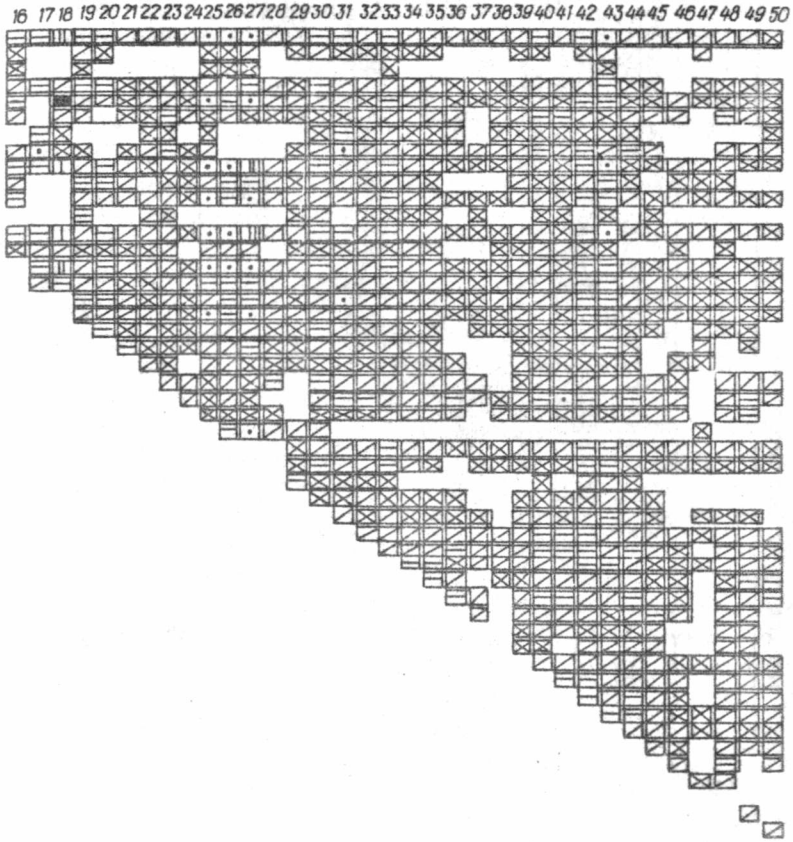
Не менее важной стороной всестороннего анализа материалов погребальных памятников является изучение генезиса обряда среднеднепровских славян конца I - начала II тыс. н.э., т.е. время окончательного разложения первобытнообщинных отношений и формирования классового общества в рассматриваемом восточноевропейском регионе. Для ос-

Т а б л и ц а 1. Корреляционная таблица подкурганных захоронений

Признаки	Общее количество
1. Земляные насыпи	1965
2. Камни вокруг и в насыпи	35
3. Дерево в насыпи	6
4. Курганные ровики	256
5. Простые ямы	1104
6. Деревянные обкладки ям	40
7. Трупосожжение на стороне	69
8. Трупосожжение на месте	190
9. Трупоположение	1665
10. /на и выше горизонта/	353
11. /ниже горизонта/	1192
12. Кенотафы	116
13. Ориентировка западная	1586
14. Иная ориентировка	44
15. Одиночные захоронения	1312
16. Захоронения нескольких	135
17. Погребения на и выше горизонта	608
18. Погребения ниже горизонта	1195
19. Угли и пепел в насыпи	147
20. Угли и пепел у покойника	183
21. Прослойки глины, камней, песка	29
22. Остатки фауны в насыпи	27
23. Остатки фауны в могиле	67
24. Остатки флоры в могиле	10
25. Погребения без инвентаря	776
26. Погребения без гробов	570
27. Гробы	800
28. Доски, бруски в могиле	43
29. Береста в могиле	23
30. Керамика в насыпи	184
31. Керамика в могиле	333
32. Другие емкости	67
33. Ножи	241
34. Кресала и кремни	60
35. Оселки	60
36. Гирьки и весы	13
37. Ключи и замки	7
38. Ларчики	12
39. Орудия труда	60
40. Оружие и доспехи	108
41. Снаряжение всадника и коня	44
42. Элементы костюма и обуви	290
43. Украшения	586
44. Туалетные принадлежности	40
45. Принадлежности для игр	14
46. Амулеты и кресты	25
47. Кремневые изделия	14
48. Монеты и подражания	30
49. Сумки	14
50. "Стили"	7



Признаки


16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50

бали в курганах только с наступлением весны [415, с. 12-13]. Существует также мнение, что трупосожжение на стороне или на месте погребения присуще различным восточнославянским летописным племенам [323, с. 148].

Многочисленные материалы раскопок курганов второй половины I тыс. н.э. подтверждают точку зрения исследователей, которые рассматривают переход погребального обряда от трупосожжений на стороне к трупосожжениям на месте как результат генетического развития обусловленный самим развитием восточнославянского общества [45, с.36-37; 184, с. 112-113]. Эту схему развития погребальной обрядности подтверждают и памятники лесостепной и лесной зон. Речь идет о небольших круглых курганах, не вызывающих сомнения в своей славянской принадлежности.

Возвращаясь к вопросу о замене обряда трупосожжения обрядом трупоположения, отметим, что ряд исследователей выступили против идеи смены обрядности под влиянием христианской религии [29, с. 88; 45, с. 40; 304, с. 104]. Так, В.В.Седов отмечал, что в Древней Руси христианская религия была введена лишь в самом конце X в., данных же о распространении новой религии ранее этого времени не имеется. А для серьезного изменения погребальной обрядности необходимо, конечно, признание христианского мировоззрения широкими слоями населения или, по крайней мере, издание государственных запретов сожжения вроде капитуляриев Карла Великого. Более того, имеются все основания полагать, что христианство и в начале II тыс. н.э. в древнерусской деревне распространялось очень медленно, что наряду со свидетельствами древнерусской письменности подтверждает и археологический материал. В.В.Седов, так же как и Д.И.Блифельд, отмечает, что вопрос о причинах смены обряда сожжения умерших ингумацией не поддается разрешению [304, с. 104].

Недостаточность достоверных письменных данных об идеологических представлениях восточных славян рубежа I-II тыс. н.э., через которые формируются традиции погребальных ритуалов, лишает нас возможности уверенно назвать причину смены погребального обряда.

Вероятно, причин замены кремации ингумацией было несколько. В районе Киева, куда христианство проникло задолго до официального введения его Владимиром Святославичем в конце X в., обряд трупоположения мог появиться в IX-X вв. под определенным воздействием новой религии [21, с. 368; 94, с. 476-477; 281, с. 61]. К сожалению, материалы большинства ординарных погребений по обряду трупоположения на территории Киева не сохранились, а описание найденных в них вещей очень краткое. Богатых погребений IX в. пока не выявлено. Вероятно,

их и не было (причины будут рассмотрены в главе Ⅲ). Предположительно Ⅸ-Ⅹ вв. можно датировать погребение 84 в усадьбе Исторического музея, где обнаружены фрагменты лепной керамики, и погребение Ⅰ по ул. Владимирской, 3, где найден односторонний костяной гребень, который по староладожским аналогам можно датировать Ⅸ-Ⅹ вв.* [103, с. 100-101]. Наличие многочисленного инвентаря в киевских могилах Ⅹ в. (см. табл. 3) имеет аналоги в христианских погребениях на территории Великой Моравии [247]. Еще ярче погребальный обряд проявился в массовых погребениях конца Ⅹ в. и более позднего времени в районе Чернигова и Любеча, где до этого господствовал обряд трупосожжения [275, с. 22-49; 391; 392]**. Мы в данном случае не рассматриваем трупоположения Ⅹ в. в так называемых срубных гробницах, известных в окрестностях Чернигова, в которых, вероятно, погребены представители не местного населения. (Этот вопрос подробно рассмотрим главе Ⅲ.)

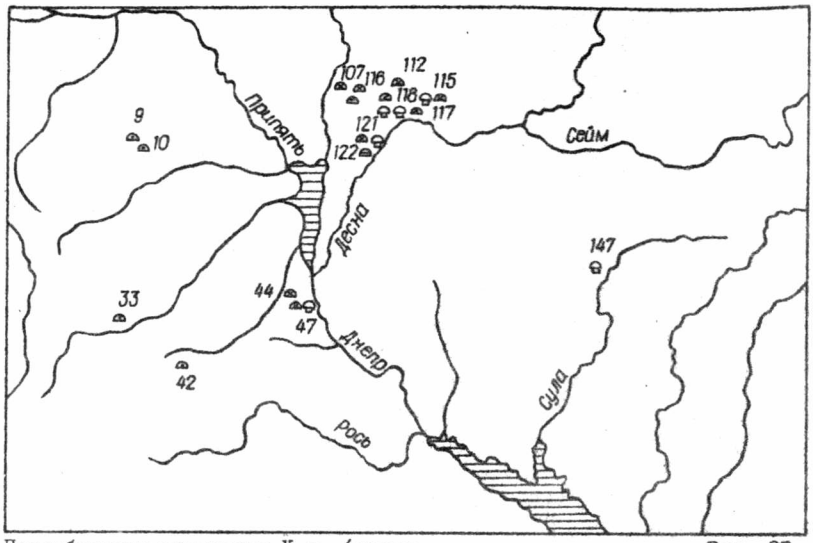
На Черниговщине погребальный обряд после введения христианства, сохраняя некоторые языческие пережитки, не противоречил церковным канонам. Прекратилось сожжение покойников, умерших хоронили в грунтовых ямах, над которыми лишь насыпали небольшие курганы, исчезли стравницы и инвентарь из большинства погребений. Типичным некрополем этого времени является могильник на Болдиных горах в Чернигове [275, с. 19]. Аналогичная картина наблюдается и в западнославянских землях, где после введение христианской религии в Ⅸ-Ⅹ вв., в отличие от восточнославянской территории Ⅺ-Ⅻ вв., над погребенными (уже по обряду ингумации) курган не насыпают [432, с. 213; 433, с. 20-21].

Трудно говорить о христианстве как об основной причине смены погребального обряда на территории Восточной Волыни, где проживали древляне, прекратившие сжигать умерших во второй половине Ⅹ в. Население Чернигова и Любеча, поддерживавшее тесные связи с Киевом, несомненно, должно было столкнуться с новой религией гораздо раньше, чем живущие в "лесах" древляне. Кроме того, на древлянской территории захоронения в могильных ямах (одна из характернейших особенностей христианского погребального обряда) появляются только в Ⅺ-

---

* В Среднем Поднепровье к Ⅸ-Ⅹ вв., возможно, относятся погребения 89 и 101 Жовнинского некрополя: они находятся в 200 м от северного конца могильника Ⅺ-ⅩⅢ вв.; в погребении 89 обнаружено глиняное пряслице. Кроме того, значительная фоссилизация скелетов производит впечатление более древних, чем основная масса древнерусских.

** Следует выделить погребения по обряду трупосожжения у дер. Пересаж. Это захоронения представителей сельского населения - бесспорно местных элементов.



Погребальные комплексы X в. (условные обозначения см. на рис. 2) Рис. 23

древлян). К самым ранним погребениям с обрядом трупоположения можно отнести курганы № 15 Речицкого и № 1 Овручского могильников, где были найдены сережки "волынского типа" IX-X вв., № 20 у с. Быково, где обнаружена розетчатая серьга, № 17, 27, 20, 22 Житомирского некрополя, в которых среди инвентаря находились мелкозернистые лопастные бусины X - начала XI в. (табл. 3; рис. 23). Обряд трупоположения господствовал на территории древлян в X-XII вв.

На территории Восточной Волыни вначале появились трупоположения на горизонте, а в XI-XII вв., как результат влияния христианской религии - в подкурганных ямах. Характерной иллюстрацией постепенного перехода от захоронения на горизонте к захоронению в яме являются раскопанные И.П.Русановой курганы у с. Буки Житомирского р-на, где глубина могильных ям достигала 10-20 см от уровня древнего горизонта.

На территории Черниговщины развитие погребальной обрядности по сравнению с древлянской территорией задерживалось где-то на полстолетия. Так, в ряде курганов с остатками трупосожжений на стороне были обнаружены фрагменты гончарной керамики IX-X вв. (табл. 3). В кургане 94 Шестовицкого могильника выявлены обломки одностороннего костяного гребня IX-X вв. К погребениям последней четверти I тыс. н.э. можно отнести и курган 17 некрополя у с. Звеничев, где были обнару-

жены фрагменты лепных сосудов, а, по рассказам местных жителей, кладоискатели из кургана извлекли "горшок с углем". Этим же временем датируются остатки трупосожжения на стороне, выявленные в урне роменского типа на могильнике у с. Каменное (рис. 22). Рассмотренный обряд на землях Черниговщины сменяется в первой половине X в. обрядом трупосожжения на месте, что подтверждают четко датированные разными вещами погребальные комплексы (табл. 3; рис. 23). Хотя в некоторых левобережных погребениях обнаружены вещи, бытовавшие не только в X в., полная аналогия обрядности со многими узкодатированными погребениями позволяет нам и эти могилы отнести к X в. (рис. 23).

На территории Киевщины большинство захоронений по обряду сожжения были обнаружены в конце XIX - начале XX в., когда методика раскопок этих погребений была несовершенна. Поэтому информация о них недостаточно полная.

Частичные трупоположения, выявленные на территории Среднего Поднепровья, вероятно, занимают промежуточную ступень между обрядами кремации и ингумации. В 10 погребениях (Тепеница, Речица, Житомир, Онишполь, Буки) обнаружены обожженные гробы - также пережиток обряда трупосожжения.

Вернемся к выяснению причин, заставивших некоторые восточнославянские племена, в частности древлян, перейти от кремации умерших к их ингумации. Для этого необходимо вспомнить, что развитие обряда трупосожжения и замена его обрядом трупоположения происходила у восточных славян в очень важный период истории - разложения у них первобытнообщинного строя и возникновения Древнерусского государства. В VI-VII вв. славяне Восточной Европы находились на стадии военной демократии. Коренной перелом в развитии хозяйства начался в VIII в. В это время получило распространение плужное земледелие, ремесла выделяются в самостоятельную отрасль производства /271, с. 50-53/.

Прогресс в развитии производительных сил создает возможность индивидуализации производства, и малая семья становится основной хозяйственной единицей общества /104, с. 34/. У славян этот процесс происходил в I тыс. н.э., но среди исследователей до сих пор существует разногласие о более конкретном времени /187, с. 132; 249, с. 67; 322, с. 115-116; 363, с. 404/. Причиной этого является недостаточное количество источников. На наш взгляд, приблизиться к решению вопроса могут помочь работы по этнографии, в которых прослеживаются основные закономерности перехода от доклассового общества к классовому. Целый ряд исследователей отмечает, что переход к чисто территориальным связям начинается в период окончательного разложения первобытнообщинного строя, а соседская община характерна для

Таблица 3. Курганы X в.

Номер соответствует номеру на рис. 23	Комплекс	Кремация		Ингумация		Да		
		на стороне	на месте	на и выше горизонта	ниже горизонта	мечи	топоры	копья
9	Речица, к.15			x				
10	Овруч, к.1			x				
33	Житомир, к.17			x				
	" к.20			x				
	" к.22			x				
	" к.27			x				
	" к.37			x				
42	Быково, к.20			x				
47	Киев, п.121		x					
	" п.14				x			
	" п.30				x			
	" п.86				x		x	
	" п.94				x			
	" п.108				x			
	" п.110				x			
	" п.112				x			
	" п.113				x	x		x
	" п.116				x			
	" п.117				x	x		
	" п.123				x			
	" п.124				x			
	" п.125				x			
107	Любеч, уроч.Высокое поле, к.10		x					
115	Седнев, к.1		x					
	" к.4		x					x
	" к.10		x					
	" к.7				x		x	x
116	Пересаж, к.8	x						
	" к.28		x					
	" к.188		x				x	
117	Чернигов, к.Гульбище		x			x	x	x
	Чернигов, к.Черная Могила		x			x		
	Чернигов, "Старое кладбище в Березках", к.15		x					
	Там же, к.17				x		x	
	Чернигов, Болдины горы, к.11				x			
121	Гущин, большой курган				x		x	x

тирующие вещи							Прочие
удила	стре-мена	гирь-ки	моне-ты	чере-пахо-видные фибу-лы	Бусы		
					сер-доли-ко-вые*	мел-ко-зер-ненные лопа-стные	
					x		Серьги "волынского типа"
					x		То же
						x	
						x	
						x	
						x	
					x		Розетчатая серьга
							То же
			x				
			x				
			x				
			x				
			x				Кольцевидная фибула с длинной иглой
			x				
			x				Серьги "волынского типа"
	x						
							Кольцевидная фибула с длинной иглой
			x				
			x	x			Серьги "волынского типа"
				x			
x							
							Подвеска с изображением Одина и воронов
			x				Подковообразная фибула с многогранными головками
							Шарообразная бусина глазчатая глухого стекла
							Подвеска с изображением сегнерова колеса
x	x						Шлем, кольчуга
	x	x	x				Кольчуги, шлем, сабля
x							
x	x						
x	x						
x	x						

Номер соответствует номеру на рис. 23	Комплекс	Кремация		Ингумация		Да		
		на стороне	на месте	на и выше горизонта	ниже горизонта	мечи	топоры	копья
122	Шестовица, к.15	x						
	" к.46		x					
	" к.58		x			x		x
	" к.59		x					
	" к.60	x						
	" к.73	x						
	" к.82	x						
	" к.2				x		x	
	" к.4				x			x
	" к.21				x		x	
	" к.36				x	x		x
	" к.41				x			x
	" к.42				x	x		x
	" к.78				x			
	" к.98				x		x	x
	" к.100				x			
	" к.110				x	x		
	" к.121				x		x	
147	Глинск, к.3				x			

* Шаровидные, плитчатые и призматические.

классового общества [55, с. 31; 105, с. 14-15, 21; 156, с. 31; 315, с. 84]. Вероятно, и славяне не были исключением. Поэтому, анализируя археологические материалы, необходимо помнить о данном факте.

Возвращаясь к рассмотрению погребальных памятников на территории Среднего Поднепровья, отметим, что во время бытования обряда трупосожжения на стороне умершего сжигали на общем для всей общины месте [26, с. 309, 313]. На территории древлян, около Шумска, удалось исследовать такое специальное место для сожжения умерших. Оно представляло собой мощное кострище, окруженное ровиком [270, с. 37; 271, с. 42]. Подобные кострища известны и в других местах, где применялся обряд трупосожжения на стороне: на Левобережье Днепра - Сосницкий могильник VII-VIII вв., в Белоруссии - Таймановский могильник II-IX вв., в Польше - Струпинь, Обровец I в. до н.э. - V в. н.э., в Болгарии - Разделна VIII-IX вв. н.э. [36, с. 36; 243, с. 125; 430, с. 430-441; 109, с. 76]. Е.Шицловский объясняет трудность обнаружения таких кострищ тем, что они располагались не на территории мо-

Окончание табл. 3

тирующие вещи							Прочие
удила	стремена	гирьки	монеты	черепаховидные фибулы	Бусы		
					сердоликовые*	мелкозерненые лопастные	
							Бусина строенного профиля из непрозрачного глухого стекла
x							
	x		x				Скрамасакс
				x			
				x			Синяя стеклянная двойная бусина
					x		
		x					
		x					
x	x		x				Скрамасакс
	x						
x	x						
			x				
x	x	x					Скрамасакс
			x				
x			x				Скрамасакс
			x				

гильника. Кроме того, площадки для сожжения находились прямо на поверхности земли и вследствие природных явлений (осадки, выветривание) или пахоты могли быть полностью уничтожены [430, с. 440].С этим мнением, несомненно, можно согласиться.

Все члены первобытной общины, участвующие в коллективном производстве вследствие слабости отдельной личности [2, с. 404], вероятнее всего, принимали участие в погребальном ритуале. Это предположение подтверждается и этнографическими данными [347, с. 210]. Есть и этнографические сведения, указывающие на то, что ближайшие родственники умершего вследствие участия больших групп в проведении ритуала вообще были малоактивны во время похорон [12, с. 18; 13, с. 18]. На последнем этапе доклассовой эпохи, во времена первобытной соседской, по терминологии А.И.Першица [233, с. 165], или пра(прото)крестьянской, по терминологии Ю.И.Семенова [314, с. 34; 315, с. 84], общины, когда род как надстроечное явление продолжал существовать,

погребальные ритуалы осуществлялись, вероятно, также большим коллективом людей.

Этнографические исследования подтверждают, что в конце доклассового периода (эпоха военной демократии), когда начинают рушиться родовые устои и на первое место выдвигается семья, погребальные обряды, сохраняя общинный характер, в какой-то мере закрепляются за последней [347, с. 211]. Начавшийся процесс индивидуализации личности, основанный на все большей хозяйственной самостоятельности небольших коллективов ближайших родственников, вероятно, был причиной перехода от стадии трупосожжения на стороне к трупосожжению на месте - индивидуального в каждом случае захоронения. Индивидуальность в проведении нового обряда отмечал С.С.Ширинский [392, с. 106]. Новый обряд, очевидно, первыми начали использовать представители общественной знати, которая в связи с процессом окончательного разложения первобытнообщинных отношений выделилась из общей массы общинников [45, с. 37].

На смену первобытному обществу пришло классовое. Наступила эпоха цивилизации, которой соответствует и окончательно утверждает свое господство моногамная семья. Отдельная семья становится хозяйственной единицей общества [3, с. 176].

С этого времени погребальные обряды переплетаются с семейно-родовым культом, составляя часть последнего и утрачивая связь с публичными формами культа [347, с. 211]. Община принимает участие в похоронах, но основная нагрузка перекладывается на семью. Экономические трудности могли повлиять на идеологические воззрения древлян по отношению к погребальному обряду: "общественное сознание отражает общественное бытие..." [5, с. 343], и быть одной из причин перехода восточнославянского населения в целом и населения Восточной Волыни в частности от кремации к ингумации умерших. Экономические факторы учитываются и при рассмотрении перехода от трупосожжения к трупоположению в греческом обществе [121, с. 14].

Небезынтересны в этой связи сведения Ю.П.Аверкиевой о погребальном обряде квакиютлей Северной Америки, находившихся в ранний период колонизации белыми переселенцами приблизительно на той же стадии исторического развития, что и восточнославянские племена конца I тыс. н.э. Так, на материалах различных групп квакиютлей прослеживаются три этапа в развитии их погребального обряда: первый - сжигание умершего и его личных вещей с последующей установкой ящичка с прахом на дереве; второй - установление ящика с умершим на дереве, сжигание его личных вещей или развешивание их на дереве (могла быть

и раздача этих вещей); третий - захоронение покойника в землю, - вошедший в практику под влиянием христианских миссионеров [12, с.77]. Для нас наиболее важен зафиксированный факт перехода от кремации к ингумации у упомянутого индейского племени без воздействия христианства на идеологические воззрения представителей этой этнографической общности.

Таким образом, анализ материалов погребальных памятников, оставленных населением Среднего Поднепровья в рассматриваемый период их исторического развития, показал, что основное направление эволюции обрядности следует проводить от трупосожжения на стороне через кремацию на месте захоронения к обряду ингумации умерших. Сам переход от сожжения к трупоположению мы не склонны связывать только с влиянием христианской религии. Немаловажную роль в изменении идеологических воззрений славян (что привело и к изменению обрядности) в конце I тыс. н.э., вероятно, сыграли результаты общественного развития. Новая религия в какой-то степени была известна в первую очередь жителям стольного Киева и его округи. Хотя о христианстве, по необходимости, уже упоминалось выше, подробное выяснение его влияния на погребальный обряд среднеднепровского населения на протяжении всего древнерусского периода - тема следующей главы.

ГЛАВА II

ПРОЦЕСС РАСПРОСТРАНЕНИЯ ХРИСТИАНСТВА НА РУСИ

Вопрос о распространении христианства на Руси интересовал многих отечественных и зарубежных специалистов. Внимание исследователей к мировым религиям в период средневековья объясняется их ролью в жизни обществ того времени. Христианство, в частности, было типичной формой феодальной надстройки средневековых государств европейского континента [152, с. 86].

Нередко для освещения данной темы использовались в основном материалы письменных источников, а археологические данные являлись дополнением к ним. Но необходимо постоянно помнить, что известия древнерусских летописей, а также сведения иных литературных памятников в большинстве случаев выходили из-под пера церковников и, вследствии этого, часто были весьма субъективными и тенденциозными. Не улучшали их и последующие редакторские правки, при которых те или иные части текста переделывались по различным, вполне "земным" причинам (требования князя, изменение политической ориентации, отношение к отдельным историческим лицам и т.п.). Кроме того, по разным причинам многие документы к нам не дошли или дошли фрагментарно. Поэтому определенные исторические моменты исследователям приходится моделировать в какой-то степени умозрительно, что иногда вызывает возражения других специалистов. Как пример можно привести факты противоречивых суждений о том, кто из князей крестился при патриархе Фотии, наличия в "Повести временных лет" по крайней мере трех версий крещения Владимира Святославича, споры о годе крещения упомянутого князя и всей Руси [86, с. 38, 130; 167, с. 9, 26].

Доверительное, некритическое отношение к источникам в некоторых случаях приводило к искаженным историческим выводам. Так, в работах дореволюционного времени христианству иногда приписывалась первопричина в процессе перехода славян от первобытного состояния к эпохе цивилизации, предполагалось его самостоятельное активное проникновение в идеологию масс [20, с. 9-10; 321, с. 10]. Конечно, эти утверждения были неправильными. Как отмечал Ф.Энгельс, "...воззрение, по которому религия имеет значение решающего рычага мировой истории, сводится в конечном счете к чистейшему мистицизму" [4, с. 217]. Современными историками установлено, что переход к новой религии диктовался политическими соображениями формировавшегося класса феодалов. Некоторые расхождения в мнениях разных исследова-

телей касаются лишь акцентов на социальных или же культурных и политических аспектах [32; 59; 76; 167].

Для дальнейшего углубленного исследования данного актуального вопроса древнерусской истории представляется весьма перспективным комплексное использование письменных и археологических источников. В частности, погребальные памятники - материальное выражение взаимосвязанного с идеологическими воззрениями ритуала - позволяют конкретнее и полнее осветить детали распространения новой религии, более объективно проследить борьбу старого и нового в мировоззрении масс, проверить некоторые сведения других (письменных, этнографических) источников.

Прежде чем приступить к рассмотрению материалов захоронений, остановимся на некоторых общих вопросах затронутой проблемы. Так, до настоящего времени в науке существует противоречие по вопросу о степени влияния и распространения христианства в первые века древнерусской истории. Первые упоминания о крещении какой-то части русов обнаружены в окружном послании константинопольского патриарха Фотия, датированном 866 г., что некоторыми исследователями признается как бесспорная победа новой религии над язычеством. Христианизация же была одной из форм связей разных народов с Византийской империей и являлась актом в большей мере политическим, чем религиозным [300, с. 274-275]. Таким путем Византия пыталась расширить сферу своего непосредственного влияния и власти (см.: М.И.Артамонов "История хазар").

Такие же цели преследовали и правители Франкского государства, в частности Людовик I Благочестивый, который пытался крестить норманнов. Крестились при нем и многие скандинавы, но истинная причина данного акта со стороны вновь обращенных заключалась в том, что их привлекала возможность получить при крещении одежды и подарки, выдаваемые при этом франками. Любопытен рассказ сен-гелленского монаха о том, что однажды явилось до полусотни язычников и попросили окрестить их. Но не хватило крещальных одежд для всех. Тогда они стали рвать ткани на куски и делить их между собой. Один из старейшин среди них признался: "Я принимал крещение двадцать раз и всегда получал хорошее платье, но ныне мне дали мешок, подходящий пастуху, но не воину" [99, с. 90].

Поэтому и в вопросе о крещении русов во второй половине IX в. необходимо учитывать и "земные" мотивы согласия на крещение константинопольскими священниками. Бесспорно, что где-то с этого времени христианство было известно на Руси, а его догмы частично принимались отдельными группами населения в IX-X вв. Подтверждением явля-

ется такой факт, как присутствие в дружине киевского князя Игоря воинов-христиан, которые, в отличие от язычников, присягали выполнять условия русско-византийского договора 944 г. в церкви святого Ильи на Подоле, а не у языческих кумиров [352, с. 58]. Ряд исследователей предполагает, что в Киеве в это время уже существовала довольно большая христианская община [352, с. 228; 395, с. 205 и др.]. В 957 г. княгиня Ольга посетила Константинополь, приняла крещение и не скрывала это до самой смерти. Правда, А.А.Шахматов, исследуя тексты русских летописей, отметил противоречивость сведений о кончине Ольги: ее похоронили при большом стечении народа, но тут же сообщается, что ее похоронил один священник [388, с. 114-115, 129]. На наш взгляд, на данном этапе исследований наиболее приемлемо мнение ученых, которые считают, что христианская религия до момента ее официального введения при Владимире Святославиче существовала на Руси "как вера частная" [86, с. 63]. Характерно и то, что в текстах договоров 911 и 944 гг. между Византией и Русью стороны именуются "Русь", "русинъ" и "хрестианы", "греки", т.е. русские противопоставляются византийцам-христианам, вероятнее всего, как язычники [300, с. 165, 253].

Введение одной из мировых религий эксплуататорской верхушкой того или иного средневекового общества было весьма ответственным шагом, далеким от "божественных предначертаний". Новая вера укрепляла власть господствующего класса, переносила на главу государства представление о божественном происхождении власти, старалась поднять его авторитет в глазах подчиненных. Часто вероисповедование определялось политическими мотивами, о чем уже говорилось выше. Для примера можно привести факты из истории соседей Древнерусского государства - Хазарского каганата, Болгарии, Великой Моравии. В "Житиях Кирилла и Мефодия", а также в "Итальянской легенде" говорится о просьбе моравского князя Ростислава в 60-х годах IX в. прислать из Константинополя "епископа и учителя", способного излагать мораванам христианское учение. А Бертинские анналы под 864 годом сообщают о намерении болгарского правителя Бориса принять веру по католическому обряду [371]. Позднее, по ряду причин, эти решения изменились - в Древнечешском государстве утвердилось католичество, а Болгария стала православной. Еще чаще происходила смена религий в Хазарии: с 737 г. до начала IX в. там поочередно возносились ислам, христианство и иудейская религия [21].

С.П.Толстов отмечал, что привлечение могучей церковной организации, заимствованной в готовом виде, для борьбы с архаической родоплеменной религией происходило только тогда, когда у нового экс-

плуататорского класса появлялась развитая феодальная идеология [356, с. 261]. Конечно, в IX в. господствующая на Руси верхушка еще не обладала стройной системой взглядов и идей. Это произошло немного позже - в X в. (подробнее об этом см. в следующей главе).

По дошедшим до нас источникам прослеживается несколько попыток введения новой религии: упомянутое выше крещение Ольги в Константинополе и затем ее же просьба к германскому императору Оттону I в 961 г. прислать на Русь католического епископа. Адальберт Трирский отправился к новой пастве, но на следующий год возвратился назад [253, с. 59]. Наиболее активно действовал в этом направлении Владимир Святославич, который, заняв киевский стол, попытался приспособить к новой исторической ситуации отживающее язычество. В 980 г. создается пантеон языческих богов с Перуном во главе, куда вошли божества, популярные в разных районах Восточной Европы, т.е. была произведена попытка превратить Киев в религиозный центр всего восточного славянства. Тогда же на детинце строится новое капище, где помимо Перуна поставили "...и Хърса, и Дажьбога, и Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь" [244, с. 56]. Но религия первобытного общества не смогла служить новому классу феодалов - она не была к этому приспособлена. Взоры верхушки снова обратились к мировым религиям. Шараф ал-Заман Тахир Марвази сообщает о приезде в Хорезм послов от Владимира с целью выяснения возможности принятия ислама [356, с.258]; под 987 годом "Повесть временных лет" помещает рассказ об "испытании веры", когда представители киевского князя снова активно знакомятся с догмами почти всех мировых религий - магометанством волжских булгар, иудаизмом хазар, католицизмом и православием Рима и Константинополя.

Такие "религиозные эксперименты" несомненно свидетельствуют о поисках древнерусской княжеской верхушки оптимального варианта усовершенствования идеологической надстройки государства. Не случайна и попытка Владимира выйти из сложившегося положения путем "модернизации" языческих культов. Справедливо по этому поводу замечание А.Г.Кузьмина: "Средневековая литература наполнена самыми резкими отзывами о язычестве и эти характеристики нередко проникают в научную литературу. В действительности язычество как определенная система мировосприятия имела не только недостатки, но и определенные преимущества перед христианством... Оно было ближе к природе и лучше сохраняло многие практические достижения в ее освоении. С языческим мировоззрением была связана древняя поэзия, об уровне развития которой дает представление такой памятник, как "Слово о полку Игореве". Язычество требовало от человека большой активности, посколь-

ку не знало "воздаяния" на "том свете". Но оно было порождено родоплеменной организацией и могло сохраняться только на соответствующей социальной основе. Централизация языческого культа могла подорвать традиционную приверженность к своим богам, но не устраняла враждебность и отчужденность в отношении иных культов. Без перехода к монотеистической религии не могли быть достигнуты ни консолидация социальной верхушки, ни реальное объединение различных по языку и традициям племен" [167, с. 15-16]. После тщательного изучения и консультаций с приближенными Владимир Святославич делает выбор - около 988 г. на Руси вводится христианство по православному обряду. События, которыми сопровождался этот акт (взятие Корсуня, женитьба на Византийской принцессе, вооруженная помощь императорам в борьбе с мятежниками), позволили русскому правительству в церковной политике с самого начала занять самостоятельную позицию, независимую от воли и требований Византии. Новая религия с ее монотеизмом, иерархией святых, развитым учением о господстве и повиновении, проповеди непротивления зла насилию, что в условиях классового общества означало непротивление эксплуатации, в полной мере отвечала историческим условиям, сложившимся на Руси в последней четверти X в. [352, с. 234]. Являясь частью государственного аппарата, церковь во всех своих делах опиралась на помощь и поддержку (по необходимости и вооруженную) со стороны княжеской администрации. При дальнейшем анализе материалов погребальных памятников необходимо учитывать приведенную информацию, полученную, в основном, из письменных источников.

Переходя непосредственно к предмету исследования, остановимся вкратце на мировоззренческих представлениях автохтонного населения изучаемого региона в I - начале II тыс. н.э. Определенная реконструкция особенностей до- и христианской идеологии по данным погребального обряда позволит увидеть различия и общие черты, присущие общему комплексу представлений восточных славян на разных этапах развития древнерусского общества. Особые трудности возникают при воссоздании древних представлений, о которых, в отличие от христианских положений, почти нет сообщений в письменных источниках. В этом отношении весьма ценны материалы из погребальных комплексов по обряду кремации на месте захоронения.

Обряд одного из таких комплексов - знаменитой Черной Могилы в Чернигове, реконструировал Б.А.Рыбаков. "На избранном для погребения месте складывался костер, на котором сжигался покойник и сопровождающая его женщина; вокруг трупов было положено много оружия, украшений, посуды и других бытовых предметов. В ногах покойников клали туши быков, оседланных и взнузданных лошадей. Когда костер до-

горал, часть оружия и доспехов изымали из кострища и временно относили куда-то в сторону. Затем приступали к насыпке кургана, и когда насыпь достигала примерно половины или двух третей высоты предполагаемого кургана, на вершину насыпи укладывали изъятые из кострища доспехи, дополняли их ритуальными сосудами и через некоторое время по окончании тризны, совершавшейся вокруг воинских доспехов умершего воина, продолжали досыпку кургана, засыпая при этом и доспехи. Последним актом погребального обряда было водружение на вершине окончательно насыпанного кургана столпа с именем покойного. Впоследствии около столпа... производились поминки" [275, с. 24].

Конструкция погребального сооружения, символизирующая деревянный дом, прослежена и в других богатых комплексах, и в захоронениях рядового населения с более скромным обрядом погребения [275, с. 23; 392, с. 101-102], а также имеет аналоги в деревянных строениях более раннего времени, когда применялся обряд кремации на стороне от места погребения [39, с. 65-85]. Наличие разнообразных вещей, символического дома, сопровождающих слуг и животных говорят о понимании смерти славянами как перехода в "новую жизнь", в "новый мир", подобный окружающему. Различия в богатстве инвентаря захоронений конца I тыс. н.э. указывают на социальное расслоение общества этого времени.

В связи с традицией славян кремировать умерших на кострищах, построенных в виде деревянного дома, необходимо еще раз остановиться на описанном в X в. Ибн-Фадланом захоронении в ладье знатного руса, умершего в Поволжье [146]. Результаты многочисленных исследований в Северной и Восточной Европе убедили большинство археологов в том, что обряд погребения в ладье не характерен для славян. В пользу скандинавского происхождения погребенного на Волге говорит и проживание там купцов в длинных домах - строениях, характерных для Северной Европы. Кроме того, необходимо остановиться на деталях костюма женщин упомянутых торговцев. Так, у Амина Рази, пересказывавшего Ибн-Фадлана, отмечено: "Женщины тех мест, соответственно своему положению и количеству (своего состояния), делают коробочки из золота, серебра или дерева и, начиная с детских лет, привязывают их поверх груди, чтобы она не изменялась (буквально "оставалась в "своем положении") и не делалась большой". А у Наджиба Хамадани то же место читается: "Каждая женщина имеет привязанной на груди коробочку золотую или деревянную, и каждая (коробочка) сделана в виде кружка" [146, с. 71]. Нетрудно в этих "коробочках" увидеть черепаховидные (или скорлуповидные) фибулы - обязательную часть костюма скандинавской женщины. На наш взгляд, наиболее верно этнос "русов" Ибн-Фадла-

на определил А.А.Спицын, видевший в них выходцев из североевропейского региона, но долго проживавших на Руси /328, с. 315/. Исходя из этого, можно констатировать, что в воззрениях славян символический дом (и только дом) являлся отправным пунктом для переселения в "потусторонний мир".

Переходя к вопросу о достижении "мира того" умершим после сожжения, а также его местонахождении по представлениям древних славян следует отметить полное отсутствие информации по этому вопросу в письменных источниках. Поэтому кроме археологических реалий необходимо использовать самые общие и основные мировоззренческие положения индоевропейского пласта верований, которые зафиксированы у разных народов. Применительно к предмету нашего исследования это позволительно в связи с тем, что погребальный обряд, формируясь под воздействием идеологических представлений любого древнего общества, должен был вписываться в миропредставление создателей того или иного социального организма, выполняя функцию перевода отдельных индивидуумов из одного окружения в "другое".

У большинства индоевропейских народов Космос был упорядочен и систематизирован в виде трех временно-пространственных пластов: нижнего (подземный мир), среднего (земной) и верхнего (небесный) - концепция так называемого мирового древа /99а, с. 54/. У славян, в частности, наличие подобных представлений подтверждается композицией Збручского идола, три горизонтальных яруса которого "...символизируют, как надо полагать, три зоны вселенной: верхний ярус - небо с огромными фигурами богов; средний ярус - земля с хороводом взявшихся за руки мужчин и женщин. Нижний ярус занимает один усатый подземный бог, показанный с трех сторон и поэтому оказавшийся как бы трехглавым, он стоит на коленях и держит на своих плечах землю" /288, с. 15/. Важным является вывод Б.А.Рыбакова о том, что подземный мир не враждебен человеку - он держит землю. Это вполне логично и понятно при реконструкции миропонимания славянами-земледельцами, наблюдавшими на протяжении многих веков, что основа их существования - хлеб и другие злаки появляются именно из-под земли.

Говоря о трехчастном делении Вселенной у славян и других народов, необходимо учитывать то, что в мифологии четко прослеживается циклическая структура времени, когда все идет по заведомому, раз и навсегда установленному кругу. В связи с этим любой объект в какой-то момент, находясь в одном из трех "миров", через определенное время перемещался в другой. Для нас это положение важно тем, что при обряде кремации можно предполагать только первоначальное направление перемещения умершего в пространстве - вместе с дымом вверх, в

"небесный мир". Подтверждением тому является один из греческих мифов о Геракле, которого с погребального костра боги на туче под грохот грома унесли на Олимп. Но в дальнейшем с мифологическими персонажами происходят очередные перемещения, при которых они попадают в подземное царство. Так случилось с сыном скандинавского бога Одина Бальдром, которого вместе с женой и конем предали кремации (и он, по логике, должен находиться на небе), а брат его Хермод на коне отца Слейпнире отправляется освобождать его в подземное царство Хель. Известен и обратный путь из мифологического низа, наверх: супруга Рамы прекрасная Сита уходит под землю, а убитого горем героя успокаивает Брахма, обещая ему встречу с женой на небесах, что впоследствии и случилось.

Вероятно, представления индоевропейских народов о кругообразном пространственно-временном континууме позволяли перемещать тот или иной объект (в том числе и "душу" умершего при обряде кремации) из верхнего в нижний мир (и наоборот) независимо от прохождения или непрохождения им среднего (т.е. реального) мира.

С переходом к религии классового общества картина резко меняется. Как отмечал А.Я.Гуревич, и космическое, и социальное, и идеологическое пространства иерархизируются. Все отношения строятся по вертикали, все существа располагаются на разных уровнях совершенства в зависимости от близости к божеству. "Дуализм средневековых представлений, резко расчленявший мир на полярные пары противоположностей, группировал эти противостоящие одна другой категории по вертикальной оси: небесное противостоит земному, бог - диаволу, хозяину преисподней, понятие верха сочетается с понятием благородства, чистоты, добра, тогда как понятие низа имеет оттенок неблагородства, грубости, нечистоты, зла. Контраст материи и духа, тела и души также содержит в себе антитезу низа и верха" /99а, с. 64-66/. Идея оценки содеянного на протяжении жизни, выразившаяся в христианстве (как, впрочем, и в других религиях классового общества) в создании оппозиции "рай - ад", требовала отречения от всех жизненных благ социального и имущественного порядка (теоретически) на пороге чистилища, которые в первобытном обществе на этапе его разложения, а также во времена формирования государственности, выражались и в многочисленных деталях погребального обряда (размеры сооружений, категории инвентаря и т.п.). В новый исторический период каждый, кто прибывал на "суд божий", должен был являться с теми материальными ценностями, с какими он в эту жизнь вступал - то есть ни с какими. Это положение церковь требовала выдерживать и в нормах погребального обряда,

согласно которому погребать любого было необходимо в земле без какого-либо инвентаря [60, с. 1291-1361].

Рассмотрим на конкретном археологическом материале погребальных памятников, насколько была воплощена в жизнь подобная церковная доктрина. На Руси, как уже отмечалось в предыдущей главе, церковь в первую очередь старалась искоренить обряд трупосожжения, убрать из погребений инвентарь, погребальную пищу, рабов. Небольшие курганные насыпи, напоминающие грунтовые надгробия христианских могил, не вызывали вначале такого негодования у священников, как элементы дохристианского обряда [275, с. 19]. В дальнейшем церковь пыталась искоренить и этот элемент обрядности славян. Но в этой связи напрашивается предположение: а не являются ли грунтовые надгробия пережитками обряда подкурганного захоронения? Ведь они и сейчас известны в тех областях Восточной и Центральной Европы, где в I тыс. н.э. возводились земляные насыпи. В то же время, например, на территории южных славян, где ранее бытовал бескурганный обряд захоронения, и сейчас для надгробий используют только камень.

Кроме уступки местной традиции на территории Древней Руси, несомненно, под влиянием восточнославянского этноса, был изменен византийский обряд захоронения: с самого начала введения христианства славяне погребали умерших раз и навсегда, тогда как в Греции кости умерших через определенное время (около трех лет) изымали из земли и хоронили в особом помещении - кимитирии или усыпальнице [87, с. 454]. Невозможно связывать исключительно с христианством и появление в погребальном обряде гробовищ. Вернее будет видеть в них упрощенный вариант "дома мертвых". Генетические корни такого поверья, как было обосновано выше, уходят в I тыс. н.э., во времена бытования обряда кремации.

Б.Д.Греков писал: "Христианство на Руси, заимствованное от греков и в тоже время не отмежеванное полностью от запада, оказалось в конечном счете не византийским и не римским, а русским" [95, с. 37]. Это подтверждается не только особенностями погребальной обрядности, прослеженными при археологических исследованиях, но и некоторыми свидетельствами письменных источников. Так, в послании краковского епископа Матвея Бернарду Клервоскому "Об обращении русских", датированном XII в., есть такие строки:

> "Народ же тот русский
> множеству ли бесчисленному,
> небу ли звездному подобный,
> и веры правило православной и
> религии истинной установления не блюдет".

И далее:

"Не желает упомянутый народ
ни с греческой ни с латинской
церковью быть единообразным,
но, отличный от той и от другой,
таинства ни одной из них не разделяет"
/403, с. 114, 115/.

В предыдущей главе уже затрагивался вопрос о роли христианской религии в изменении идеологических представлений средневековых славян, что привело к появлению обряда трупоположения, в том числе и на территории Среднего Поднепровья. Причиной такого явления, на наш взгляд, стали скорее результаты общественного развития, чем самостоятельное влияние новой христианской веры, которая на рубеже I-II тыс. н.э. вряд ли существенно интересовала подавляющее большинство среднеднепровских жителей. Именно последствия разложения родовых и зарождения классовых отношений у славян Среднего Поднепровья, вероятно, способствовали проникновению христианских идей сначала в правобережные районы (современная Киевщина), а затем и в другие районы. Возможно, что новая религия "подсказала" обряд трупоположения в подкурганных ямах, появившийся на полянской территории еще в последние столетия I тыс. н.э. Трудно все же связывать упомянутый способ захоронения с черняховским или даже скифским наследием /312, с. 113/ - на рассматриваемой территории нет достоверных археологических комплексов второй половины I тыс. н.э. с аналогичным обрядом. Антропологические материалы из подкурганных ямных захоронений Среднего Поднепровья указывают на отличия погребенных в них от жителей других районов южнорусской территории /308/. Учитывая, что разные группы восточных славян имели определенные характерные этнографические и антропологические черты, можно предполагать распространение христианских идей первоначально только на территориях отдельных образований и невосприятие каких-либо идей новой религии на территориях других, что привело и к разному обряду захоронения - на уровне древнего горизонта или в яме. Сопротивление христианству иногда доходило до физического уничтожения его популяризаторов. Достаточно вспомнить по этому поводу хотя бы убийства пруссами в начале XI в. архиепископа Бруно Кверфуртского или, что уже упоминалось, вятичами в XII в. монаха Кукши.

Господство дохристианского мировоззрения в конце I тыс. н.э. было характерным для всей Руси - и для районов, где новая вера в какой-то степени имела влияние (ямный обряд погребения), и где ее, вероятно, в основном отвергали (погребения на уровне древнего горизонта). Это подтверждается хотя бы летописными известиями о государственной религии вплоть до последней четверти X в.: договора с гре-

ками, споры Святослава Игоревича с матерью по поводу веры, попытка создания пантеона богов, почитаемых в разных районах Восточной Европы и т.п. Косвенным подтверждением такого мнения о господстве дохристианской идеологии на Руси служат свидетельства письменных источников о воззрениях северных соседей славян - скандинавов, находившихся на том же этапе исторического развития. Так, в саге о Хаконе Добром отмечается, что бонды придерживались "веры отцов и всех предков" и во времена бытования обряда кремации, а также обряда ингумации. В.Я.Петрухин, указывая на эту парадоксальную характеристику особенностей религии во времена перехода скандинавов от первобытного к классовому обществу, совершенно справедливо отмечал, что эта вера (языческая) все же считалась единой [234, с. 45]. Можно предполагать аналогичную ситуацию по отношению к религии рубежа I-II тыс. н.э. и на Руси. Положение меняется после 988 г., когда христианскую проповедь начинает активно поддерживать княжеский меч. Древним верованиям становится все труднее и труднее удерживать позиции, особенно в местах сосредоточения государственной власти. Но новой религии не так уж легко давалась победа, что подтверждают письменные и многочисленные археологические данные.

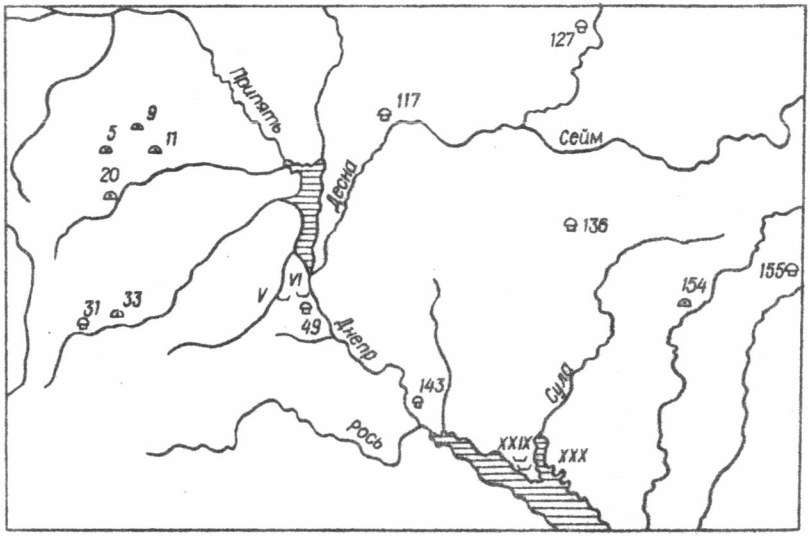
В большинстве случаев на территории Среднего Поднепровья в первые века II тыс. н.э. возводились курганные насыпи (дань старой традиции), но умерших, выполняя уже один из канонов новой обрядности (погребать в земле), все чаще хоронили в подкурганных ямах. Перед нами налицо синкретизм двух верований. География распространения ямных подкурганных захоронений позволяет проследить, насколько христианство (и какими темпами), опираясь на поддержку светской власти, распространялось на рассматриваемой территории.

Погребальные комплексы X-XI вв. (табл. 4), т.е. появившиеся вскоре после событий 988 г., свидетельствуют об успехах распространения новой религии в Киеве и на Левобережье Днепра, что, по-видимому, было связано с особым положением этих территорий в системе восточнославянского государства. Подкурганные ямные захоронения выявлены на могильниках Китаева, Чернигова, Форостовичей, Липового, Леплявы, Ницахи. Слабо затронута христианизацией в это время территория древлян: за исключением могильников Буки и Быково, расположенных на полянско-древлянском пограничье, во всех остальных датированных комплексах зафиксирован обряд ингумации на уровне древнего горизонта (рис. 24). В XI в. ситуация, в принципе, не меняется (табл.5): ямные захоронения продолжают господствовать в восточных и центральных районах Среднего Поднепровья (Совки, Вчерайше, Буки, Жовтневое, Чернигов, Липовое, Переяслав-Хмельницкий, Лепляво, Ницаха, Глинск),

Таблица 4. Курганы X-XI вв.

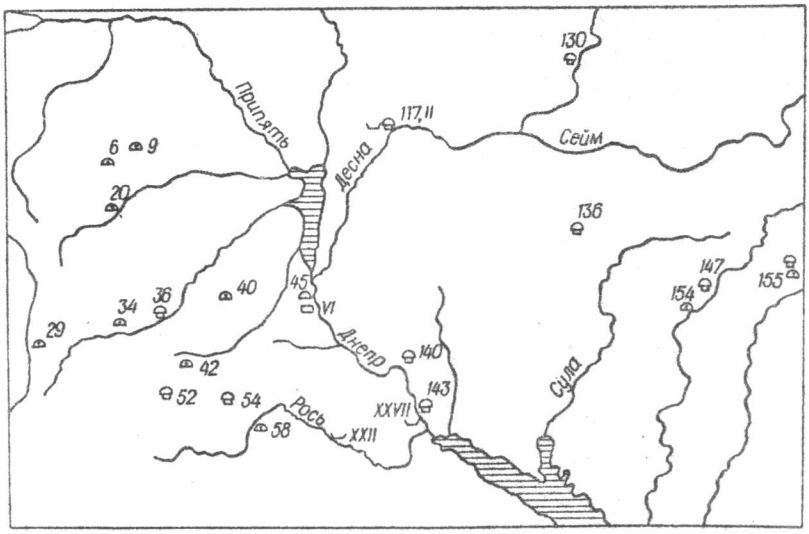
Номер соответствует номеру на рис.26	Комплекс	Ингумация		Датирующие вещи			
		на и выше горизонта	ниже горизонта	Бусы: сердоликовые*	Бусы: стеклянные позолоченные	Лировидные пряжки	Прочие
6	Норинск, к.1	x				x	
9	Речица, к.11	x		x			
11	Норинцы, к.2	x				x	
	" к.3	x				x	
20	Коростень, к.4	x				x	
	" к.7	x				x	
31	Буки, Ж.о.		x	x	x		
33	Житомир, к.15	x				x	
	" к.28	x		x			
	" к.33	x		x	x		
	" к.34	x		x	x		
	" к.39	x				x	
42	Быково, к.14		x				Серебряное орнаментированное поясное кольцо
	" к.40		x	x			
49	Китаев, курган второй группы		x			x	
	Китаев, к.2		x			x	
117	Чернигов, Болдины горы, к.7		x	x			
	Там же, к. 8		x	x			
127	Форостовичи, к.1		x				Трехбусинное узловатое кольцо
136	Липовое, к.1		x		x		Мелкозерненная лопастная бусина
143	Лепляво, к.1		x			x	
	" к.2		x			x	
154	Броварки, к.4	x			x		Глиняная писанка
155	Ницаха, к.4		x	x			
	" к.31		x	x			
	" к.18		x	x			Трехбусинное узловатое кольцо

* Шарообразные, плитчатые и призматические.



Погребальные комплексы X-XI вв. (условные обозначения см. на рис. 2 и 3)

Рис. 24



Погребальные комплексы XI, конца X - начала XII в. (условные обозначения см. на рис. 2 и 3)

Рис. 25

хотя и встречаются отдельные погребения по обряду ингумации на уровне древней поверхности (Броварки, Ницаха, Ушевка, Нежиловичи).На западе Среднего Поднепровья (Речица, Коростень, Мирополь, Житомир) по-прежнему преобладают захоронения на горизонте (рис. 25).

Такая же картина прослеживается и в комплексах, датированных более широко: XI-XII, XI-XIII вв. (табл. 6). Население Восточной Волыни в основном использует старый обряд (Норинск, Хайча, Норинцы, Яжберень, Андреевичи, Бараши, Коростень, Головки, Мирополь, Житомир, Стриковка, Коростышев), хотя на отдельных некрополях (Слепчицы, Буки, Стриковка, Коростышев, Старая Котельня) появляется ряд захоронений в подкурганных ямах. На других территориях (современные Киевщина, Черниговщина, Переяславщина) ямные захоронения, преобладая количественно, и теперь все же не вытесняют полностью обряда ингумации на уровне древнего горизонта (Яблоновка, Глинск, Броварки) (рис. 26).

Старый обряд в какой-то степени бытует на древлянской территории даже на последнем этапе существования древнерусского государства. Интересно, что он зафиксирован в одном из курганов у Коростеня - древней столицы этого племенного княжения. На остальных курганных могильниках Среднего Поднепровья XII-XIII вв. отмечен только ямный обряд погребения (табл. 7).

В целом можно говорить, что новая религия в древнерусское время имела успехи больше на территории Киевщины и в левобережных районах, чем на территории Восточной Волыни. Наличие обряда ингумации на уровне древнего горизонта (связанного с древними верованиями) в могильниках центральных и восточных районов среднеднепровской территории в большинстве случаев, по-видимому, необходимо связывать с переселенцами более северных восточнославянских районов на юг Руси, присутствие которых было необходимо здесь для пополнения, в первую очередь, гарнизонов крепостей. Не исключено, что какая-то часть местных жителей, наиболее отдаленных от пограничных районов и крупных городов, также придерживалась старого обряда захоронения.

Но и та часть населения, которая все больше склонялась к соблюдению правил новой веры, все же в большинстве продолжала возводить над могилами курганы, являвшиеся явным признаком древних народных обычаев.

Кроме того, ямный обряд захоронения проводился в какой-то степени чисто символически (вероятно, только для того, чтобы выполнить требования находившегося поблизости священника). Уже отмечалось, что такие символические ямы были прослежены И.П.Русановой в девяти исследованных курганах у с. Буки Житомирской обл. Глубина упомяну-

Таблица 5. Курганы XI, конца X - начала XIII в.

Номер соответствует номеру на рис.27	Комплекс	Ингумация		Датирующие вещи						
		на и выше горизонта	ниже горизонта	Топоры	Бусы		Железные подкововидные пряжки	Монеты	Витые, ложновитые, рубчатые кольца	Прочие
					сердоликовые*	стеклянные позолоченные				
9	Речица, к.5	x				x				
	" к.9	x				x				
20	Коростень, к.5	x		x					x	Мелкозерненая лопастная бусина
29	Мирополь, к.14	x				x				
33	Житомир, к.1	x			x	x				Шиферное пряслице
	" к.12	x								Горшок XI в.
	" к.13	x				x				
36	Коростышев, к.8		x							Наконечник копья
40	Нежиловичи, к.3	x		x						
42	Быково, к.29	x				x				
	" к.46	x				x				
45	Совки, к.9		x				x			
52	Вчерайше, к.13		x							Лировидная пряжка
	" к.15		x							Серебряная бородавчатая бусина
54	Буки, Кв, к.16		x			x				
75	Жовтневое, к.268		x				x			
	" к.269		x				x			

117	Чернигов, Болдины горы, к.5		x				x			
	Там же, к.6		x			x				
	Чернигов, Стрижневская группа, к.15		x			x				
130	Ушевка, к.1	x			x	x				Бипирамидальные сердоликовые бусы
136	Липовое, к.3		x		x	x			x	
140	Переяслав-Хмельницкий, к.16		x			x				
	Там же, к.140		x				x			
143	Лепляво, к.1		x	x						
	" к.5		x	x						
	" к.7		x		x					Крупнозерненая бусина
	" к.79		x				x			
154	Броварки, к.6	x				x				
155	Ницаха, к.1		x		x				x	Стеклянные посеребренные бусы, витые браслеты
	" к.20	x				x				
	" к.23	x				x				
	" к.26	x				x				
	" к.30		x		x					
	" к.37		x		x				x	Ложновитой браслет
147	Глинск, к.5		x			x				

* Шарообразные, плитчатые и призматические.

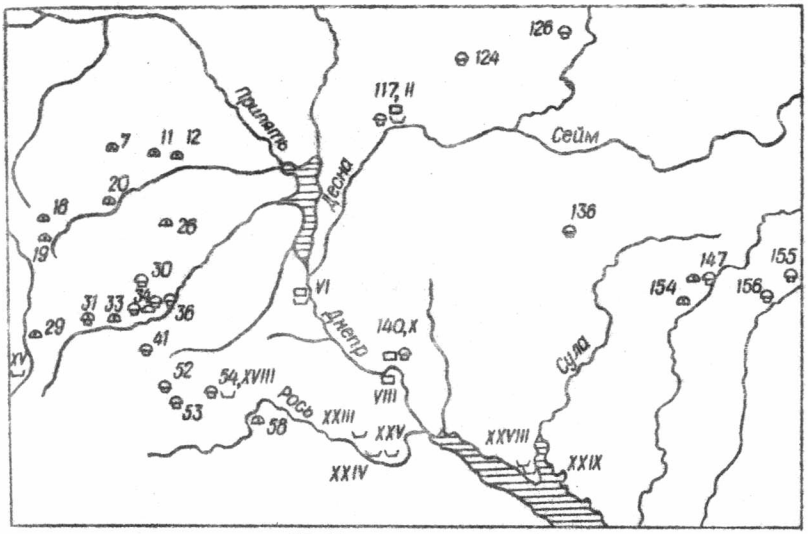
Таблица 6. Курганы XI-XII, XI-XIII вв.

Номер соответствует номеру на рис.28	Комплекс	Ингумация		Датирующие вещи						
		на и выше горизонта	ниже горизонта	Бусы			Витые, ложновитые, рубчатые		Лунницы круторогие	Прочие
				крупнозерненые	сердоликовые бипирамидальные	стеклянные позолоченные	кольца	браслеты		
6	Норинск, к.1	x		x						
7	Хайча, к.1	x					x			
11	Норинцы, к.5	x					x			
12	Яжберень, к.3	x					x			
18	Андреевичи, к.1	x		x						
19	Бараши, к.1	x				x	x			
20	Коростень, к.1	x					x			
26	Головки, к.5	x					x			
29	Мирополь, к.20	x		x		x	x			
30	Слепчицы, к.1		x				x			
	" к.3		x				x			
	" к.4		x	x						
31	Буки, Ж.о., к.7		x	x		x				
33	Житомир, к.2	x		x		x				
	" к.3	x					x			
	" к.9	x		x		x				
	" к.20	x		x		x				
	" к.22	x								Шпора
	" к.29	x		x		x				
	" к.32	x					x			
34	Стрижевка, к.8		x				x			
	" к.10		x	x			x			
	" к.13		x				x			
	" к.14	x		x						
	" к.26		x				x			
36	Коростышев, к.4	x					x			
	" к.7		x	x						
	" к.10		x	x	x					

41	Старая Котельня, к.5		x	x			x			
52	Вчерайше, к.2		x	x						
53	Ягнятин, к.12		x				x			
54	Буки, Кв., к.1		x				x			
	" к.2		x				x			
	" к.7		x				x			
	" к.8		x				x			
	" к.14		x			x	x			
	" к.26		x				x			
79	Яблоновка, к.6	x								Эрозированная сабля XI-XII вв.
98	Емчиха, к.359		x				x			
117	Чернигов, Болдины горы, к.11		x				x			
124	Мишкин, к.4		x	x						
126	Лариновка, к.1		x				x			
	" к.2		x	x						
136	Липовое, к.340		x				x			
	Липовое, в шести курганах		x			x	x			
140	Переяслав-Хмельницкий, к.1		x	x						
	" к.6		x				x			
	" к.10		x	x						
	" к.92		x				x			
	" к.110		x	x						
	" к.118		x	x						
	" к.124		x	x						
	" к.133		x	x						
	" к.142		x	x						
	" к.183		x				x			
	" к.201		x				x			
147	Глинск, к.3	x		x						
	" к.6		x	x						
154	Броварки, к.2	x				x				
155	Ницаха, к.5		x				x	x	x	
	" к.8		x				x	x		Плоский браслет
	" к.9		x				x		x	
	" к.12		x						x	Круглые хрустальные бусы
156	Заречное, к.1		x							Ажурный перстень

Таблица 7. Курганы XII, XII-XIII вв.

Номер соответствует номеру на рис. 29	Комплекс	Ингумация		Датирующие вещи					
		на и выше горизонта	ниже горизонта	Серьги (золото, серебро)		Стеклянные позолоченные бусины	Витые, ложновитые, рубчатые кольца	Керамика XII-XIII в.	Прочие
				трехбусинные "киевского типа"	с биконической бусиной				
20	Коростень, к.16	x		x					
35	Студеница, к.6		x					x	
	Студеница, к.8		x					x	
54	Буки, Кв, к.20		x					x	
117	Чернигов, Болдины горы, к.1		x	x		x			Кольцо с эмалями
	Там же, к.4		x	x			x		
137	Линовица, несколько курганов		x	x					
140	Переяслав-Хмельницкий, к.13		x	x		x			
	" к.105		x	x					
142	Нечипоровка, к.1		x					x	
	" к.2		x					x	
155	Ницаха, к.14		x		x				Стеклянный браслет
	" к.34		x		x				Ажурный перстень



Погребальные комплексы XI-XII, XI-XIII вв. (условные обозначения см. на рис. 2 и 3) Рис. 26

тых ям составляла всего 0,1-0,2 м от уровня древнего горизонта (напомним, что обычная глубина ям древнерусских подкурганных захоронений равняется 0,5-1 м). Аналогичная глубина ям (менее 0,4 м от уровня погребенной почвы) зафиксирована на многих некрополях Восточной Волыни: Довгиничи (курган № 1), Татарновичи (№ 3), Городище (№ 1, 3), Слепчицы (№ 1), Стрижовка (№ 2, 9, 13, 15, 17, 18, 23, 24, 26, 27, 32, 36, 20), Студеница (№ 9), Коростышев (№ 1, 6), Городск (№ 2, 12), Онишполь (№ 6-8), Ленино (№ 1, 7, 8), Старая Котельня (№ 1), Быково (№ 4, 5, 9-11, 16, 21, 24, 25, 35, 37, 39, 42, 43); на территории Киевщины: Вчерайше (№ 6), Ягнятин (№ 1, 10), Буки (№ 15, 21); на Левобережье Днепра: Чернигов (№ 7), Лариновка (№ 1), Переяслав-Хмельницкий (№ 125, 126, 147, 149, 158, 159, 166), Нечипоровка (№ 1, 2), Лепляво (№ 5), Ницаха (№ 2-6, 8, 17-19) и др. Как видим, и такая деталь погребального ритуала свидетельствует о сопротивлении новой вере в первую очередь потомков летописных древлян.

В то же время в городах христианский обряд погребения, несомненно, при постоянном контроле не только со стороны церкви, но и властей, насаждался более успешно. Это подтверждают захоронения в каменных саркофагах (Ярослава Мудрого в Софийском соборе Киева, Всеволода Святославича в Благовещенском соборе Чернигова, возможно,

Таблица 8. Грунтовые захоронения X-XIII вв.

Датировка, век	Номер соответствует номеру на рис.26-29	Комплекс	Дати				
			Бусы				
			стеклянные позолоченные	крупнозерненные	сердоликовые		
					шарообразные, плитчатые и призматические	бипирамидальные	
X-XI	У	Белгородка, погребение на раскопе М-6					
	XXIX	Жовнино, п.53					
		" п.55					
		" п.58					
		" п.120					
		" п.166					
		" п.216					
	XXX	Воинская Гребля, п. 20					
XI, X-XII	П	Чернигов, погребение около Екатерининской церкви					
	XII	Ромны, п.1	x				
		" п.2	x				
		" п.3	x				
	XXII	Саварка, несколько погребений					
	XXVII	Канев, гора Московка, п.2					
	XXVIII	Миклашевский, п.6					
XI, X-XII	XXIX	Жовнино, п.8	x				
		" п.98	x		x		
		" п.157	x				
		" п.210	x				
		" п.220	x				
		" п.225	x	x	x		
XI-XII, XI-XIII	П	Чернигов, погребение между Спаским и Борисоглебским соборами					
	XV	Коржовка, п.7					
	XXIII	Половецкий, п.12					
	XXIV	Николаевка, п.6		x			
		" п.16					
	XXV	Набутов, п.7					
		" п.12					
	XXVIII	Миклашевский, п.2					x
	XXIX	Жовнино, п.52	x	x			
		" п.156	x	x			
		" п.176	x	x			
XII, XII-XIII	П	Чернигов, погребение у Михайловской церкви					
	VI	Киев, погребение на ул.Обсерваторной					

рующие вещи

Витые, ложновитые, рубчатые кольца	Стеклянные браслеты	Лировидные пряжки	Керамика		Прочие
			XI в.	XII–XIII вв.	
		x			
		x			
		x			
		x			
		x			
		x			
					Пастовая темно-коричневая глазчатая бусина Колт второй половины XI в.
		x			
					Стеклянная посеребренная бусина
			x		
x					
			x		
					Колты с перегородчатой эмалью
x					
x					
x					
					Металлические витые браслеты
x					
x					
	x				Пластинчатый браслет
					Трехбусинная серьга "киевского типа"

Датировка, век	Номер соответствует номеру на рис.26-29	Комплекс	Дати				
			Бусы				
			стеклянные позолоченные	крупнозерненые	сердоликовые		
					шарообразные плитчатые и призматические	бипирамидальные	
	УП	Витачов, п.4					
	XI	Денисы, погребение					
	XV	Коржовка, п.9					
	XУП	Райки, погребение					
	XУШ	Буки, Кв, погребение					
XП, XП-XШ	XXУ	Набутов, п.3					x
		" п.5					
		" п.6					
		" п.13					
	XXIX	Жовнино, п.88					

"блаженного" Максима в Белгороде), в склепах, аркосолиях, под полами многих церквей (Киев - церковь в бывшей митрополичьей усадьбе, храм в усадьбе Художественного института; Чернигов - Спасо-Преображенский собор, Переяслав-Хмельницкий - храм-усыпальница на городском посаде древнерусского времени, Зарубинцы - большой и малый храмы и т.д.), в датированных украшениями грунтовых могилах (табл. 8). Однако необходимо учитывать, что каменные гробницы и захоронения внутри и около церквей - это, в первую очередь, погребения привилегированных слоев общества (князей, феодалов), активно переходивших к новой религии (рис. 27).

В настоящее время известны и погребальные комплексы, датированные концом X - началом XIII вв., на ряде среднеднепровских бескурганных некрополей: Белгородка, Жовнино, Воинская Гребля, Чернигов, Ромны, Саварка, Канев, хут. Миклашевский, Коржовка, хут. Половецкий, Набутов, Киев, Витачев, Райки, Буки и др. Некоторые из них (Козаровичи, Махаринцы, Николаевка и др.) бесспорно являются сельскими кладбищами. Поэтому можно признать, что каноны христианской религии в XI-XIII вв. выполнялись и частью рядового сельского населения. Но это не означает, что речь идет о победе новых религиозных представлений в мировоззрения какой-либо части населения. Правильнее будет связывать интерес к христианским доктринам рядового населения с усилением феодальной эксплуатации. Дело в том, что на всех стадиях развития религия являлась выражением глубокой неудовлетворенности людей своим положением. Вряд ли новая вера могла бы утвердиться, хотя бы и постепенно, в классовом обществе, если бы она безоговорочно выражала интересы только господствующего класса. Для

рующие вещи					
Витые, ложновитые, рубчатые кольца	Стеклянные браслеты	Лировидные пряжки	Керамика		Прочие
			XI в.	XII–XIII вв.	
	x				
				x	
x				x	
	x				
				x	
x	x				
x	x				Металлический витой браслет
	x				
x	x				
				x	

примера можно вспомнить неудачу с принятием иудаизма в Хазарском каганате. На Руси, как и в других средневековых государствах, христианство имело одной из основных задач смягчение противоречий между эксплуататорами и эксплуатируемыми. Оно признавало социальное неравенство нормой, но грозило угнетателям карой, а угнетенным обещало воздаяние, перенося то и другое в потусторонний мир /167, с. 8/. Такие идеи, конечно, могли найти понимание среди отдельных групп простого люда, не видевших выхода из сложившегося положения, и, в

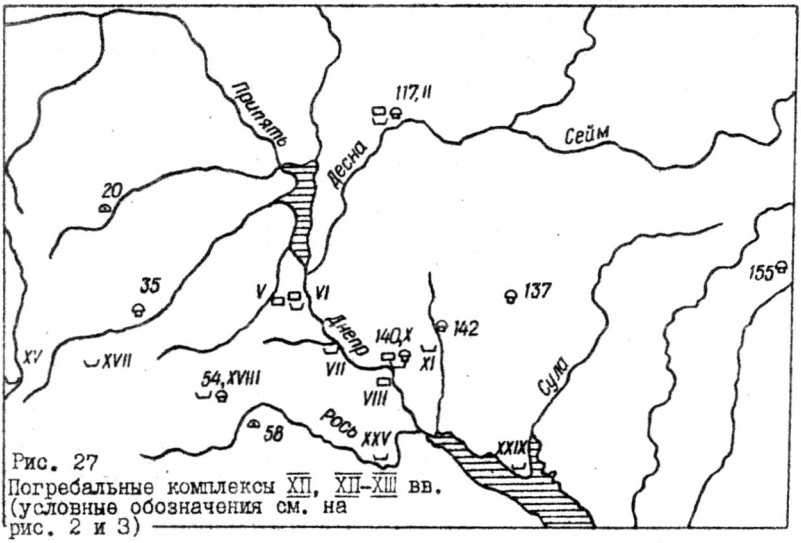


Рис. 27
Погребальные комплексы XII, XII–XIII вв. (условные обозначения см. на рис. 2 и 3)

частности, привести их к соблюдению основных правил христианской религии даже в погребальной обрядности.

Но и в отдельных погребениях сельских грунтовых некрополей (Николаевка, Денисы), а также в целом ряде грунтовых захоронений Киева (Пионерский парк, Юрковица) и других укрепленных пунктов (хут. Миклашевский, Жовнино) помимо украшений обнаружены горшки, орудия труда, датирующие эти комплексы временем после введения новой религии (см. табл. 8). Жители отмеченных пунктов, вероятно, повинуясь требованиям властей и церкви (или по своей воле), не насыпали курганов, но сознательно продолжали класть в могилы инвентарь - и в этом случае имеет место яркий пример религиозного синкретизма.

Погребения содержат незначительное количество предметов христианского культа. Возможно, в древнерусское время символы христианской религии еще не получили того широкого распространения у населения, как в последующие столетия. Но можно предполагать и другое. Так, при исследованиях погребений XII-XIII вв. в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде в нескольких случаях были обнаружены плетеные кожаные кресты /127, с. 206-208/. А на территории Западной Украины еще и на рубеже XIX-XX вв. умершему в могилу клали крестик из воска /203, с. 17/. В этой связи можно выдвинуть предположение, что в ряде христианских погребений древнерусского времени кресты, сделанные не из камня или металла, могли не сохраниться. Кроме того, кресты могли передаваться по наследству.

Затронув вопрос о предметах христианского культа в погребениях на территории Среднего Поднепровья, остановимся более подробно на амулетах-оберегах в комплексах этого региона Руси. Анализ упомянутых вещей-символов, связанных с заклинательной магией /312, с.266/, и сопоставление их с атрибутами христианской обрядности (кресты, иконки) позволят дополнить в деталях вопрос о специфике верований основной массы населения древнерусского времени. В данном случае ограничимся наиболее явными амулетами, хотя вполне разделяем точку зрения С.А.Плетневой, что оберегами становились многие попавшие в захоронения предметы /239, с. 174/.

Большинство из рассматриваемых находок можно разделить на восемь групп.

1. Круглые подвески с дырочками или ушками для подвешивания. Большинство из них имеет орнамент в виде точек и линий, образующих различные узоры. Известны подвески с изображением креста, сегнерова колеса. Форма круга издавна связывалась с постоянно наблюдаемой формой солнечного диска, поэтому данную группу находок можно отнести к "солнечным амулетам" /105а, с. 60/. Одновременно они служили и украшениями женского (в первую очередь) костюма.

2. Подвески-лунницы, в которых нашло отражение древнее почитание луны [105а, с. 61]. Встречаются двух видов - широко- и узкорогие, как правило, орнаментированны. Лунницы также служили одновременно и украшениями - входили в состав ожерелья или, гораздо реже, носились самостоятельно.

3. Ключики небольших размеров, обнаруженные на груди или около пояса умершего (в эту группу добавлены и единичные находки железных ключей и замков). Вероятно, их можно интерпретировать как символы богатства и сохранности [312, с. 267]. Наличие их в могиле, очевидно, связано с уподоблением домовины символическому дому, из которого человек после погребения попадал в "потусторонний мир".

4. К оберегам отнесены и ножи, но в тех случаях, когда они находились не у пояса и, вероятно, были наделены магическими функциями (см. главу 1).

Металлические атрибуты христианской религии, также своеобразные амулеты, представлены двумя категориями.

5. Образки круглой и прямоугольной форм с изображениями святых.

6. Кресты и крестовидные подвески различной формы.

7. Костяные амулеты объединены в одну группу по их внешнему виду, - это острия (кабаньи и медвежьи клыки, коготь хищника), выполнявшие у славян, как и у других народов, роль оберегов от сглаза. Часть из них имела дырочки для подвешивания, другие, вероятно, носились в мешочках или были просто положены около умерших.

Помимо перечисленных амулетов в эту группу включены и так называемые изогнутые острия, которые известны не только в восточнославянских средневековых древностях. Характерной чертой этих находок, выполненных в большинстве с оконечностей рогов, является обязательная изогнутость и определенная заостренность одного края, хотя сам кончик часто заполирован. Поверхность острия ближе к расширяющемуся тупому концу покрыта различным линейным орнаментом. На Руси и в Скандинавии тупой конец изделия часто украшался различными, в том числе и фантастическими, зооморфными изображениями. Установлено, что такие изогнутые острия подвешивались к поясу или носились в мешочках. Их размеры достигают 10-15 см. О функциональном назначении остриев существуют различные мнения, но превалирует точка зрения, что это принадлежности для письма [197; 412, с. 31 и др.].

На наш взгляд, с такой точкой зрения трудно согласиться. Говоря конкретно о Руси, следует принять во внимание большое количество находок традиционных прямых металлических стилей, имевших обязательную лопаточку на одном из концов для заглаживания надписей на покрытых воском досточках. Стили, кроме того, использовались для нанесе-

ния надписей на бересте, камне и т.п. Для таких операций небольшие, разной толщины, хрупкие костяные острия (часто с заполированным острым концом, да еще с неудобной для держания в руке изогнутостью самого стержня) были совершенно не приспособлены. Нет на них и лопаточки, а заглаживать изогнутой частью было бы бесполезно - воск переходит на руку. Легче заглаживать просто пальцем. Вряд ли такой неудобный инструмент для письма получил бы такое широкое распространение - от причерноморских степей до северных широт. Против интерпретации изогнутых остриев как стилей для письма свидетельствуют и их находки в некоторых комплексах не только у пояса (где они носились), а и у головы, около костей рук. Выше уже отмечалось, что такое расположение было характерным для амулетов-оберегов, к которым мы относим и данную группу находок. Косвенным подтверждением такого предположения являются обереги в виде клыков с зооморфными изображениями, выявленные в погребениях кочевников I тыс. до н.э. /320, с. 229/. Ношение таких амулетов в средневековые времена у пояса вполне объяснимо. Этому элементу костюма придавалось важное значение в дружинной моде разных народов, населявших Европу в I тыс.н.э.

Можно предположить, что обычай, появившийся еще в сарматский период на юге Восточной Европы (устрашение злых сил не только традиционным изогнутым клыком, но и специальным орнаментом или даже изображением), завоевал популярность и просуществовал у разных народов вплоть до средневекового времени. Но это был не прямой перенос обычая от одного этноса к другому. Жила только идея такого оберега, а конкретные формы, "модификации" применялись различными народами по-разному: если кочевники I тыс. до н.э. подвешивали амулеты в основном к оружию и на сбрую лошадей, то в более позднее время оберег перешел на пояс. Стали "гипетрофированными" его размеры по сравнению с реальными клыками, что, возможно, объясняется попыткой зарождающегося господствующего класса во всем выделиться из масс. Позднее, с введением религии классового общества, к которой представители класса имущих переходили первыми, данный обычай перестал быть популярным.

8. К последней, значительной по численности, группе выявленных в погребальных комплексах амулетов относятся единичные (без кресал) кремни, древние каменные орудия, кремневые стрелы и белемниты, о которых также уже упоминалось в I главе. В пользу интерпретации их как оберегов говорят многочисленные факты почитания "громовых" или "перуньих" стрел (каменных изделий и просто отщепов) населением Восточной Европы еще в начале XX в. /215, с. 50; 364, с. 185/.

Помимо перечисленных групп в отдельных погребениях встречены

Распределение амулетов в комплексах среднеднепровской территории

Местонахождение	Группы амулетов и символов							
	1	2	3	4	5	6	7	8
Олевск								x
Тепеница								x
Речица		x						
Поддубы		x						
Норинск								x
Норинцы				x				x
Коростень				x				
Татарновичи								x
Студеница								x
Городск								x
Житомир				x				
Коростышев				x				
Райки					x			
Нежиловичи		x						
Вышгород				x				
Белгородка						x		
Киев		x	x		x	x	x	x
Китаево			x			x		
Стайки						x		
Ромашки		x				x		
Зеленки				x				
Степанцы				x				
Ушевка	x							
Пересаж	x							
Седнев	x						x	
Чернигов		x	x		x			
Шестовица		x	x	x			x	
Переяслав-Хмельницкий	x	x		x		x		
Лепляво	x	x	x	x				x
Лохвица								x
Млыны							x	
Броварки	x	x						
Каменное				x			x	
Петровское	x							
Ницаха	x	x		x	x	x		
Жовнино		x		x				

и единичные находки других амулетов - топорики, бронзовый идол, глиняная лапа, поливная писанка.

Рассматривая взаимосвязь выделенных групп с разными типами погребений, отметим, что некоторые обереги чаще встречаются именно в определенных могилах. Так, среди инвентаря трупоположений в подкурганных ямах выявлено большинство круглых подвесок, клыков и изогнутых остриев, много лунниц, ножей. Последние две категории многочисленны и в комплексах с остатками ингумации на уровне древнего горизонта. Зато в бескурганных погребениях отмечено большинство находок христианских символов. Тем не менее следует отметить и наличие в

христианских (т.е. бескурганных) погребениях ряда амулетов - круглых подвесок, лунниц, ножей. Встречаются христианские символы и в подкурганных захоронениях. Налицо факты, подтверждающие живучесть древних верований даже среди той части населения, которая в целом приняла новую веру.

Обращает на себя внимание одна деталь - если "лунные и солнечные" обереги концентрируются в погребениях левобережных могильников, то на правом берегу Днепра - чаще "перуновы" амулеты. Возможно, это следует объяснять популярностью разных божеств в отдельных регионах южнорусской территории еще в предшествующий изучаемому период. В то же время образки и кресты в основном найдены в центральных районах Среднего Поднепровья, ближе к Киеву, откуда распространялась новая религия и в окрестностях которого логичнее предполагать ее наибольшие успехи в борьбе со старыми верованиями.

В целом ряде комплексов разные амулеты встречаются вместе. Так, на могильнике у с. Ницаха в нескольких комплексах обнаружены вместе круглые подвески и лунницы, в погребении № 38 Киевского некрополя - коготь хищника и кремень, а в кургане № 141 у с. Шестовица - глиняная лапа и изогнутое острие. Такое одновременное использование различных оберегов вполне объясняется самой спецификой дохристианских верований, когда почиталось несколько божеств. Но корреляция прослежена не только среди амулетов-оберегов. Так, в одном из курганов у с. Ромашки и в кургане № 14 Ницахского некрополя помимо лунниц были найдены и крестики, а в курганах № 10 и 13 могильника у с. Ницаха вместе с лунницами обнаружены круглые образки с фигурами христианских святых. Слияние древних верований с религиозными воззрениями классового общества совершенно отчетливо прослеживается и в многочисленных круглых подвесках с изображением креста, которые, к тому же, очень часто находятся в составе ожерелий вместе с другими амулетами и украшениями. Нельзя забывать, что большинство из названных комплексов, где были найдены амулеты и символы, относятся к XI-XII вв., т.е. ко времени после введения христианства на Руси.

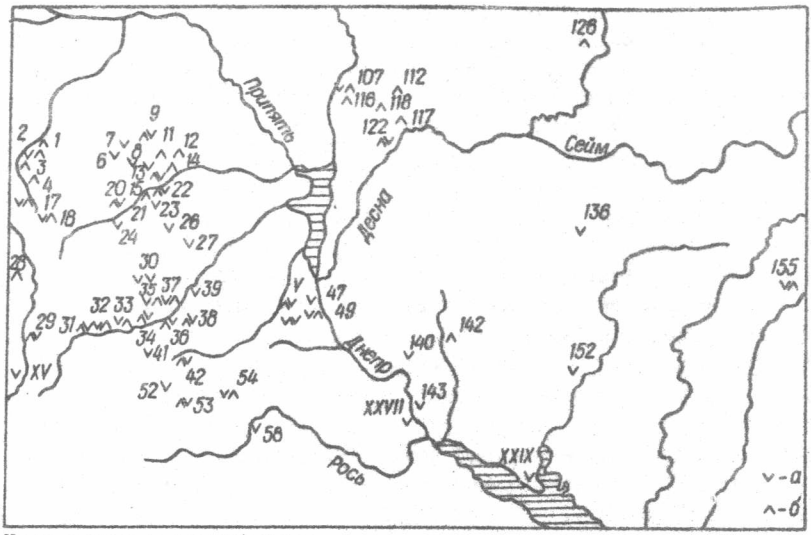
Нельзя забывать и о такой вполне дохристианской детали погребального обряда, как курганные ровики, которые также выявлены в ряде комплексов начала II тыс. н.э.

Таким образом, археологические источники дополняют информацию о процессе проникновения христианских догм в идеологические воззрения населения древнерусского государства. В первую очередь, следует отметить, что христианизация восточных славян была актом медленным и неодновременным. Как отмечал Б.А.Рыбаков: "В мировоззрении русских людей даже спустя два столетия после крещения языческое, по-видимо-

му, не только уживалось с христианским, но и в значительной степени преобладало" /283, с. 49/. 988 год не стал переломным моментом, а лишь одним из этапов длительного процесса смены одной (языческой) религии на другую (христианство). Религия первобытнообщинного строя не была уничтожена одним повелением князя после корсуньских событий, хотя публично низвергались языческие кумиры и церковники радостно огласили победу "истинной веры". Необходимо отметить и то, что с конца X в., когда государство активно начало насаждать новые верования, будущее было за религией классового общества. Первыми вместе с князем христианство приняли представители феодальной верхушки, что отвечало их меркантильным интересам. Среди широких масс простого народа новые догмы не получили активной поддержки и не оказали подавляющего воздействия на их мировоззрение. На протяжении древнерусской истории, что следует из датированных археологических комплексов, требования церковников не выполнялись до конца (особенно сельским населением - основной прослойкой феодального общества).

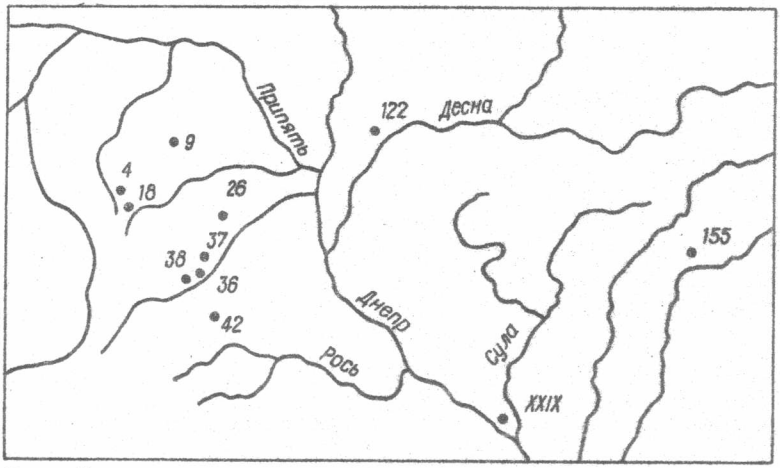
Наиболее показательным примером этого является наличие курганных насыпей на некрополях начала II тыс. н.э. - кладбищах, по времени относящихся к эпохе христианства на Руси, но сохраняющих один из основных признаков дохристианских верований. В предыдущей главе, анализируя элементы погребального ритуала, мы перечисляли категории вещей, которые были выявлены в подкурганных и грунтовых захоронениях, в том числе и относящиеся ко времени после введения христианства на Руси. На основании этих находок (керамика, украшения и амулеты, предметы вооружения, снаряжение всадника и др.) датированы многие комплексы. Но, с другой стороны, все они неопровержимо свидетельствуют о том, насколько "скрупулезно" на Руси придерживались канонов новой веры. Уже отмечалось, что во многих могилах помимо вещественных находок обнаружены остатки жертвенной пищи, а в насыпях - следы "стравы" (фрагменты посуды, кости животных). Кроме того, в ряде погребений с обрядом трупоположения на территории Среднего Поднепровья, также относящихся в подавляющем большинстве к первым столетиям II тыс. н.э., отмечены пережитки более раннего обряда трупосожжения - угли и зола (рис. 28). Так, в 43 случаях угли были найдены и под скелетами, и над ними, в 63 - умершие были посыпаны угольками, а в 34 выявлены подстилки из угля и золы*. В семи могилах угольками было посыпано пространство вокруг скелетов. Кроме того, в ряде погребений угли найдены в кучках (6 раз в изголовьях, 8 - в ногах, 7 - вокруг умерших, 4 - по сторонам скелетов, 4 - в разных углах могиль-

* В ряде погребений отмечены прослойки песка и глины (рис. 29).



Угли и зола в погребениях:
а - около умерших; б - в насыпях курганов и засыпка могильных ям

Рис. 28



Прослойки песка и глины в погребениях

Рис. 29

ных ям, а в 6 случаях кучки угля и золы обнаружены у колена, плеча, кистей правой руки). Угли были найдены и в горшках, которые стояли в изголовьях (4 случая), в ногах (1), в области головы и ног умершего одновременно (4). Угли и зола обнаружены не только около покой-

ников, но и в засыпке могильных ям, в насыпях курганов. Отдельные угольки и прослойки угля с золой были прослежены в 73 случаях, еще в 57 случаях уголь и зола выявлены в кучках (из них 5 раз на краю могильных ям), а 4 раза в насыпях расчищены кострища. Угли и зола также выявлены в 16 кенотафах.

Данный материал свидетельствует о том, что народные массы продолжали соблюдать отдельные языческие обряды, невзирая на строгие требования со стороны церкви и властей. Ортодоксальное православие оказалось не в состоянии полностью искоренить древние верования и вынуждено было приспосабливаться к ним.

Широкий диапазон датировки многих украшений, обнаруженных в поздних курганах, не дает возможности определить точно время окончательного прекращения возведения насыпей на территории Среднего Поднепровья. Но в нашем распоряжении имеются комплексы, которые бесспорно можно относить к XII, XII-XIII вв. Это курган № 16 у Коростеня, № 6, 8 - у с. Студеница, № 20 - у с. Буки Киевской обл., № 1, 4 - на Болдиных горах в Чернигове, несколько захоронений у с. Леновица, № 13, 105 - в Переяславе-Хмельницком, № 1, 2 - в с. Нечипоровка и № 14, 34 - в с. Ницаха (см. табл. 7).

Вероятнее всего, возведение насыпей прекратилось после нашествия орд Батыя, когда русская деревня христианизируется более активно /287, с. 31/. К этому моменту новая религия уже длительное время насаждалась государством, интересы которого в XII-XIII вв. настолько переплелись с церковными, что, как отмечал П.П.Толочко, "...часто невозможно различить, где кончается компетенция юрисдикции государственной и начинается церковной, и наоборот" /355, с.205/. С момента введения христианства при Владимире Святославиче до XIII в. было учреждено 16 епархий, построено около 10 тыс. церквей, вырос огромный аппарат чиновников церкви /355, с. 199/. Кроме того, в XIII в. начинается процесс исчезновения свободной крестьянской общины - оплота языческих мировоззрений /221, с. 251/. Нельзя забывать и об усилении феодальной эксплуатации на протяжении древнерусского периода истории, что также могло заставить представителей эксплуатируемых прослоек искать утешения в обещаниях новой веры на загробное блаженство при соблюдении всех ее предписаний "в этом мире". В связи с нашествием Батыя признак вероисповедования, в данном случае христианство, сыграл определенную роль в борьбе с захватчиками, что также повлияло на укрепление позиций этой религии /383, с. 264; 384, с. 39/.

Перечисленные факты в целом способствовали все большему распространению христианства на Руси во второй половине XIII-XIV в., а

это, в частности, привело к отмиранию языческих ритуалов в погребальном обряде (исчезновение курганных насыпей и сопровождающего инвентаря, изменение положения рук умерших и т.п.). Процесс христианизации Руси переходил на новый этап, хотя во многих местах, особенно на окраинных землях, языческие верования еще долго удерживали позиции в мировоззренческих представлениях различных групп населения. Дело в том, что эволюция религиозных представлений - это не полная смена одних форм другими, а наслаивание нового на старое [289, с. 597]. Церковь продолжала приспосабливаться к народным традициям, использовала в своей практике элементы дохристианских обрядов. Поэтому еще в источниках XУ-XУП вв. "...кое-где мы встречаемся и с некоторыми чертами языческой погребальной старины славян; христианские понятия и обряды давно получили в жизни перевес над языческими, давно овладели и народной погребальной практикой; но старая вековая жизнь не ушла в могилу - она оставила за собою, правда, поблекшие, но все же видимые следы: множество мелких суеверных обрядов и обыкновений..." [159, с. 133].

К этому можно добавить, что пережитки языческих верований (и не только в погребальном обряде) зафиксированы и в последующие века, т.е. борьба между двумя религиозными мировоззрениями, начавшаяся на рубеже двух тысячелетий, не закончилась окончательно и на рубеже XIX-XX вв. [346].

ГЛАВА III

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОГО СОСТАВА ДРЕВНЕРУССКОГО ОБЩЕСТВА

Многие исследователи в своих работах отмечали необходимость использования материалов погребальных памятников для выяснения социальной структуры того или иного общества [16, с. 50; 180, с. 25; 195, с. 152; 424, с. 24]. В данной главе мы остановимся на некоторых вопросах социального состава населения древнерусского государства по материалам погребений IX-XIII вв. на территории Среднего Поднепровья. Кроме того, рассмотрим ряд других данных, отражающих в погребальном обряде процесс феодализации восточнославянского общества, которые наиболее важны для общей характеристики населения Среднего Поднепровья IX-XIII вв.

Результаты исследований различных социальных групп древнерусского общества по письменным и археологическим данным намного облегчают нашу работу по данному вопросу [41; 94; 116; 145; 275; 281; 409; 443].

Следует отметить, что материалы погребений рядового населения Древней Руси (как зависимого, так и свободного), противостоящего классу феодалов, не позволяют выделить различные общественные группы людей, известные по письменным источникам. Говоря о средневековой иерархии, основоположники марксизма-ленинизма подчеркивали, что "...для народа, для широких масс людей, ее не существовало [1, с. 164]. Конечно, в общей массе рядового населения не все были равны в имущественном отношении. Но в связи с тем, что погребальные обряды отражают именно социальное, а не имущественное положение усопших (хотя сама оценка общественной дифференциации нередко дается по материальным критериям бедности и богатства) [195, с. 159], мы не можем, используя только погребальные памятники, выделить группы рядового населения. Различия в украшениях и элементах костюма (в первую очередь, головной убор), прослеженные во многих рядовых женских погребениях, вероятно, можно связывать с возрастом погребенных [275, с. 20-21]. К сожалению, большинство антропологических материалов из погребений Среднего Поднепровья не сохранилось, что не позволяет проверить данное предположение на массовом материале.

Говоря о рядовых погребениях, следует отметить наличие в разных могильниках Среднего Поднепровья погребений с обычной обрядностью, но которые выделяются из общей массы деталями. Это погребение, где обнаружены остатки деревянных ведер и поясные пряжки. Кроме отдельных погребений с рядовой обрядностью, они встречаются (и доволь-

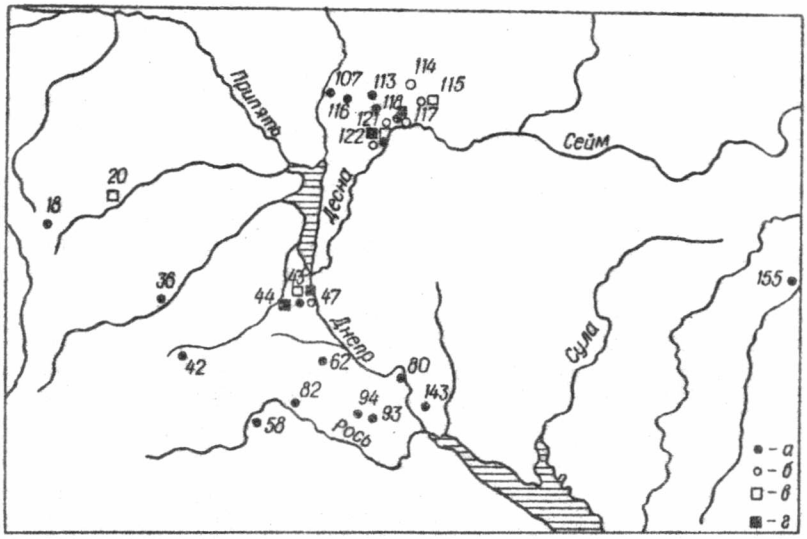
но часто) в богатых погребениях ряда средневековых городов. Погребения с рядовой обрядностью датируются X-XII вв. и не имеют каких-либо признаков для отнесения их к той или иной конкретной социальной категории. Но в связи с наличием вышеупомянутых предметов они указывают на существование среди рядового населения прослойки, которая была порождена социально-экономическим и политическим развитием древнерусского общества в процессе укрепления его феодальной экономики, дальнейшего разделения труда, развития ремесла, торговли, распространение по сельской периферии элементов городской культуры. Очевидно, эти погребения принадлежат лицам, непосредственно не занимавшимся сельским хозяйством, а работавшим в сфере ремесла и лицам непроизводственных профессий.

Анализируя составные элементы погребального обряда среднеднепровского славянского населения, из всей массы погребений выделена группа могил, для которой характерны большие (по сравнению с общим количеством) размеры погребальных сооружений, наличие деревянных конструкций - камер, дорогих вещей и украшений, оружия, некоторых элементов костюма (гривны, фибулы, пряжки), а также сопровождение погребенного рабынями, лошадьми. Эти элементы, а также различное сочетание их в отдельных погребениях позволяют реконструировать иерархическую лестницу класса феодалов на Руси так, как это социальное деление нашло отражение в погребальном обряде первых веков существования классового общества у восточных славян. Для христианских погребений важное значение имеет место захоронения (внутри или около храма), тип погребальной домовины, элементы костюма, некоторые элементы погребального ритуала. Отметим, что христианские захоронения для выяснения вопроса о социальной стратификации древнерусского общества дают гораздо меньше материалов по сравнению с подкурганными погребениями.

Кроме того, среди погребений выделяются небольшие группы, для которых характерны: скорченное положение умерших (что невозможно объяснить неславянской этнической принадлежностью), наличие в могилах не типичных для домашнего хозяйства орудий труда, атрибутов торговли. Эти признаки, не характерные для большинства погребений, мы объясняем чертами социального характера (подробнее см. ниже).

Переходя к конкретному изучению погребений господствующего класса древнерусского государства, отметим, что для освещения этого вопроса нами в первую очередь были использованы результаты работ Д.И.Блифельда и Б.А.Рыбакова.

Д.И.Блифельд, анализируя материалы так называемых дружинных (т.е. с оружием) погребений с трупосожжениями и трупоположениями,



Распространение дружинных погребений: а - воин с оружием; б - воин с конем; в - воин и женщина; г - воин с женщиной и конем

Рис. 30

выделил четыре группы могил: одиночные погребения воина; погребения воина с конем; погребения воина с женщиной; погребения воина с женщиной и конем [41, с. 151-159]. Эти группы погребений, которые четко отличаются богатством инвентаря и сложностью обряда от массы рядовых захоронений, отражают в какой-то мере реальную градацию господствующего класса древнерусского государства в соответствии с иерархической структурой феодального общества [45, с. 98]. В Среднем Поднепровье известно 58 погребений первой группы, 24 - второй, 9 - третьей и 12 - четвертой (рис. 30)*. Некоторое несоответствие обнаруживается в соотношении количества захоронений третьей и четвертой групп: 9 и 12. Погребений четвертой группы, принадлежавших представителям более высокой ступени общества, должно быть меньше,

* Во время военной опасности на оборону родной земли выступали не только дружинники, но и рядовое население. Об этом свидетельствуют и письменные источники, и то, что в некоторых рядовых погребениях (Переяслав, Жовнино, Ницаха) на скелетах были обнаружены следы ран, полученных, вероятно, в боях с врагами Руси. Т.И.Алексеева, отмечая малое количество погребенных старческого возраста на среднеднепровских некрополях, предполагает, что это могло быть связано с гибелью в боях большого числа представителей мужского пола в молодом и зрелом возрасте [15, с. 36].

чем погребений третьей группы. Нам кажется, что незначительное число погребений представителей третьей группы связано с трудностями определения количества погребенных по обряду сожжения. Оплавленные в огне остатки погребального инвентаря также очень часто не пригодны для определения пола и количества кремированных. Возможно, что часть погребений третьей группы "скрывается" среди погребений первой. Несмотря на то, что погребения и называют дружинными (в связи с находками предметов вооружения), их нельзя рассматривать исключительно как погребения воинов-профессионалов или вассалов, живущих обычно при дворе феодала и составляющих низшую ступень господствующего класса. К этой категории, бесспорно, можно причислять только захоронения первой группы. Что касается погребений других групп (особенно третьей и четвертой), то такое определение не подходит. Богатство инвентаря, останки насильственно умерщвленной женщины - рабыни - свидетельствуют о том, что перед нами погребения очень богатых людей, составляющих верхушку общества [443, с. 52]. Наличие предметов вооружения лишь подчеркивает то, что воинская принадлежность была привилегией господствующего класса [443, с. 54]*.

Основная масса рассмотренных погребений сосредоточена вокруг крупных городов Среднего Поднепровья, а также в пограничных районах этой части древнерусского государства (рис. 30). М.Х.Алешковский указывал, что на собственно городских некрополях преобладали захоронения воина с женщиной или воина с женщиной и конем, а в более отдаленных могильниках - погребения рядовых воинов [17, с. 82]. Погребения первых двух групп (по Д.И.Блифельду) также зафиксированы на городских некрополях (Киев, Чернигов, Вышгород).

Большое количество трупоположений всех групп выявлено в подкурганных могильных ямах, стенки которых обложены деревом. Иногда дерево обнаружено на полу ям, иногда им ямы и перекрывались. Такой тип погребальных сооружений получил название "срубные гробницы". Термин этот, по нашему мнению, является условным, поскольку в большинстве случаев трудно определить, был ли это действительно сруб. Вероятно, более правильным было бы назвать эти гробницы камерными (такой тер-

---

* Особо следует отметить курган № 145 Шестовицкого могильника и курган № 2 Яблоновского (Белоцерковский р-н). В первом случае под курганной насыпью рядом с кострищем, на котором был сожжен мужчина, обнаружено захоронение в яме по обряду трупоположения, инвентарь которого указывает на погребение воина и женщины. В ногах зафиксированы останки лошади. А в кургане № 2 Яблоновского некрополя также под одной насыпью обнаружено два погребения воинов. Очевидно, в обоих случаях в погребальном обряде отражен обычай побратимства, который практиковался в дружинной среде [372, с. 16]. Относительно погребения Шестовицкого могильника можно предполагать побратимство выходцев из обоих берегов Днепра.

мин применяется к подобным сооружениям), но в связи с тем, что "срубные гробницы" прочно вошли в литературу, мы будем использовать именно его.

Подобные гробницы выявлены в ряде погребений Среднего Поднепровья (см. рис. 7). По мнению некоторых исследователей, они принадлежат выходцам из Скандинавии /423; 178, с. 16-17/. Высказывалось также предположение об их кочевническом происхождении /275, с. 53/. Но большинство ученых склоняется к мысли, что на территории Восточной Европы этот тип погребальных сооружений принадлежит, в основном, представителям славян /41, с. 148/.

На территории Восточной Европы остатки деревянных сооружений в ряде случаев прослежены в погребениях славян второй половины I тыс. н.э. /39/. Можно еще раз вспомнить сообщение "Повести временных лет" о захоронении остатков кремации в столпах-срубах, которые подтверждают археологические реалии. Конструкции из дерева известны и на землях западных славян /431/. Трудность их выявления связана с обрядом трупосожжения на стороне, а в более позднее время - трупосожжения на месте. Как уже отмечалось, Б.А.Рыбакову удалось реконструировать погребальное сооружение по обряду сожжения на месте. Его вывод о том, что сооружение напоминало собой четырехугольный деревянный дом, был подтвержден и другими исследователями (Д.И.Блифельдом, С.С.Ширинским).

Выше уже говорилось о том, что в IX-X вв. в Киеве распространялось христианство, догмами которого были отрицание сожжения умерших и требование захоронения покойников в ямах. На раннем этапе проникновения новой религии в погребальном обряде восточных славян мог появиться синкретизм двух религий - погребение в срубных гробницах с инвентарем, но уже по обряду трупоположения. Отсутствие логических противоречий позволяет предполагать автохтонное происхождение на Руси данного типа погребальных сооружений.

По мнению скандинавского исследователя Х.Арбмана, появление камерных гробниц на родине викингов обусловлено торговыми связями с континентом или распространением христианства /421, с. 33/. Они известны и в других землях, где в рассматриваемый период определенно не было скандинавов - в Вестфалии и в Богемии. Поэтому мнение И.П.Шаскольского, что данный тип погребальных сооружений не был специфически скандинавским и в то же время существовал у разных, притом неродственных европейских народностей, представляется весьма убедительным /387, с. 179/. Следует отметить, что в срубных гробницах Среднего Поднепровья похоронены не только киевляне и жители его окрестностей. В них хоронили представителей и других народностей,

которые на Руси находились на службе (а также членов их семей) и принимали новый обряд, хотя сохраняли некоторые черты обрядности населения тех территорий, откуда они вышли. Викинги, служившие у киевских князей, могли совершать аналогичный обряд, бытовавший у них на родине.

В ряде погребений с оружием (особенно первой группы) следов деревянных обкладок стен не обнаружено. Возможно, что в какой-то части могил дерево не сохранилось или не было прослежено в связи с некачественными раскопками. Необходимо учитывать и этнический фактор. Наверное, не все воины, попавшие в Киев с разных земель, быстро и полностью отказывались от своих обычаев.

Кроме воинов в срубных гробницах хоронили и мужчин без оружия, женщин, детей. На территории Среднего Поднепровья известно более 18 таких погребений (Жовнино, Жуляны, Киев, Китаев, Ленино, Седнев, Совки, Шестовица). Ряд погребений также отличается от рядовых могил богатством инвентаря. В связи с этим можно согласиться с мнением Д.И.Блифельда, что погребения в срубных гробницах - это своеобразный тип погребений представителей господствующей верхушки древнерусского общества [41, с. 156]. Он же считает такие погребения Правобережного (киевского) происхождения, в то время как на Левобережье знатных и богатых умерших продолжали сжигать [41, с. 162]. Инвентарь отдельных погребений с деревянными обкладками стен могильных ям (Жовнино, Жуляны, Ленино, Китаев, Совки) весьма беден. Богатые погребения без оружия, но совершенные по обряду трупосожжения прослежены и на Левобережье Днепра - это захоронение женщины в кургане № 10 Седневского некрополя, где среди инвентаря были найдены две монеты и подковообразная фибула - застежка плаща; девять погребений с лошадьми (Звеничев, Седнев, Чернигов, Шестовица), два парных погребения (Седнев). Погребения можно отнести к той или иной группе захоронений с оружием.

Отсутствие оружия в ряде мужских погребений можно объяснить только предположительно: оружие (в первую очередь стрелы) или его символы (ножны, колчаны), положенные в могилы, не сохранились вследствие естественных условий или воздействия огня при обряде сожжения; возможно, что эти захоронения принадлежали лицам, находившимся в личной зависимости от тех, кто занимал высокое положение в княжеской или боярской администрации. Кроме того, бедность инвентаря целого ряда погребений по обряду трупоположения с деревянными обкладками стен могильных ям можно объяснить все усиливающимся влиянием христианской религии.

Вероятно, высокое положение занимал скандинав, погребенный в

кургане № 17 черниговского "Старого кладбища в Березках", где за пределами деревянной камеры были обнаружены скелеты двух взнузданных лошадей и человека; к сожалению, центральное погребение оказалось ограбленным.

Высокое общественное положение, согласно летописным данным, занимали представители и других народов (уже отмечались их захоронения в срубных гробницах). Кроме того, в ряде погребений средневековых кочевников (Киев, курган № 106, Бурты, № 260, Кагарлык, № 334, Росава, № 1, 3, I) обнаружены серебряные шейные гривны, а в Кагарлыке железная. Гривна для кочевников - совершенно нетипичное украшение, для костюма же русского князя или боярина она является характерным элементом [369, с. 37; 149, с. 62-63]. Поэтому можно предположить, что погребенные при жизни были представителями той верхушки кочевников, которая находилась на службе у русских князей и была ими отмечена знаком общественного положения. Подтверждением тому может служить и находка нетипичного для курганных древностей кочевников деревянного ведра (курган № 1 у с. Росавы). Ведро обнаружено в ногах умершего, на котором была надета серебряная гривна. Уже отмечалось, что деревянные ведра часто встречаются в богатых погребениях восточных славян: в Черной Могиле, например, обнаружено 12 ведер. Б.А.Рыбаков считает, что в ведрах находился, вероятно, мед или вино [275, с. 28].

Черниговский курган Черная Могила - наиболее богатое погребение раннего периода древней Руси. Размеры погребального сооружения, захоронение воина, подростка и женщины, большое количество оружия, бытовых вещей, жертвенные животные и два взнузданных коня, ритуальные принадлежности - признак сочетания военных и жреческих функций в одном лице позволили Б.А.Рыбакову высказать предположение, что перед нами княжеское захоронение [275, с. 34]. Возможно, что местом захоронения князя является и черниговский курган княжны Черны [275, с. 34].

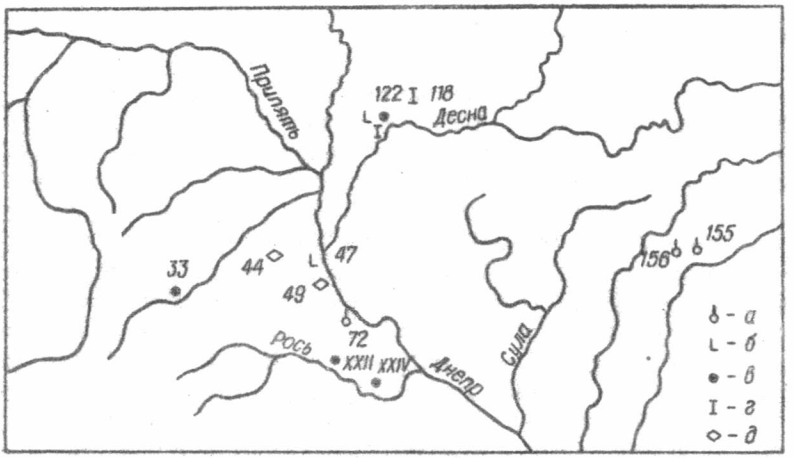
В I главе упоминалось, что в ряде погребений Киева, Чернигова, Шестовицы были обнаружены небольшие складные весы и гирьки - предметы, которые отмечали людей, занимавшихся торговлей [119, с. 78]. На Руси, как и в других средневековых государствах, выделение торговли в самостоятельную отрасль привело к зарождению купечества. Очевидно, погребения с гирьками и весами отражают начало процесса формирования на Руси купеческого сословия [132, с. 162; 366]. Так, гирьки найдены в девяти богатых погребениях (Чернигов - Черная Могила; Шестовица - курганы № 10, 21, 30, 36, 38, 50, 53, 58), где находились и предметы вооружения (кроме двух погребений). Можно пред-

положить, что эти люди были уже купцами-профессионалами. И если погребенного в кургане № 9 Шестовицкого некрополя, где были найдены ладейные заклепки, возможно с некоторыми оговорками признать скандинавским купцом, то погребенный в киевской могиле № 84, где были найдены гирьки, складные весы и монета, вероятнее всего, был местного происхождения. Кроме того, атрибуты торговли найдены в двух захоронениях подростков (Киев, № 110, Шестовица, № 82).

Выше отмечалось, что во многих погребениях на территории Среднего Поднепровья выявлены орудия труда: пряслица, серпы, ножницы, рыболовные крючки, шилья, иголки. Эти предметы применялись в домашнем производстве и, вероятно, в могилы попадали по тем же причинам, что и еда, украшения, одежда, ножи у пояса. Но в ряде погребений обнаружены инструменты, встречающиеся только в отдельных могилах. Так, в кургане Черная Могила были найдены плотницкие инструменты: топоры, долота, скобель. Б.А.Рыбаков, учитывая этнографические материалы, предположил, что все "оружия древодельские", при помощи которых сколачивали последнее жилище князя, подлежали сожжению [275, с. 33].

Среди инвентаря Шестовицкого кургана № 36 был обнаружен набор инструментов очень небольших размеров: железное тесло, кузнечные клещи, молоточек, наковаленка, предмет в виде лопаточки. Учитывая, что в кургане погребен выходец из Скандинавии (захоронение коня обнаружено на специальном земляном выступе в ногах), мы не можем согласиться с мнением Д.И.Блифельда, что это - погребение представителя ремесленной верхушки древнерусского общества [40, с. 38, 39]. Более вероятно, на наш взгляд, что это - погребение находящегося на Руси на службе скандинавского воина. А находки кузнечных инструментов, которыми нельзя даже выковать стрелы [40, с. 38], можно объяснить как пережитки скандинавского обряда погребения вендельского периода (VII-VIII вв.), для которого характерно размещение в богатых мужских погребениях, кроме всего прочего, кузнечных инструментов [180, с. 26].

Но единичные находки в ряде погребений некоторых орудий труда требуют иного объяснения. Так, в насыпи кургана № 26 у с. Буки (Сквирский р-н) было обнаружено восемь сложенных кучей камней и жерновов, что позволило Б.А.Рыбакову предположить погребение в данной могиле ремесленника-жерновника [274, с. 423]. Возможно, что и в курганах № 13 Житомирского, № 18 Гущинского могильников и в одном из курганов на некрополе у с. Барды также были погребены ремесленники: в первом случае был обнаружен молоток, во втором - кирка, а в третьем - долото. А находка в кургане № 2 Табаевского могильника



Погребения с кольцами на ногах, в сидячем и скорченном положениях. Ладейные заклепки и захоронения в ладьях на некрополях:
а - кольца на ногах; б - сидячее положение; в - скорченное положение; г - ладейные заклепки; д - захоронения в ладьях

Рис. 31

литейной формочки для изготовления украшений и остатки сожжения человека и коня убедительно свидетельствуют о том, что это захоронение представителя ремесленной верхушки, связанного с дружинной средой /40, с. 39/.

Рассмотрим теперь группу могил на территории Среднего Поднепровья, выделяющуюся из общей массы погребений тем, что скелеты в них зафиксированы в скорченном положении (рис. 31). Ничем другим данные захоронения не отличаются от основной массы: покойники ориентированы головами в западном направлении, захоронения обнаружены в курганах (в подкурганных ямах и на уровне древнего горизонта) и в грунтовых могилах; инвентарь представлен обычными для древнерусского времени вещами, он такой же бедный, как и в большинстве восточнославянских погребений. Исключение составляет только курган № 41 Шестовицкого могильника, где в углу могильной ямы выявлены кости животных, ближе к ногам было поставлено деревянное ведро, а слева от умершего положено копье. Кроме погребений взрослых на территории Среднего Поднепровья известно одно детское захоронение в скорченном положении. В ряде случаев были обнаружены остатки дерева и железные гвозди от домовин. Это также является подтверждением того, что умершие из рас-

сматриваемых погребений были захоронены именно в скорченном положении, а не в сидячем - утверждать это позволяет незначительная высота гроба.

Скорченные погребения обнаружены не только в Среднем Поднепровье, но и в других частях древнерусской территории. Так, они известны на Западной Волыни (Белев, курганы № 2, 9; Колоденки, курган № 5), в Белоруссии (Новогрудок, погребения № 6, 7), на Рязанщине (курган № 1 Завальской группы у г. Пронска) /203, с. 524, 526, 550; 229, с. 36; 382, с. 36/. "Скорченники" встречаются, в основном, в единичном числе (за исключением Белева и Новогрудка, где было обнаружено по два погребения) на некрополях, расстояние между которыми насчитывает сотни километров. Прослежено захоронение как на правом, так и на левом боку (независимо от пола). Степень скорченности отдельных скелетов различна.

Кроме того, на рассматриваемой территории, на посаде городища Малый Балкан у с. Ницаха, обнаружен скорченный скелет в хозяйственной яме. Сверху и под ним найдено много обломков древнерусской гончарной керамики, встречались и обломки лепных горшков роменского типа. При исследовании черепа в глазницах выявлена пористая костная масса. Вполне возможно, что умершая женщина, лицо которой было обезображено болезнью, была засыпана в мусорной яме. Небольшие размеры ямы определили скорченное состояние тела. В этом случае налицо отсутствие определенного ритуала погребения, и мы больше не будем останавливаться на нем.

Известно, что смена скорченного погребения вытянутым - одно из наиболее характерных изменений погребальной обрядности в эпоху перехода от бронзы к железу в степях между Днестром и Уралом /147, с. 55/. Но скорченное положение скелета известно также и в более близкий к рассматриваемому период в некоторых культурах, синхронных существованию древнерусского государства. При этом следует отметить, что в периоды позже эпохи бронзы (ранний железный век и т.д.) "скорченники" встречаются в значительно меньшем количестве.

Так, скорченное положение умерших в погребениях первой половины 1 тыс. н.э., в частности на юге Восточной Европы (черняховская культура) объясняется пережитками сарматской погребальной обрядности /368, с. 87/. При этом следует отметить, что характерными для сармат являются такие микродетали обряда, как перекрещенные голени, кисти рук в области таза /35, с. 41/. Вследствие этого необходимо более точно указать, кому обязаны "черняховцы" появлением скорченных захоронений в некоторых могилах. Во второй половине I тысячелетия н.э. скорченное положение зафиксировано в женских погребениях

салтовской культуры у протоболгар, в Скандинавии, Великой Моравии [183, с. 204-205; 239, с. 75, 94; рис. 24; 69, с. 252; 426, *III*. 109; 425, с. 123; 429, с. 107].

По нашему мнению, считать "скорченников" из древнерусских некрополей представителями неславянского населения мы не можем по следующим причинам. Трудно предположить, что скорченное положение времен Древней Руси - это пережитки сарматского погребального обряда. Противоречит этому временная отдаленность черняховской культуры от древнерусской и то, что даже на хорошо раскопанных некрополях "скорченники" встречаются в единственном числе на расстоянии сотен километров между ними. То есть среди древнерусского населения отсутствовали группы людей, сохранивших в погребальном обряде элемент, присущий населению более раннего времени.

Нельзя также объяснить наличие скорченности и влиянием салтовской культуры. Сделать это не позволяет наличие "скорченников" хотя бы на территории современной Волыни, где не обнаружено даже вещей носителей этой культуры, не говоря о погребениях [38, с. 272]. На этой же территории не находили и скандинавских древностей. Протоболгары также вряд ли могли оставить свои могилы на территории современной Белоруссии и северной части Украины. Они продвигались с востока на запад через степи Северного Причерноморья. В Белоруссии и на Рязанщине не могли обитать и жители Великоморавского государства.

Объяснение этому необычному для Древней Руси способу погребения следует искать среди верований и обрядов самого восточнославянского этноса.

По этнографическим данным, в верованиях и обычаях славян XIX - начала XX в., сохранивших традиции более раннего времени, существовал своеобразный обряд захоронения в мешках или с подрезанием подколенных жил и пяток ("чтобы мертвый не встал из гроба") одной немногочисленной группы населения - колдунов, предшественниками которых в конце I - начале II тыс. н.э. были волхвы* [30, с. 523; 346, с. 27]. Волхование само по себе оказалось неискорененным [19,с.278]. Хотя о языческих волхвах и кудесниках мы знаем, кроме названия, очень мало [346, с. 22], можно предположить, что между изложенными выше двумя разновременными фактами - скорченное состояние части умерших в древнерусскую эпоху и обращение с колдунами в XIX в. - существует смысловая связь. Как в древнерусское, так и в более позднее время люди пытались обезопасить себя от умерших колдунов путем

* Термины "колдуны" и "волхвы" используются, естественно, в этнографическом значении.

связывания их веревками, завязывания в мешках, подрезанием подколенных жил и т.п. Во время этих действий покойники оказывались в скорченном состоянии.

Волхвы, погребениями которых, вероятно, являются могилы со скорченными скелетами на некрополях древнерусского времени*, в языческий период принадлежали к господствующей верхушке общества. Это подтверждается захоронением в кургане № 41 Шестовицкого некрополя, где в сопровождающем инвентаре погребения "скорченника" обнаружено оружие. После официального принятия христианства социальное положение волхвов резко изменилось. Можно вспомнить сообщение "Повести временных лет" под 1071 г., в котором описываются волнения на Белоозере и усмирение восставших Яном Вышатичем. Обращаясь к восставшим с требованием о выдаче волхва, бывшего их предводителя, Ян мотивирует это тем, что волхв прежде был смердом его князя. Бедный инвентарь в погребениях "скорченников" на Житомирском, Николаевском, Саварском могильниках, относящихся к времени после принятия новой религии, не противоречит такому положению волхвов в новой исторической ситуации. На ранних стадиях после принятия христианства, когда язычество еще имело большое влияние, волхвы погребались на общем для всех жителей населенного пункта могильнике [283, с. 49]. В более позднее время, в связи с укреплением христианства, колдунов начали хоронить за пределами церковных погостов [346, с. 40].

Христианство, как известно, было официально введено на Руси в конце X в. Введение христианства знаменовало новый этап в развитии феодальных отношений, победу новой идеологии над отживающим родовым строем и его язычеством [345, с. 261]. В конце XI - начала XII в. формировалась земельная собственность древнерусской церкви и под ее юрисдикцию переходили некоторые группы производственного населения [405, с. 162]. Церковь стала не только органом идеологического воздействия, но и частью самого господствующего класса [281, с. 155-156].

Новая религия принесла новую обрядность, что нами уже рассматривалось выше. Но и тогда "сильные мира сего" находили возможность выделить погребения представителей своего класса из общей массы захоронений. Вместе с тем, хотя знать и быстрее приняла новую религию (как и новый обряд погребения), в захоронениях представителей привилегированных слоев XI-XIII вв. еще сохранялись пережитки язычества [129, с. 245].

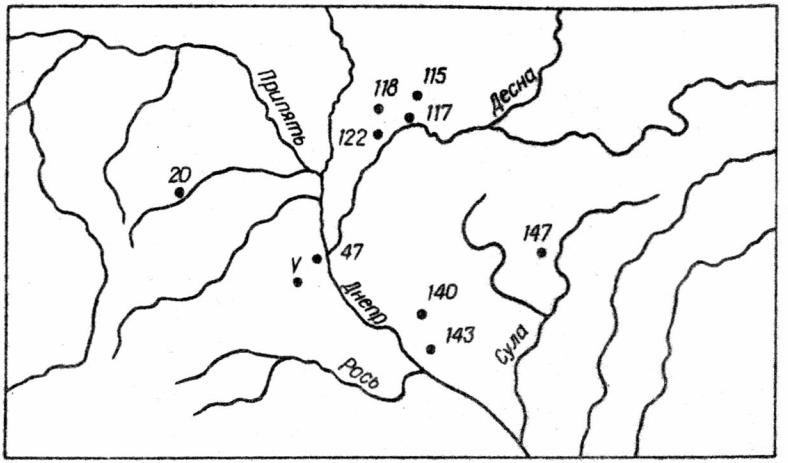
---

* Принадлежность к шаманским семьям как одну из гипотез для объяснения присутствия "скорченников" на великоморавских некрополях предлагает и Б.Хроповский [425, с. 123].

Особое значение в новой обрядности имело место захоронения - у стен или внутри храма. Примером могут служить многочисленные княжеские захоронения в кафедральных соборах Киева (Десятинная церковь, Софийский собор) и Чернигова (Спасо-Преображенский собор). В более позднее время (XII-XIII вв.) появляется много "отчих" монастырей, где хоронили представителей той или иной княжеской семьи. Анализируя некоторые материалы из средневековых погребений, Г.Ф.Корзухина отметила тот факт, что князья XI в. с большей охотой хоронили своих родичей не под сводами зданий, а либо под открытым небом, либо в открытых галереях вокруг церквей, и только в XII в. прочно освоили аркосолии притворов и западных частей храмов [148, с. 70]. Погребение в церкви не предписывалось православной догматикой и не одобрялось многими богословами [189, с. 74], но стремление знати выделиться из общей массы даже в такой ситуации привело к нарушению этой догмы. Вероятно, что и некоторые виды домовин (мраморные, шиферные, деревянные саркофаги, кирпичные и каменные гробницы или простые захоронения в гробах, но под сводами той или иной церкви) также отражают прижизненное положение в обществе отдельных погребенных.

О пережитках язычества в боярско-княжеской среде, стремлении костюмом подчеркнуть социальное положение свидетельствуют находки в некоторых женских захоронениях Чернигова колтов, браслетов, серебряной цепи и других украшений, а также гривны на шее у Ярослава Мудрого (сохранился ее отпечаток на дне саркофага). Возле двух умерших (Десятинная церковь и Спасо-Преображенский собор) были обнаружены мечи. Ножны от мечей были найдены и в двух погребениях XII-XIII вв. в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде [127, с. 207, 208]. Учитывая находки мечей и в средневековых храмовых погребениях Пскова, а также Испании и Швеции, А.Н.Кирпичников высказал мысль, что языческие традиции сплетались здесь с новой феодальной символикой и что это явление было общеевропейским [139, с. 50].

Ряд погребений на территории Среднего Поднепровья указывает на захоронение в них служителей культа. Это, в первую очередь, погребения монахов в пещерах на территории Киева (Печерский монастырь, Зверинецкие пещеры, пещеры в уроч. Церковище), Чернигова (Антониевы пещеры), Любеча. К захоронениям высшего духовенства можно отнести погребение (ограбленное) в белокаменном саркофаге, выявленное при раскопках так называемого "Малого храма" в летописном Белгороде. Внутри саркофага, в изголовье, был высечен голгофский крест в формах XII в. Исследования показали, что в саркофаге был погребен старик около 70 лет в одеянии, шитом золотом. Б.А.Рыбаков предполагает,



Распространение монет в погребениях Рис. 32

что здесь мог быть погребен один из белгородских епископов конца XII в., возможно, "блаженный" Максим [284, с. 331].

Выше отмечалось, что в ряде погребений Киева, Любеча, Онишполя и Коржовки обнаружены умершие, головы которых лежали на камнях. В связи с этим следует вспомнить такой факт из "Хронографии" Михаила Пселла. Описывая деяния византийского императора Михаила IУ, автор отмечает его любовь и уважение к монахам-аскетам. Так, Михаил IУ часто приводит их во дворец, одевает на них свои одежды, укладывает спать на императорское ложе. А сам, облачившись в монашеское рубище, ложится на низкое ложе, подложив под голову камень, т.е. как бы меняется с ними местами [250, с. 45]. Использование византийскими монахами камня вместо подушки, как одного из признаков аскетизма, позволяет предположить (и не более), что упомянутые погребения на территории Среднего Поднепровья, возможно, также принадлежат монахам*.

Погребальные памятники Среднего Поднепровья дают возможность проследить ряд других моментов в развитии древнерусского общества.

На территории Среднего Поднепровья известно около 30 древнерусских погребений, среди инвентаря которых найдены монеты (рис.32). Монеты и их обломки обнаружены в погребениях с трупосожжением (Киев - погребение № 121: Чернигов - курганы Черная Могила, Гульбище;

* Возможно, что этот символ аскетизма могли использовать в погребальном обряде и феодалы [189а, с. 112].

Седнев - курганы № 9, 10; Табаевка - курган № 4) и трупоположением (Киев - погребения № 14, 39, 94, 108, 110, 112, 122-125; Чернигов - курган № 5 на Болдиных горах; Шестовица - курганы № 36, 61, 78, 83, 100, 110; Седнев - курган № 7; Глинск - курган № 3; Переяслав-Хмельницкий - курганная группа "За тюрьмой", курган № 140; Лепляво - курганы № 7, 79). Средневековые монеты были найдены еще в целом ряде погребений (Киев, Чернигов, Белгородка, Коростень), но в связи с недостаточной информацией и депаспортизацией материалов раскопок использовать их как источник не представляется возможным.

Большинство монет в женских погребениях или в парных погребениях при женских скелетах найдены среди ожерелий - они использовались как подвески. Монеты известны и среди инвентаря мужских погребений и в детской могиле. В нескольких парных погребениях они не входили в состав ожерелья, а находились среди погребального инвентаря.

Инвентарь таких погребений, а также размеры и конструкция погребальных сооружений, обнаруженных в некоторых из них, дают возможность уверенно отнести большинство погребений с монетами древнерусского времени к захоронениям представителей привилегированных прослоек общества.

В преобладающем числе погребений найдены целые саманидские дирхемы, а в четырех - их обломки. В пяти погребениях были византийские монеты, в одном - сребреник Владимира, а еще в двух погребениях - западноевропейские денарии. В четырех случаях обнаружены подражания саманидских дирхемов и византийского золотого солида.

Чеканка подавляющего большинства монет относится к X в., а точнее - ко времени до введения христианства на Руси. Только в одном киевском погребении № 125 был дирхем VIII в. (759-760 гг.), но выявленные в инвентаре погребения две черепаховидные фибулы и плоские, вырезанные из листового серебра подвески в виде крестов с расширяющимися концами, датируют и это погребение X в. /132, с. 224-225/. Подобная ситуация и с черниговским курганом Черная Могила, где на кострище найдена одна византийская монета 945-959 гг., а в насыпи - две потертые монеты 869-879 гг. Б.А.Рыбаков совершенно логично датировал погребение по монете на кострище - 960-ми годами /275, с.29/.

В кургане № 5 на Болдиных горах в Чернигове, № 140 в Переяславе-Хмельницком и № 79 Леплявского могильника были выявлены англосаксская монета короля Этельреда, саксонская монета Оттона и Адельгейды и сребреник Владимира. Эти монеты относятся ко времени после 988 г., когда по христианским канонам запрещалось помещать в могилу любые

вещи. Вероятно, мы имеем дело с пережитками обряда, существовавшего раньше.

Отсутствие монет в целом ряде известных богатых погребений раннего периода истории Руси и наличие их именно среди ожерелий говорит о том, что на территории Среднего Поднепровья в древнерусское время не было обычая давать монеты умершему как "обол мертвых", т.е. как плату за проникновение "на тот свет". Анализируя восточноевропейские материалы, В.М.Потин пришел к выводу, что наличие "обола мертвых" характерно для погребений финно-угров и балтов, а не славян [246, с. 69]. В тех случаях, когда монеты не служили подвесками, их можно рассматривать как деталь инвентаря целого ряда погребений привилегированной части общества. Такую же роль играли монеты и в большинстве мадьярских захоронений X в. [427].

В том случае, когда монеты в богатых погребениях отсутствуют, они датируются временем не ранее X в. по ряду других находок*. Поэтому можно сказать, что богатые погребения в срубных гробницах и аналогичные им погребения без деревянных конструкций или по обряду трупосожжения относятся, в основном, к X, а не к IX-X вв., как это предполагал Д.И.Блифельд [41], что уже отмечалось некоторыми исследователями [132, с. 226; 184, с. 163].

Однако датировка рассматриваемых погребений X в. не совсем согласуется с фактами древнерусской истории. В Киеве, например, уже с 882 г. находился Олег, до него при власти были Аскольд и Дир. Погребений же этого времени, и в частности социальной верхушки, вроде бы нет. Но не мог же некрополь находиться где-то далеко от Старокиевской горы и быть перенесенным под самые городские стены только в X в. Он находился на этом же месте и до X в., что подтверждают находки остатков сожжения на стороне в районе Старокиевской горы. По нашему мнению, в IX в. на могильнике еще не было тех богатых погребений, которые нам известны для X в.

По определению В.И.Ленина, "государство - это есть машина для поддержания господства одного класса над другим" [6, с. 73]. Известно, что классовое общество возникло не сразу. Важную роль в формировании его предпосылок сыграл строй военной демократии. В последнее время, анализируя произведения основоположников марксизма-ленинизма, ряд исследователей пришли к выводу, что военно-демократические и аналогичные им структуры не перешли непосредственно в государственные, а сменились другими, еще догосударственными, но основанными уже на отстранении большинства населения от управления обществом

* Например, оружие, снаряжение всадника и верхового коня [139, 140, 142].

/55, с. 34; 58, с. 191; 62, с. 182; 164, с. 28/. Перерастание военно-демократических институтов в протогосударственные Л.П.Лашук проследил в средневековых общностях тюрок и монголов /176, с. 100/.

В последний период эпохи классообразования процесс формирования классов не завершился и поэтому противоречия еще не приняли антагонистический характер. Все еще якобы были равны между собой. Эксплуатация рядового населения носила скрытый характер.

На ранней стадии древнерусской истории в идеологии господствующей верхушки (а через идеологию происходит и формирование традиций погребального обряда) сохранился как пережиток ряд представлений более раннего времени. Представители класса феодалов еще не выставляли напоказ свое богатство, хотя и держали в своих руках власть и материальным положением выделились из общей массы. Для закрепления этих изменений был необходим определенный период, который и дал свои результаты уже в X в. Известно, например, что в кладах, рубежа IX-X вв. находился очень простой убор из бронзовых и серебряных украшений, целиком связанный еще с убором дофеодального периода, - даже в элементах одежды IX в. придерживались равенства /149, с. 75/.

Монеты в ряде погребений Среднего Поднепровья дают возможность более точно определить время фиксации в погребальном обряде последствий социальной дифференциации. В нашем распоряжении имеются монеты, которые чеканились в разные годы с начала X в. Существует мнение, что монеты на территории Восточной Европы попадали в погребения, в частности в киевские, приблизительно через 50 лет после их чеканки /132, с. 226/. На наш взгляд, этот вопрос нуждается в уточнении.

Во второй половине I тыс. н.э. на территорию Восточной Европы попадает большое количество иностранных, в первую очередь арабских, денег. На территорию южных областей восточнославянского мира арабские монеты поступают где-то около середины VIII в. /157, с. 23/. С этого времени славянами в денежном обращении использовались восточные, а позже византийские и западноевропейские монеты /411/. Работы ряда исследователей дали возможность говорить о систематической обновляемости состава монет в денежном обращении на Руси, хотя этот процесс и не проходил прямолинейно /40, с. 63/. Анализируя материалы известных монетных кладов, советские исследователи пришли к выводу, что обращение монет в IX-X вв. можно разделить на четыре периода*, для каждого из которых были характерны определенные монеты. Стертые, более ранние монеты выпадали из обращения.

* Принцип периодизации разработал Р.Р.Фасмер /367/, а В.Л.Янин уточнил ее /411/.

Большую часть серебряных монет ремесленники использовали для изготовления украшений. В обращении оставалась какая-то часть денег более раннего периода, но они не играли значительной роли в новом составе монет. Подтверждением тому является и такой факт, что среди инвентаря могил X в. обнаружена только одна монета VIII в.

Как уже отмечалось, большинство погребений с монетами X в. можно отнести к захоронениям представителей привилегированных, в социальном и имущественном плане, прослоек древнерусского общества. Родным и близким этих умерших не нужно было класть в могилу монету, которая на протяжении десятилетий хранилась в семье "на черный день". Да и мужья умерших жен при жизни последних не собирали в течении многих лет монеты для их ожерелий - об этом свидетельствует хронологическая компактность обнаруженных во всех женских погребениях монет. То же можно сказать об ожерелье, обнаруженном в киевском погребении № 112: чеканка восьми выявленных дирхемов относится к 900-923 гг. Вероятнее всего предположить, что в эти погребения попадали монеты, которые находились в денежном обращении. Анализируя монетные клады IX-X вв., В.Н.Рябцевич обратил внимание на тот факт, что в кладах нередко оказывались дирхемы с пробитыми отверстиями или с приклепленными ушками для подвешивания. В связи с этим он выдвигает (на наш взгляд, очень интересное) предположение, что, очевидно, часть этих монет, существовав некоторое время в качестве деталей женского украшения, вновь включалась в денежный оборот /290, с. 54/.

Возвращаясь к X в., напомним, что В.Л.Янин выделил два периода обращения разных монет: 900-938 гг. и 939 - конец X в. Сопоставив даты чеканки монет из погребений X в. с хронологическими диапазонами обоих периодов, мы пришли к выводу, что монеты в погребения на территории Среднего Поднепровья могли попасть не только через 50, но и через 10-20 лет после чеканки (рис. 33). Подтверждает нашу гипотезу погребение № 123 Киевского некрополя. В нем был найден дирхем времени правления Мансура ибн Нуха (961-976 гг.) /132, с. 223/. Погребение обнаружено почти около самого юго-западного угла внешней галереи Десятинной церкви, а дно могилы находилось ниже подошвы фундамента храма. Как известно, Десятинную церковь начали строить в 989 г. То есть между временем чеканки вышеупомянутого дирхема и временем, когда насыпь кургана, где находился этот дирхем, была уничтожена, прошло не менее 13, но и не более 28 лет. Не позже середины X в. прослеживается расширение городского ядра Киева на Старокиевской горе за счет некрополя /349, с. 63/, что также сокращает время попадания монет в отдельные погребения.

Рис. 33

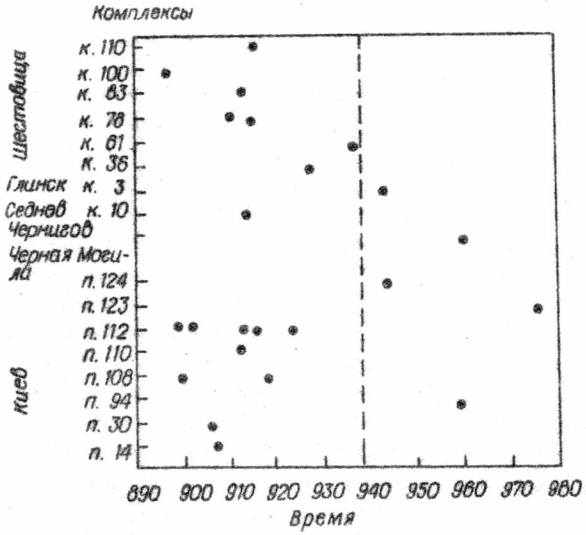


График размещения монет X в. в среднеднепровских погребениях (- - - - рубеж между периодами обращения различных монет в X в. на Руси по В.Л.Янину)

Важные сведения дают два монетных клада, обнаруженные в 27 ярусе Нерёвского раскопа в Новгороде - городе, где не менее интенсивно, чем в Киеве, проходило денежное обращение в начальный период древнерусской истории. Как показала С.А.Янина, возможный максимальный разрыв между датой младшей монеты в первом кладе и временем его зарытия достигает 17, а во втором кладе - 14 лет [414, с. 288].

Таким образом, напрашивается вывод, что ряд погребений с монетами на территории Среднего Поднепровья, и в частности в Киеве, относится не только к середине X в., но и к рубежу IX-X, первым десятилетиям X в. К этому времени, вероятно, относится часть богатых погребений, среди инвентаря которых монет не обнаружено.

Приблизительно в это время идеология класса феодалов сформировалась в четкую систему взглядов и идей, что привело к значительным изменениям в погребальном обряде господствующего класса.

Учитывая то, что погребальный обряд отражает изменения в реальной жизни с опозданием на два-три поколения [184, с. 163], можно говорить о начале качественного перелома в процессе формирования класса феодалов (именно класса, а не выделения из общинной массы отдельных лиц) на территории Среднего Поднепровья, в частности в районе Киева, в первой половине IX в.

Важность событий истории молодого государства именно X в. подтверждают и другие исторические факты, относящиеся к этому времени.

Так, в X в. центральная княжеская власть победила над сепаратизмом старых племенных объединений, образовались отдельные древнерусские земли /158, с. 70/. В это же время наиболее активно складывается централизованный княжеский аппарат, который полностью контролировал государственную власть в стране /301, с. 51/. Само имя Русь в X в. уже окончательно приобрело политический, государственный оттенок /281, с. 30/. Кроме того, со времени правления княгини Ольги прослеживаются княжеские доменциальные владения, а к середине X в. уже назрели острые конфликты между княжеско-боярской верхушкой и народными массами /124, с. 491; 252, с. 218/.

Материалы погребальных памятников на территории Среднего Поднепровья дают возможность уточнить и некоторые моменты феодализации Руси. В частности, известно, что в начале процесса территориального сложения Древнерусского государства великие князья оставляли на местах представителей местных династий, признавших власть Киева. Правда, вассалы были весьма ненадежны и опасны /252, с. 212/. Ненадежность местных князей по отношению к Киеву требовала устранения их от власти. Весьма перспективными для изучения этого процесса в конкретном микрорегионе оказались погребальные памятники X в., выявленные и исследованные в разные годы в окрестностях одного из крупнейших средневековых центров Среднего Поднепровья - Чернигова.

К четко датированным X в. комплексам относятся курганы по обряду кремации на стороне (Шестовица - № 15, 53, 60, 82, 94), на месте погребения (Чернигов - Черная Могила, Безымянный, Гульбище, № 2 - раскопки Д.Я.Самоквасова, № 15 - Ф.И.Блифельда; № 46, 58, 59, 83 - Шестовица; № 3 - в с. Новый Белоус; № 2-4 - Табаевка), ингумации в подкурганных ямах (Чернигов - № 11 - раскопки Д.Я.Самоквасова; № 17 - Д.И.Блифельда; курган на Халявинской дороге; большой курган в с. Гущин; № 2, 4, 21, 36, 41, 42, 78, 98, 100, 121, 145 - Шестовица). Инвентарь большинства погребений указывает на принадлежность погребенных к привилегированным прослойкам общества. Разница в обряде погребения, прослеженная в синхронных комплексах (кремация - ингумация), свидетельствует о том, что перед нами погребения разноэтничного состава населения этого района среднеднепровской территории. На автохтонность обряда кремации в конце I тыс. н.э. на Левобережье Днепра указывает их генетическая связь с более ранними комплексами, о правобережном происхождении обряда ингумации в подкурганных ямах уже говорилось выше. Присутствие в районе Чернигова выходцев из Правобережья можно объяснить пребыванием здесь представителей великокняжеской администрации, которая должна была контролировать и "направлять" деятельность местной знати. Последняя, конечно, не могла

полностью отречься от сепаратистских устремлений. Как отмечал Б.А.Рыбаков, вассалы киевского князя имели земельные наделы и за них верой и правдой служили своему сюзерену [275, с. 51].

Небезынтересно расположение погребальных комплексов X в. согласно исторической топографии Чернигова: на кладбище под самыми стенами города, где хоронили местную аристократию, выходцев из Правобережья не погребали. Утверждать это позволяет тот факт, что на протяжении существования современного города в этом районе при многочисленных строительных работах (когда трудно зафиксировать расположенные в остатках курганной насыпи или же на уровне древнего горизонта относительно незначительные остатки сожжений, особенно на стороне от места погребения) трупоположений конца I тыс. н.э., а тем более в срубных гробницах, обнаружено не было. Известны только христианские захоронения XII-XIII вв.

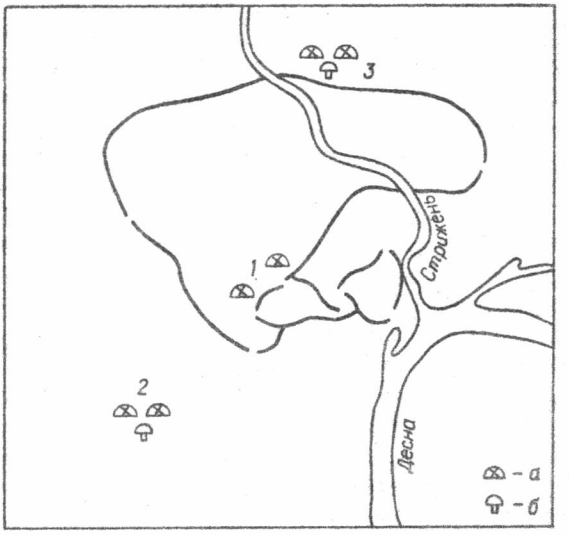
О том, что на кладбище хоронили местную аристикратию свидетельствуют курган княжны Черны и курган Черная Могила, раскопанный Д.Я.Самоквасовым и интерпретированный Б.А.Рыбаковым как погребение местного князя времен Святослава Игоревича.

На наш взгляд, такой интерпретации не противоречат и последние исследования деталей инвентаря Черной Могилы. В первую очередь, это касается определения (более чем через 100 лет после находки) бронзовой фигурки божества как изображения Тора [251, с. 86-87]. Фигурка идола вместе с ритонами (в последнее время им многими исследователями приписывается восточное происхождение) и частью снятых с кострища доспехов была выявлена в насыпи кургана на месте тризны. На идоле и ритонах отсутствуют следы пребывания в огне, т.е. их не было на кострище среди вещей, с которыми "душа" погребенного через огонь и дым перенеслась в "мир иной"*. Поэтому их можно рассматривать и как символы власти, и как приношения, достойные социального положения погребенного, от прибывших на похороны членов разноэтничной великокняжеской дружины, которая в это время располагалась в черниговской округе.

Если же при определении этнической принадлежности отмеченным артефактам придать первоочередное значение, то можно получить совершенно противоречивые выводы. В одном случае, восточное происхождение обкладок ритонов, а также найденной на кострище сабли (весьма характерного оружия для стран Востока конца I тыс. н.э.), в соответствии с утверждением Л.А.Лелекова, что "...обряд на Черной Могиле типологически поразительно точно соответствует восточноиранским об-

* Украшения и вещи сжигались славянами на кострищах и в более раннее время, когда господствовал обряд кремации на стороне от места захоронения [313, с. 77].

Рис. 34



Расположение некрополей X в. на территории древнего Чернигова (план города по Б.А.Рыбакову): а - трупосожжения на месте захоронения; б - трупоположения в подкурганных ямах. 1 - аристократический некрополь (Черная могила, курган княжны Чорны); 2 - Болдины горы; 3 - "Старое кладбище в Березках"

рядам" /181а, с. 53/, должно определять поиски прародины погребенного на Востоке. А в другом - находка фигурки бога Тора в корреляции с наличием характерных для погребального обряда скандинавов жертвенных котлов /235, с. 86/ позволяет отнести упомянутого знатного черниговца к выходцам из Скандинавии. Это не так. В целом, обряд Черной Могилы генетически связан с более ранними погребальными комплексами автохтонного населения, а богатство инвентаря и количество затраченного на проведение похорон труда говорят о неординарном положении в обществе погребенного здесь человека.

Возвращаясь к топографии погребений X в. на территории Чернигова отметим, что на двух могильниках, размещенных на некотором, приблизительно равном расстоянии от рассмотренного выше аристократического некрополя, вырисовывается несколько иная картина. Речь идет о курганах в районе Болдиных гор и на "Старом кладбище в Березках". На обоих могильниках, кроме богатых погребений по обряду кремации (курганы Безымянный, Гульбище, № 2, 15), выявлены и трупоположения в подкурганных ямах с остатками деревянных обкладок стен (курганы № 11, 17). Факт проживания в непосредственной близости к резиденции князей местной династии представителей великокняжеской власти, которых тут и хоронили (рис. 34), дает возможность предполагать, что в X в. местная знать, еще владеющая внешними атрибутами власти, и как и ранее отделенная от пришельцев, имела скорее номинальные возможно-

сти в решении многих вопросов. Все ее действия контролировались размещенными вблизи силами центральной власти.

Аналогичная картина пребывания представителей великокняжеской администрации среди местного населения прослеживается и по материалам черниговской округи. Например, на четырех из пяти могильников черниговского окружения кроме погребений автохтонного населения выявлены и могилы пришельцев. Такая концентрация вассалов киевского князя на относительно небольшой территории, помимо экономического потенциала этого региона, указывает на то, что в X в. борьба между центральной властью и местной аристократией, которая не желала без боя оставлять кому-либо свои привилегии, еще не была закончена. По этому поводу можно вспомнить сватание древлянского князя Мала к вдовствующей Ольге: с точки зрения древлянской знати (которая за это поплатилась жизнью) в таком акте не было ничего предосудительного. Они считали такой союз паритетным. Конечно, в аналогичной обстановке контроль за местной знатью был необходим.

В составе военизированных контингентов великого князя киевского кроме подавляющего большинства славян (и не только приднепровского происхождения) были и выходцы из других славянских территорий и даже других этносов. На могильниках Чернигова, Шестовицы, Табаевки отмечены погребения кочевников, выходцев с финно-угорских областей Восточной Европы, из Скандинавии (подробнее об этом см. в следующей главе). Погребения последних превалируют в количественном отношении среди неславянских могил представителей великокняжеского аппарата этого времени, что и не удивительно, так как скандинавы использовались господствующей верхушкой Древнерусского государства уже в IX в. /300, с. 44/.

Рассмотренные материалы X в. раскрывают не начало взаимоотношений Киева и черниговской округи, а завершающий этап длинного и диалектически противоречивого процесса формирования государственной территории в этом регионе Древней Руси. Его начало относится ко времени формирования "Русской земли", когда часть северян, обитавшая на исследованной территории, включилась в новый, исторически прогрессивный процесс. Многочисленные богатые погребения по обряду кремации (в основном те, которые выявлены рядом с могилами выходцев из других мест) позволяют говорить о том, что под власть великого князя переходила все большая часть местных вельмож, усматривая в этом акте большие выгоды для себя. В результате этого процесса, вероятно, во времена княжения Владимира Святославича, тихо и без особых эксцессов, что подтверждается и отсутствием каких-либо упоминаний в летописях, местная княжеская династия прекратила свое существование.

Обратимся еще раз к материалам могильника у с. Шестовица, который выделяется среди аналогичных памятников этой территории. Большое количество погребенных воинов вполне оправдывает интерпретацию этого пункта как дружинного лагеря [395, с. 204] - опорного центра дружинников киевских князей, утратившего свое значение в конце X - начале XI в. в связи с полным подчинением этих земель власти Киева и вхождением их в княжеский домен.

Такое трактование Шестовицкого комплекса дает возможность по-новому понять летописный рассказ об осаде в 968 г. Киева печенегами и спасении княгини Ольги и ее внуков воеводой Претичем [224, с. 47-48]. Учитывая тот факт, что дружина во главе с Претичем пришла с Левобережья, А.Н.Насонов усматривал в ней черниговское войско. А то, что этими воинами руководил не князь, а воевода, навело исследователя на мысль об отсутствии в Чернигове княжеского стола вплоть до 20-х годов XI в. [211, с. 62-63]. О.М.Рапов, отстаивая точку зрения о наличии в Чернигове в X в. местного князя, объясняет его отсутствие во главе дружины тем, что он был со своим сюзереном Святославом Игоревичем в болгарском походе [252, с. 95].

На наш взгляд, по этому вопросу можно предложить еще одну гипотезу: на помощь семье киевского князя пришел его непосредственный слуга - воевода Претич с дружиной, которую Святослав оставил на Левобережье, возможно, в Шестовице, для контроля за ненадежными вассалами, готовыми в любой подходящий момент восстать против Киева. Вероятно, в задачу гарнизона входила и помощь жителям Киева на случай какой-либо опасности. Страх воеводы перед возможной карой Святослава, если что-то случится с княгиней и княжичами, не дает основания предполагать добрых отношений между сюзереном и насильно подчиненным вассалом. Последний, вероятно, был бы рад горю и неудачам своего господина или его семьи и не очень спешил бы на выручку. Со стороны слуги, зависящего от князя, такое поведение вполне оправдано.

Феодализация охватила не только Левобережье. На правом берегу Днепра известны дружинные захоронения не только у городов и крепостей, но и в сельской местности (рис. 30). Вероятно, перед нами погребения тех членов княжеской дружины, которые оседали по селам, а в город являлись под княжеский стяг во время войны [123, с. 354]. Но процесс феодализации земель Восточной Волыни происходил более замедленно, чем на территории рассматриваемой части Левобережья. Это связано, вероятно, с тем, что земли левого берега Днепра, через которые проходили торговые пути с Востоком, сулили князьям гораздо большие прибыли, чем земли Полесья. Но и здесь, начиная с правления Ольги, феодальные отношения начинают развиваться все более эффектив-

но. Как пример можно привести парное погребение в кургане № 5 у г. Коростеня, где были захоронены воин и женщина. Погребение можно отнести к третьей группе дружинных погребений (по Д.И.Блифельду). Но то, что умершие были погребены на уровне древнего горизонта, указывает на их местное происхождение.

Таким образом, рассмотренные материалы позволяют сделать вывод о том, что для разработки вопросов социального состава древнерусского общества наиболее перспективны комплексы раннего периода истории Руси, так как при сопоставлении их с языческими захоронениями более раннего времени прослеживается выделение по ряду признаков из общей массы отдельных погребений, которые можно интерпретировать как захоронения представителей класса феодалов. Захоронения XI-XIII вв., когда христианство и в погребальном обряде пыталось утвердить единые для всех каноны, дают намного меньше информации для рассмотрения вопросов развития феодальных отношений, хотя само по себе введение религии классового общества, как уже отмечалось, играет немаловажную роль в укреплении государственной власти. Но в целом рассмотренные выше факты, в частности периода X в., свидетельствуют о том, что события начала древнерусской истории отображают исторически закономерную победу нового феодального строя над первобытнообщинным.

ГЛАВА IУ

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ СРЕДНЕДНЕПРОВСКОГО НАСЕЛЕНИЯ IX-XIII вв.

С образованием государства у восточных славян формируется древнерусская народность - колыбель трех братских народов - русского, украинского и белорусского [102, 343; 384]. На материалах погребальных памятников мы попытаемся рассмотреть этнический состав населения Среднего Поднепровья IX-XIII вв., т.е. показать, из каких компонентов формировалась древнерусская народность на этой части территории Руси.

Чтобы понять этнические процессы, которые происходили в Среднем Поднепровье в IX-XIII вв., и определить этнический состав населения, необходимо хотя бы кратко остановиться на интерпретации в современной исторической науке письменных и археологических источников второй половины I - начала II тыс. н.э.

Так, среди исследователей существует два мнения по вопросу о характере образований восточных славян накануне формирования древнерусского государства, известных по русским летописям и иностранным источникам под названием полян, древлян, северян, кривичей и т.д. Одни рассматривают их как племенные княжения, другие - как союзы племен [232, с. 104; 362, с. 187]. Мы принимаем точку зрения тех исследователей, которые считают эти образования вначале племенными союзами, трансформировавшимися в дальнейшем в племенные княжения [52, с. 110, 154, с. 17; 186, с. 15; 361, с. 3]. Последние можно называть протогосударственными образованиями [71, с. 159]. Эти политические объединения были характерны для периода окончательного перехода от первобытнообщинного к классовому обществу, а союзы племен соответствуют эпохе военной демократии [3, с. 164]. Примером качественного развития метаэтнопотестарных общностей* предгосударственного периода могут быть "большие племена" германцев III в. н.э. (алеманы, франки, саксы), которые в период завоевания ими земель к западу от Рейна превращаются в "военные союзы" - социально-этнические образования, представлявшие собой крайне пестрое сочетание родоплеменных и территориальных делений. При последующих благоприятных обстоятельствах уже в условиях феодального общества эти образования сливались в германские народности [175, с. 85].

Несмотря на то, что некоторые исследователи скептически относятся к привлечению археологических источников для решения этнических вопросов [155, с. 13-14], мы считаем, что "археологическая культура... во всех случаях... отражает жизнь предс вляемого ею этноса" [22, с. 32].

* По терминологии Ю.В.Бромлея [58, с. 53].

В VI-VII вв. на территории Среднего Поднепровья известны три группы памятников, представленные колочинским, пеньковским и пражским типами лепной керамики [31, с. 18; 269, с. 144]. Эти группы памятников соприкасаются в районе Киева, что подтверждается исследованиями в так называемом "киевском треугольнике" (междуречье Днепра - Ирпеня - Стугны) [161]. Следующий период в истории восточных славян (VIII-IX вв.) представлен в основном двумя группами памятников - типа Луки-Райковецкой и роменским (или роменско-боршевским) [317, с. 38]. На Левобережье Днепра памятникам с роменской керамикой, по мнению большинства исследователей, предшествовали памятники с керамикой волынцевского типа (VII-VIII вв.) [333, с. 132-144].

Согласно летописным данным, Среднее Поднепровье VIII-IX вв. населяли поляне, древляне и северяне. Границы древлян, обитавших на территории Восточной Волыни, не вызывают возражений [265]. Однако по вопросу о границе между полянами и северянами единого мнения нет [37; 183; 267; 273; 333]. Основное расхождение сводится к тому, был ли Днепр границей между полянами и северянами, или эта граница проходила гораздо восточнее.

В результате исследований последних лет получены новые данные об археологических памятниках VII-X вв. на Левобережье Днепра. Удалось уточнить, что памятники волынцевского типа, генетически связанные с памятниками роменской культуры, в носителях которой усматривают летописных северян, занимают большую часть Левобережья Среднего Поднепровья [37, с. 21; 92, с. 12; 333, с. 144; 91, с. 7; 337, рис. 2]. Правда, их не выявлено пока в прибрежных районах Левобережья Днепра, но то, что ряд этих памятников известен на правом берегу [334, с. 54-64], позволяет предполагать размещение поселений с керамикой волынцевского типа в самых близких к Правобережью районах и проникновение отдельных групп населения, в частности по Десне, на этот берег. Таким образом, археологические данные свидетельствуют о том, что ранние северяне (или прасеверяне) и в VII-VIII вв. населяли Левобережье Среднего Поднепровья. В более позднее время роменская культура, правда, нечетко, также проявляется на интересующей нас части левого берега Днепра [183, с. 217; 280, с. 21; 333, карта 4; 335, с. 377]. Археологические исследования в Киеве (Старокиевская гора, Подол) дали лепную керамику роменского типа [98, с. 15; 349, с. 49-50; 352, с. 42], которая, возможно, также свидетельствует о проникновении сюда отдельных групп левобережного населения.

В то же время на Правобережье Днепра, на подавляющем количестве памятников обнаружена керамика типа Луки-Райковецкой. Речь идет не только об отдаленных от Днепра пунктах древлянской территории, но и о поселениях, размещенных непосредственно на его берегу [89, 197;

399/. Таким образом, археологические памятники, по времени непосредственно предшествующие образованию Древнерусского государства, дают основание говорить о том, что по берегам Днепра жили разные племенные группы восточнославянского населения. Это подтверждается и антропологическими данными: если на Правобережье превалировал относительно широколицый антропологический тип, то на левом берегу - относительно узколицый /15, с. 60; 311, с. 150/. Но материальная культура IX-X вв. (в частности, гончарная керамика) уже объединяет в одно целое и правый, и левый берега Днепра (что, правда, нельзя сказать о погребальном обряде), а центр полян - Киев - с самых ранних времен носил межплеменной характер /350, с. 129, 130/. Кроме того, территория, занимаемая полянами на Правобережье, ограниченная на западе междуречьем Здвижа и Ирпеня, а на юге Росью или Стугной, совершенно не соответствует ведущей роли полян в древнерусской истории /273, с. 85/.

В таком случае, на наш взгляд, логичнее предположить, что полянский союз с самого начала был разноплеменным объединением. До образования государства и на ранней стадии его существования разные части этого объединения (как и других аналогичных объединений) сохраняли определенные племенные особенности, что отразилось и в различиях погребального обряда. Постепенно термин "Русь", применявшийся к обоим берегам Среднего Днепра, вытеснил собой термин "Поляне" /273, с. 85/.

Переходя непосредственно к вопросу об этническом составе населения Среднего Поднепровья IX-XIII вв., остановимся на тех признаках в погребальном обряде, которые являются определяющими при решении поставленной задачи. Многие исследователи /11, с. 75; 82, с. 42; 124, с. 302; 307, с. 6; 319, с. 6/ отмечают возможность и необходимость использования данных погребального обряда при определении этноса населения, оставившего те или другие памятники. В этнических общностях, формирующихся на ограниченной территории из отдельных групп людей в результате постоянного общения, обусловленного развитием социально-экономической системы /81, с. 15/, комплекс идеологических воззрений (через которые формируется погребальный обряд) имел определенные отличия от воззрений соседних общностей. Правда, в ряде случаев, когда эти общности находились в аналогичных условиях существования (физико-географическая среда, одинаковый социальный и экономический уровни и т.п.), ряд черт идеологических воззрений совпадал, но различия, как правило, оставались. Они проявляются и в погребальном обряде, в частности в устройстве погребального сооружения, способе захоронения, характере и размещении погребального ин-

вентаря /144, с. 233/. Следует учитывать и состояние сопровождающего погребального инвентаря (битый, испорченный или целый) - у разных народов вследствие различий в идеологических представлениях к отдельным элементам погребального инвентаря относились по-разному.

Необходимым условием эффективного определения этнической принадлежности памятников является установление генетической связи с предшествующим временем /61, с. 6/. Если какие-то черты погребального обряда отдельных могил Среднего Поднепровья можно проследить в славянских погребальных памятниках более раннего времени, то в этих случаях, при определении этноса, мы отдаем предпочтение местному восточнославянскому компоненту. Только те черты, которые не находят аналогий в погребальном обряде восточных славян, можно считать привнесенными различными этническими группами в результате переселения, по терминологии Ю.В.Бромлея, - микромиграциями /57, с.36/, на территорию древнерусского государства, в частности в Среднее Поднепровье, в конце I - начале II тыс. н.э.

При определении этнической принадлежности следует учитывать ориентировку умерших /30, с. 130; 163, с. 13/. Установлено, что для славян характерна западная ориентировка /216, с. 220; 85, с. 24/. По подсчетам В.В.Седова, в этом направление ориентировано свыше 95 % трупоположений древнерусских курганов /306, с. 246/. На территории Среднего Поднепровья не западная (восточная, северная, южная) ориентировка отмечена всего около 50 раз, не считая кочевнических погребений. Конечно, нельзя утверждать, что западная ориентировка типична только для восточных славян. Она встречается и на других территориях (например, у западных славян), но мы не располагаем сведениями о переселении в Среднее Поднепровье значительных групп населения с этих земель в IX-XIII вв.

При рассмотрении этнического вопроса возникают трудности в связи с бедностью погребального инвентаря - характерной чертой многих могил всех славянских областей /318, с. 141/. Это прослежено и в корреляционных таблицах. С другой стороны, большое количество вещей иностранного происхождения завозилось на Русь из разных стран, в первую очередь, в Киев и другие города /220; 353/ и часть их попадала в погребения. Анализ погребального инвентаря, в частности древнерусских городов, подтвердил, что некоторые предметы из погребений сделаны в совершенно другой части мира. Как отмечалось в I главе, в ряде погребений Среднего Поднепровья было обнаружено оружие как местного, так и иностранного производства. Но в период раннего феодализма оружие постепенно утрачивает свою этническую определимость,

поскольку распространение военно-технических достижений приобретает почти повсеместный характер /139, с. 13/. Использование этой составной части погребального обряда для определения этноса весьма проблематично. Кроме того, если взять контингент переселенцев в Среднее Поднепровье, можно проследить, что в основном это представители мужского пола, которые, очевидно, использовались для защиты южной части государства и для закрепления на киевском столе того или иного князя. С этнографической точки зрения мужской костюм, как правило, более интернационален и менее выразителен, чем женский. Необходимо также учитывать, что значительная часть вещей, с которыми уходили из дому воины, постепенно приходила в негодность и заменялась местными.

Таким образом, погребальный инвентарь, в частности городских некрополей, недостаточно достоверен для определения этнической принадлежности отдельных погребенных и пользоваться им нужно очень осторожно. Более точные сведения дает инвентарь из тех мест, которые были удалены от торговых центров и куда нетипичные для данной местности вещи могли попадать вследствие переселения людей из других территорий.

Следует также помнить, что этнографическое единство отдельных "летописных племен" сохранялось длительное время, переходя и в феодальную эпоху /285, с. 26/, причем различные восточнославянские образования развивались неравномерно. Это нашло отражение в погребальном обряде, который на разных территориях восточнославянского этнического массива в одно и то же время имел отличительные черты (трупоположение и трупосожжение, захоронение в яме или на горизонте и т.д.). Поэтому, если в каком-то районе выявляются погребения, синхронные основной массе захоронений, но отличающиеся погребальным обрядом, то можно говорить о неместном происхождении погребенных.

Выделив характерные признаки, присущие для большинства погребений того или иного района Среднего Поднепровья (способ захоронения и расположение умершего относительно дневной поверхности земли, ориентировка, устройство погребального сооружения, размещение в могиле и некоторые характерные детали сопровождающего инвентаря, различия в обращении с определенными вещами), т.е. для захоронений представителей местного населения, и найдя аналоги среди погребальных памятников других земель погребениям, не типичным для данной местности (в определенное время), удалось установить этнический состав населения разных среднеднепровских районов. Для решения этого вопроса наиболее перспективны материалы погребальных памятников, относящихся к раннему периоду истории Руси.

Христианские погребения, появившиеся после введения на Руси новой религии, исключают возможность этнической интерпретации. Но "религия, принадлежность к определенному вероисповеданию является одним из признаков средневековых народностей" /384, с. 39/ - в данном случае древнерусской. Несомненно, подавляющее большинство христианских погребений в Среднем Поднепровье принадлежит восточным славянам, потерявшим в погребальной обрядности под воздействием государственной религии племенные черты.

Необходимо отметить, что "археологу так же опасно пренебрегать историческими данными, как историку данными археологическими" /27, с. 93/. В русских летописях известно немало примеров разноэтнического состава населения ряда населенных пунктов, окружения князей, бояр, церковников. Яркой иллюстрацией тому является описание убийств князей Бориса и Глеба: на Бориса совершили нападение вышгородские мужи боярские (большинство из них, конечно, были славяне), а добили варяги (вместе с князем погиб его слуга - венгр Георгий); князя Глеба зарезал его повар Торчин /244, с. 90-93/.

Б.А.Рыбаков, анализируя данные древнерусских летописей и другие письменные источники, пришел к выводу, что в IX-XIII вв. "Киев и его окрестности были местом собирания разноплеменных дружин: сюда попадали и племенные ляхи, и поселенные князьями словене, чудь и кривичи, и нанятые варяги, и торки ("свои поганные"), и датчане, и ирландские монахи, и арабские купцы, и венгерские наездники" /273, с. 97/. Киев как один из наиболее важных политических и экономических центров раннесредневековой Европы привлекал к себе выходцев из разных земель Руси и многих других стран.

Вопрос об этнической неоднородности населения Киева древнерусского времени требует уточнения нижнего хронологического рубежа киевских некрополей. Как показали работы последних лет, территория Киева была непрерывно заселена на протяжении второй половина I тыс. н.э. В разных местах были найдены фибулы, браслеты, монеты, керамика этого времени*. В связи с этим вызывает сомнение датировка всех погребений на территории древнего Киев IX-X вв. и более поздним временем.

При выяснении этих вопросов будем, в основном, ссылаться на монографию М.К.Каргера "Древний Киев", в которой систематизирована разбросанная в многочисленных источниках разрозненная информация о киевских погребениях и дана их сплошная нумерация. Погребения киевских некрополей делятся по обряду захоронения на две группы - трупо-

---

* Подробнее сведения о находках второй половины I тыс. н.э. см. в работе П.П.Толочко /349, с. 42-55/.

сожжения и трупоположения. По данным М.К.Каргера, языческих трупоположений намного больше - 114 против 11 трупосожжений. Данные последних лет не меняют количественного соотношения между обеими группами. Анализируя языческие погребения по обряду ингумации, М.К.Каргер установил, что этот обряд был типичным для населения Киева в IX-X вв. /132, с. 228/. Надежным подтверждением являются, в первую очередь, монеты и фибулы, найденные в некоторых погребениях, а также ряд других вещей этого времени из разных групп киевских некрополей /132, с. 220-227/. Что касается трупосожжений IX-X вв., то П.Н.Третьяков совершенно верно связал их с представителями северных восточнославянских племен, которые переселились в южные районы Руси в период формирования Древнерусского государства /358, с. 37/. К этому можно добавить, что трупосожжения IX-X вв. могли оставить и переселенцы из Левобережья Среднего Днепра. Это подтверждает, например, исследованное в 1977 г. в Десятинном переулке трупосожжение на древнем горизонте. В центре кострища находились два отбитых наполовину горшка, наполненных кальцинированными костями. Обычай собирать кальцинированные кости в сосуды и ставить их на кострища, что уже отмечалось выше, широко практиковался на Черниговщине. Только там в четырех случаях выявлены горшки-урны с отбитыми венчиками.

Погребения по обряду кремации, в свою очередь, также разделяются на две группы: трупосожжения на стороне и трупосожжения на месте. Среди инвентаря последних имеются материалы (наконечник стрелы, наконечник копья), свидетельствующие о военной профессии части умерших. В одном погребении по обряду трупосожжения на месте найдена монета императора Льва VI (886-912 гг.), что позволяет отнести его и аналогичные ему во второй группе* к раннему периоду древнерусского государства.

М.К.Каргер погребения по обряду трупосожжения датировал IX-X вв. /132, с. 165/. Однако при рассмотрении погребений (трупосожжения на стороне) обнаруживаем, что, в основном, это остатки пережженных костей, сложенных в глиняные лепные урны. Только в одном случае (погребение № 102) отмечено, что горшок, в котором содержались пережженные кости, был изготовлен на гончарном круге.

В I главе уже шла речь о бытовании обряда сожжения на стороне в ранний период истории славян. Поэтому данную группу погребений** можно отнести ко времени более раннему, чем IX-X вв. Эти погребения

---

* Погребения № 97-99, 119-121 (по М.К.Каргеру) и в Десятинном переулке.

** Погребения № 95, 96, 100-102. Трупосожжений в урнах на территории Киева было значительно больше, но, ввиду невыразительности, они зачастую бесследно уничтожались при земляных работах.

могло оставить местное население, которое пользовалось лепной керамикой в VII-IX вв. [393, с. 101]. Такое предположение уже высказывалось ранее [349, с. 61], но в связи с тем, что керамика из отмеченных захоронений не сохранилась, можно предположить это только как гипотезу. Вероятно, обряд кремации у местного населения Киева существовал во второй половине I тыс. н.э. до IX в., когда его сменил обряд ингумации. Скорее всего, быстрые темпы общественного развития и распространяющиеся идеи христианства способствовали переходу населения Киевского Правобережья от обряда сожжения на стороне непосредственно к обряду трупоположения, минуя стадию сожжения на месте (или бытование этого обряда было очень непродолжительным). Немногочисленные трупосожжения на месте IX-X вв., как уже отмечалось, относятся к переселенцам Левобережья и северных восточнославянских земель.

Трупоположения IX-X вв., обнаруженные в большом количестве в разных местах Киева, принадлежат в подавляющем большинстве представителям разных социальных групп местного населения. Умершие ориентированы в могильных ямах головой на запад, сверху над ними насыпаны курганы.

К восточнославянским погребениям относятся и трупоположения на древнем горизонте, ориентированные в западном направлении, под небольшими курганами*. Этот обряд, типичный для древлян в X в., могли оставить представители последних из числа служивших, очевидно, в дружине киевского князя, и части пленных, которых княгиня Ольга после разгрома Искоростеня в 946 г. "работе предасть мужемъ своимъ" [244, с. 43]. Кроме славянских погребений в составе киевских некрополей известны могилы представителей тех неславянских этнических групп, которые в той или иной мере принимали участие в становлении Древнерусского государства.

Так, еще в дореволюционное время между улицами Ленина и Свердлова (бывшие Фундуклеевская и Прорезная) были обнаружены "пещерки", напоминающие катакомбные погребения салтовской культуры. Даже место для могильника на склоне к Крещатику выбрано так, как это практиковалось салтовским населением, т.е. на склонах холмов [239, с. 73]. В "пещерках" находились горшки, наполненные кальцинированными костями - синкретизм погребального обряда славянской и салтовской культур. На территории Пионерского парка, в одном из погребений грунтового некрополя находился горшок салтовского типа. Эти данные дают основание предполагать проникновение в Киев в конце I тыс. н.э. какой-то части населения Левобережья, связанного с салтовской культу-

* Погребения в бывшей усадьбе Петровского и в районе ул. Фрунзе.

рой (выше отмечалось наличие памятников с керамикой волынцевского типа в других местах Правобережья)*.

Как известно, еще до образования Древнерусского государства славяне Среднего Поднепровья были связаны с Хазарским каганатом определенными отношениями. Сначала поляне и некоторые другие восточнославянские племена платили хазарам дань [244, с. 16], а затем, после похода Святослава в 965 г. против хазар, последние начали переходить на службу к киевским князьям. В начале XII в. в войске Святополка был даже воевода Козарин [244, с. 186]. Кроме того, в топографию древнего Киева входило уроч. Козары, которое, вероятно, следует локализировать в районе Подола [353, с. 6]. Наличие упомянутых погребений в киевских некрополях вполне закономерно.

Восточнославянские племена начали освобождаться от хазарской дани во второй половине VIII-IX вв. (в частности, поляне). Древнерусское государство набирало силу и выходило на европейскую арену. Олег привел с севера дружину, в состав которой, наряду со славянами (словенами и кривичами), входили варяги, чудь, меря, весь [244, с. 16]. Практику набора в свое войско представителей со всех концов Восточной Европы продолжали князья и последующих поколений.

Кроме погребений представителей северных восточнославянских племен, материалы Киева дают возможность выделить погребальные памятники и других северных этнических групп.

Определением места варягов в истории нашей страны занималось не одно поколение ученых. Советские историки-марксисты, исходя из материалистической методологии, на основании исследований экономических и социальных процессов доказали, что Древнерусское государство появилось в результате разложения первобытнообщинного строя, развития производительных сил и возникновения основных классов феодального общества [402, с. 235]. Тем самым была подорвана концепция о варягах как творцах государства восточных славян. В работах последних лет высказывается мнение, что норманский элемент, в сопоставлении с другими этническими группами в княжеских дружинах, сыграл вообще второстепенную роль [219, с. 109].

Археологически выявление памятников скандинавов затруднено, поскольку, поселившись в чужих землях, они принимали обычаи их жителей [332, с. 288-289]. Выделить варяжские погребения среди славянских помогают антропологические исследования. Примером может служить обнаруженное на Юрковице мужское захоронение (№ 5), где погребенный ориентирован головой на запад. Крайне бедный инвентарь -

---

* Совместное проживание славян и "салтовцев" прослеживается и в других местах [240].

только нож с горбатой спинкой, типичный для скандинавов /27, с.95/, - недостаточный источник для надежного определения этнической принадлежности, а антропологический анализ показал, что умерший являлся представителем нордического типа*.

К сожалению, при раскопках многих погребений киевских некрополей антропологические исследования не проводились и этот материал навсегда пропал для науки.

Возможно, скандинавским являются парное погребение № 111, в котором рядом с мужским скелетом в положении лежа на правом боку обнаружен скелет женщины в сидячем положении**, и женские погребения № 124, 125, где были найдены комплекты черепаховидных фибул. Последние являлись обязательным атрибутом костюма скандинавской женщины IX-XI вв. /387, с. 120-121/. В одной из могил в бывшей усадьбе Трубецких был выявлен скелет в саркофаге, сделанном из кусков шиферных плит. При нем был обнаружен согнутый пополам клинок. Обычай порчи оружия прослежен в ряде скандинавских погребений и его можно смело признать присущим варягам в отличие от славян этого времени /101, с. 201, рис. 4; 422, p. 49, fig. 37; 179, с. 186/. Вероятно, погребение также принадлежало находившемуся на службе в Киеве варягу. Обряд порчи оружия прослежен и в восточнолитовских курганах конца I - начало II тыс. н.э. /100, с. 61, 64/, но нам ничего не известно о службе или переселении выходцев из этих земель на южнорусские земли.

В составе киевских некрополей известен ряд погребений с "не славянской" (т.е. не западной) ориентировкой. Еще Л.Нидерле отмечал, что захоронение умерших в северном направлении указывает на финский характер могил /216, с. 220/. Северо-южную ориентировку погребенных на территории южных областей Руси связывают с финскими переселенцами и советские исследователи /304, с. 103/. Письменные источники также свидетельствуют о пребывании финно-угров в Киеве в составе дружин русских князей.

С другой стороны, у восточных славян на юге Древнерусского государства существовали довольно тесные связи с кочевниками - сначала с печенегами и торками, а затем - с половцами. Первые группы кочевого населения, которые появились в южнорусских степях в 889 г., быстро вошли в контакты с русскими князьями /242, с. 79/. Уже в 944 г. они принимали участие в походе Игоря на Византию, а через не-

---

* Определение антрополога В.Д.Дяденко /457/.

** Парные погребения, в которых один из умерших зафиксирован в положении сидя, известны на некрополе Бирка, что объясняется его социальной зависимостью /420, с. 77; 99, с. 53/. На русском севере захоронения в положении сидя известны, но сочетания в парном погребении, чтобы один из умерших был в положении сидя - не встречается.

которое время кочевые контингенты полностью сменили норманнов на юге Руси [244, с. 33; 231, с. 25]. Какая-то часть кочевников осела среди славянского населения еще в ранний период существования Древнерусского государства, о чем упоминается и в летописи под 968 годом. Это эпизод, когда один отрок сумел обмануть кочевую рать, что стояла под стенами Киева, разговаривая с врагами по-печенежски [244, с. 47]. В погребениях кочевников зафиксирована ориентировка покойников на все стороны света [267, с. 10].

Поэтому в группе погребений с "не славянской" ориентировкой необходимо рассмотреть и инвентарь отдельных погребений для определения этнической принадлежности. Проанализировав находки в могилах этой группы, мы выделили погребения как финно-угров, так и кочевников.

К финно-угорским относятся погребения № 105, 87 и 9 (могильник на Старокиевской горе). Наличие в первом из них меча и отсутствие традиционных для кочевников сабли и костей коня или конской сбруи, позволяет отнести этого воина к представителям финно-угров. Северная ориентация может указывать на его связь с муромой, у которой все погребения с такой ориентировкой [18, с. 29]. Кстати, начало цикла былин об Илье Муромце Б.А.Рыбаков датирует 990 годами [279, с. 75]. На рубеже I-II тыс. н.э. славяне в значительной мере колонизировали Поволжье [318] и имели тесные связи с муромским населением, представители которого уже в это раннее время пребывали на юге Руси, в частности в Киеве.

Характеризуя погребение № 87, в котором в ногах умершего был найден деревянный ящичек, М.К.Каргер приводит ему аналог - погребение кочевника, раскопанное Е.А.Зноско-Боровским в с. Берестяги на Киевщине [132, с. 161]. Аналог, на наш взгляд, неудачный. Погребение в с. Берестяги было описано А.А.Спициным по слухам. Могила имела вид ямы с двумя ступеньками, которые шли по всему периметру. На дне ее лежали человеческий и конский скелеты, а на ступеньках размещался погребальный инвентарь, среди которого находился деревянный ящичек, и еще один скелет коня [327, с. 159-160]. Других подобных погребений в Поросье не обнаружено [241].

В инвентаре могил не только Поросья, но других районов, где изучались курганные древности кочевников, ящичков не было [369]. А вот на севере Руси, около Белоозера, в одном из погребений (№ 4) грунтового некрополя веси в ногах умершего была найдена шкатулка [228]. Учитывая, что погребение № 87 в Киеве ориентировано на юг, можно предположить принадлежность его представителю веси.

Погребение № 9, о котором известно из короткой информации в до-

революционной киевской прессе, следует также отнести к финно-угорским. В нем обнаружено ожерелье из мелких стеклянных бусин, между которыми были надеты ракушки. Украшения, гда стеклянные бусы чередуются с раковинами каури, очень часто встречаются в погребениях латгалов [210, с. 58]. В то же время ракушки каури имели значительное распространение у всех финно-угорских народов [303, с. 196]. У славян и кочевников они как украшения не были популярны. В погребении кроме ожерелья других вещей не найдено. Можно утверждать, что оно принадлежит женщине. Северо-восточная ориентировка дает возможность отнести это погребение к финно-угорским, а не балтским, у которых для женщин типичной является западная ориентировка [397].

Среди погребений с "не славянской" ориентировкой три (№ 106, 113, 118), вероятно, принадлежат кочевникам.

В погребении № 106 рядом с человеческим скелетом (сбоку) был обнаружен скелет коня. Кроме этого атрибута, зафиксированного в значительном числе могил кочевников, здесь найдена стрела и амфора - вещи, встречаемые на кочевнических памятниках [26, с. 437; 241; 369]. Наличие в погребении № 113 конской сбруи (удила и стремена) и выявление в одном кургане (№ 118) нескольких умерших также имеет аналоги в курганах кочевого населения.

Трудно определить этническую принадлежность умерших в погребениях № 83 и 123 (южная ориентировка) и в погребениях № 74-80 (юго-восточная ориентировка), в которых инвентарь или отсутствует, или он ничем не отличается от вещей типичных славянских могил.

Смешанный состав населения прослеживается и на других землях Среднего Поднепровья, в частности на Черниговщине. Здесь для периода IX-X вв. известны погребения с остатками трупосожжений на стороне и на месте захоронения. При этом в погребениях по обряду трупосожжения на месте прослеживается генетическая связь с погребениями по обряду трупосожжения на стороне: на многих кострищах кальцинированные кости собраны в урны, поставленные в центре, а в ряде случаев урны с частью косточек обнаружены в насыпях курганов, несколько выше кострищ. Прослеженное во многих курганах расположение остатков сожжения на стороне - в курганной насыпи сближает этот тип захоронений с погребальными памятниками роменской культуры. Но отличие в урнах (на Черниговщине - гончарные, восточнее - лепные) свидетельствует о ранних связях территории Черниговщины с Правобережьем [36, с. 40-41].

Датированные комплексы (табл. 3) подтверждают, что обряд трупосожжения на Левобережье Днепра господствовал как у сельского (могильник у с. Пересаж), так и у местного городского (Черниговские

курганы: Черная Могила, Гульбище, Безымянный) населения вплоть до официального введения христианства, когда его сменяют скромные, без инвентаря, трупоположения в ямах, над которыми насыпали небольшие курганы. С этого ряда совершенно выпадают обнаруженные на некоторых некрополях Черниговщины срубные гробницы X в. с остатками трупоположений, аналоги которым известны на правом берегу Днепра. Вполне логично предположить, что в них погребены переселенцы с Правобережья, как славяне, так и находящиеся на службе у киевских князей представители других народов (о чем уже говорилось выше).

Кроме захоронений в срубных гробницах на некоторых левобережных некрополях X в. (Любеч, Пересаж, Шестовица) обнаружены трупоположения на горизонте и в подкурганных ямах, что говорит о наличии части рядового правобережного славянского населения на Черниговщине уже на раннем этапе развития древнерусского государства. Антропологичные материалы Шестовицкого могильника, где найдены трупоположения в срубных гробницах и простых подкурганных могильных ямах, подтверждают гипотезу о переселенцах с Правобережья: показатели краниологической серии из этого некрополя соответствуют антропологическим материалам Киева /14, с. 74/.

Кроме славян на этой территории удается выявить погребения представителей других народов. В Чернигове на "Старом кладбище в Березках" в кургане № 17 (раскопки Д.И.Блифельда), где основное захоронение было разграблено, за пределами деревянной камеры, но в могильной яме, были обнаружены скелеты двух взнузданных лошадей и человеческий (вероятно, слуги). А в двух курганах Шестовицкого могильника (№ 36 и 93) скелеты коней находились на земляных уступах в ногах умерших*. Захоронение лошадей в специальных помещениях или на земляных уступах в ногах умерших известны в Скандинавии, в частности в Бирке /177, с. 181; 420, с. 76/. На юге Руси, кроме этих трех случаев, они неизвестны. Поэтому их можно признать скандинавскими. Варяжскими, вероятно, являются погребения № 58 и 83 Шестовицкого некрополя, где на кострищах обнаружены согнутые мечи, и погребения № 53, 60, 78, 69 того же могильника, где были найдены черепаховидные фибулы - характерная деталь скандинавского женского костюма.

Большинство современных советских исследователей признают обряд захоронения в ладье скандинавским /11, с. 76; 144, с. 233; 160, с. 22; 234, с. 46; 387, с. 119/. Поэтому погребения № 9 и 23 Шестовицкого и № 1 (раскопки Д.И.Блифельда) Табаевского некрополей, где

* Убитых лошадей в ногах умерших обнаруживают и в богатых славянских погребениях, но не в отдельных помещениях или на уступах. А в погребениях кочевников коня (или его части) укладывали сбоку от умершего.

обнаружены заклепки с ладьи (рис. 31), вероятно, также следует отнести к скандинавским. В одном из кенотафов Шестовицкого могильника (№ 33) кроме фрагментов заклепок обнаружены стеклянные фигурки и игральная кость - принадлежности для игры, занесенной из Скандинавии [150]. Можно предполагать, что данное меморативное сооружение насыпано в честь погибшего где-то норманна.

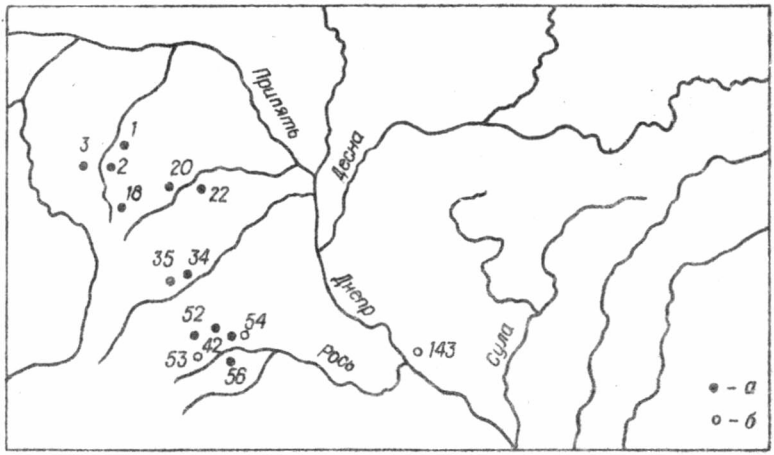
Курганы № 38 и 61 Шестовицкого могильника, где исследовано по несколько трупоположений, ориентированных в разные стороны, а среди инвентаря найдена сабля (более характерная в X в. для кочевников), вероятно, можно отнести к кочевническим древностям, курганы № 122 и 124 (с северной ориентировкой умерших) - к представителям финно-угров.

Сложнее определить этническую принадлежность погребенных в курганах № 42 и 110 того же, Шестовицкого, некрополя. Сидячее положение умерших, зафиксированное в этих погребениях, известно и в могильниках Скандинавии. Но такой же обряд прослежен и на севере Руси [307, рис. 33; 326, с. 7, 8, 37]. Поэтому мы можем только предполагать их северное происхождение.

На Правобережье Киевщины в ряде пунктов также зафиксированы могилы переселенцев с других территорий. Так, в большинстве курганов у с. Вита-Почтовая были обнаружены остатки трупоположений на уровне древнего горизонта. Оставить их могли переселенные в это место древляне или представители других восточнославянских племен, хоронившие на уровне древней поверхности. Не в могильных ямах, а в насыпи зафиксированы одно трупоположение у с. Зарубинцы и семь трупосожжений и трупоположений на древнем горизонте у с. Нежиловичи. Если в первом случае трудно определить принадлежность умершего, то наличие среди инвентаря погребений у с. Нежиловичи лунниц и семилучевых височных колец свидетельствует о том, что перед нами переселенцы из радимической земли. Этот факт отмечался и ранее [267, с. 12].

Разноэтнический состав прослеживается и на могильниках возле Киева - в Белгороде и Китаево, где кроме трупоположений в подкурганных и грунтовых ямах обнаружены трупосожжения на уровне древнего горизонта и на подсыпках. Эти погребальные памятники могли оставить в X - начале XI в. переселенцы из Левобережья или северных восточнославянских земель. Кроме того, в Белгороде раскопано трупосожжение в ладье*, а в Китаево было обнаружено несколько трупоположений в домовинах в виде лодок (возможно, в ладьях?) (рис. 31). Обряд, характерный для скандинавов, оставили, вероятно, представители последних.

* Интерпретация этого погребения как захоронения в ладье попрежнему остается спорной.



Наличие камней и дерева в насыпях курганов:
а - камни; б - дерево

Рис. 35

В одной из могил у с. Балько-Шучинка около пальцев ноги было расчищено кольцо из бронзовой проволоки. Случаи, когда кольца надевали на палец ноги, известны на северо-востоке Руси [213, с. 254]. Высказывалось предположение, что такой обычай характерен скорее для финно-угров, чем для славян [48, с. 7]. Возможно, что и погребенный у с. Балько-Шучинка также был переселенцем из тех земель.

Трудно определить этническую принадлежность погребенного головой на восток в одной из могил Вышгорода.

На территории Восточной Волыни в ряде погребений также прослеживаются "не древлянские" черты. Так, в некоторых могилах ряда некрополей зафиксирована ориентировка в восточном направлении (см. рис. 4). На этой же территории обнаружены камни в насыпях и каменные обкладки курганов (рис. 35). Характерность таких черт для балтских погребений, в частности ятвягов [305], территория которых находилась севернее, позволила В.В.Седову предположить, что эти погребения на древлянской территории оставлены дреговичско-ятвяжским населением [307, с. 81]. Его мнение подтверждает антропологический материал и распространение здесь балтских гидронимов [15, с. 119; 357, с. 223]. Возможно, наличие нескольких целых гончарных сосудов в отдельных погребениях на некрополях у Норинска, Ляжереня, Липлянщины, Россохи, Коростеня также связано с влиянием дреговичских традиций, для которых также характерна эта черта погребальной обрядности [227, с. 32].

Отметим трупоположение под курганной насыпью, исследованное у г. Коростеня. Погребенный, ориентированный головой на юг, был обложен камнями. Кроме того, камнями был выложен и круг под курганной насыпью, встречались они и в самой насыпи. Аналогичные погребения известны и в северных областях Руси /258, с. 67-68; 310, рис. 1, 3/. Вполне вероятно, что перед нами один из слуг княгини Ольги, которая в 946 г. мстила жителям Искоростеня за смерть своего мужа.

Наиболее смешанный состав населения прослеживается на пограничных рубежах Руси, где еще Владимир Святославич селил лучших мужей от кривичей, вятичей, словен, чуди /244, с. 83/. Археологические материалы не только подтверждают, но и дополняют письменные источники. На многих некрополях пограничных районов Правобережья и Левобережья обнаружены трупоположения в ямах, на горизонте, в насыпях курганов; встречались и трупосожжения, грунтовые некрополи (см. рис. 2, 3), что говорит о проживании здесь выходцев из разных территорий восточнославянского мира. Инвентарь ряда погребений и устройство могил дают возможность назвать более конкретно родину переселенцев.

Так, в некоторых женских погребениях могильников в селах Жовнино, Лепляво, Броварки, Млыны, Ницаха, Глинск были обнаружены серебряные и медные головные венчики. Наряду с ними выявлены характерные для северян спиралевидные височные кольца, что дает возможность отнести эти могилы к погребениям северян. В отдельных погребениях Жовнинского и Леплявского некрополей обнаружены погребения радимичей, чьи женщины предпочитали носить семилучевые височные кольца. А в погребении Жовнинского могильника и в кургане у с. Броварки были выявлены браслетовидные височные кольца - характерные украшения кривичских женщин.

Во многих погребениях на могильнике около с. Ницаха обнаружены браслеты, серьга с узловатыми бусами - украшения, наиболее характерные для северо-восточных областей Руси /204, с. 702; 324, с. 56/, откуда, вероятно, переселенцы были родом. На эти же земли указывают и находки колец на пальцах ног в двух погребениях у с. Ницаха и, возможно, в двух погребениях у с. Заречное (кольца найдены у ступней) (рис. 31). Этот обычай, как уже отмечалось, встречается на территории Волго-Окского междуречья. В трех погребениях Жовнинского некрополя умершие были ориентированы в восточном направлении, а еще в двух могилах детские погребения ориентированы головами в разные стороны (запад - восток). Из летописи известно о переселении в 1116 г. в г. Желни переяславским князем Ярополком жителей Друцка, что в Белоруссии /244, с. 201/. Учитывая то, что в формировании белорусской народности принимали участие и балты, мы можем предположи-

тельно отнести названные погребения к захоронениям последних, которые вместе со славянами были переселены на юг. Тогда становится объяснимым и положение "валетом" в двух детских погребениях - у балтов мужчины и женщины (разнополость детей можно предположить и в данном случае) укладывались в погребениях головами в разные стороны [397].

На территории Поросья в ряде грунтовых могил около с. Николаевка обнаружены S-видные височные кольца, которые часто встречаются в западных областях Руси и в западнославянских землях [170, с. 131; 342, с. 6]. А на соседнем поселении, жители которого хоронили умерших на некрополе, было найдено много фрагментов керамики, отличающейся от древнерусской посуды Поднепровья. Аналоги такой керамике находят также в западных областях древнерусской территории [448, с. 52]. Находки украшений на одном пункте с керамикой указывают на то, что перед нами, возможно, археологическое подтверждение летописного сообщения 1031 г. о переселении части населения "Червенских градов" Ярославом Мудрым на Рось [244, с. 101].

Небезынтересно и грунтовое захоронение у с. Буки Сквирского района, где было найдено подплитовое погребение женщины и ребенка. Такие погребения наиболее характерны для территории Галицкой земли и Верхнего Поднестровья [256, с. 175]. По словам местных жителей, на поле и раньше находили каменные плиты, что говорит о возможном расположении здесь целого некрополя, оставленного переселенцами с запада Руси.

На юге Руси известны и курганные древности средневековых кочевников, которые в средине XII в. создали союз Черных Клобуков, верховным сюзереном которого являлся киевский князь. Основные группы кочевников - это печенеги, имевшие земли по р. Росаве, торки и берендеи, владевшие кочевьями на запад и юго-запад от печенежских станов. Кроме этих групп известны, но намного в меньшем количестве, курганные древности половцев [241, с. 25]. По мнению С.А.Плетневой и Г.А.Федорова-Давыдова, погребальному обряду половцев были присущи такие признаки, как насыпь из земли и камней, восточная ориентация умерших, захоронение целого остова коня рядом с человеком, отдельная яма для коня. Для торков характерными были насыпь из земли, западная ориентировка погребенных, захоронение частей коня рядом с человеком, перекрытия из деревянных плах над могилами и прочие дополнения к могиле - приступки, плечики, подсыпки. Печенежский погребальный обряд содержал много общих черт с торкским (насыпь из земли, западная ориентация, захоронение частей коня рядом с человеком), в то же время отличаясь от последних наличием большого числа впускных

погребений и захоронением одних частей коня без человека [24], с. 20]. Различия во взглядах отдельных исследователей сводятся к отнесению удил без перегиба к признакам печенежского погребального обряда (С.А.Плетнева) и отрицанию этого (Г.А.Федоров-Давыдов). Приведенные сведения касаются Правобережья Днепра, в основном Поросья. На Левобережье захоронения кочевников известны гораздо меньше, хотя они проживали и там [18; 35], с. 7; 40], рис. 5]. К середине XII в., во времена формирования союза Черных Клобуков и наиболее активного слияния разных скотоводческих племен, появились некрополи, материалы которых свидетельствуют о жизни представителей разных племен в одном месте (захоронение умерших на одном могильнике) и о смешении черт погребальных обрядов разных племен [24], с. 22].

Кочевники и славяне, проживая на одной территории, несомненно, контактировали между собой. Во многих погребениях кочевников находят продукцию древнерусских ремесленников (оружие, украшения, посуду), что подтверждает торговые связи между ними [20]. В ряде пунктов, таких, как Емчиха, Зеленки, Карапыши, Росава, Ромашки, Степанцы, Пешки, курганы кочевников и славян находились недалеко друг от друга или на общих некрополях. Это говорит о совместном проживании, или, по крайней мере, о мирном соседстве представителей разных этносов. Характерным является славяно-кочевнический некрополь в уроч. Вареников Яр около с. Зеленки [26], табл. 1].

Взаимовлияние прослеживается и в погребальном обряде. Так, возможно, обычай хоронить умершего без захоронения коня или его частей, у кочевников появился под влиянием славян. Высказывается мнение, что некоторые погребения, которые относят к кочевническим, возможно, являются славянскими. Это погребение с саблями, но без захоронения коня или его частей в с. Степанцы, а также погребения со славянскими горшками или пряслицами (Емчиха, Беркозовка, Зеленки) [24], с. 28]. Наличие в погребальном обряде славянских и кочевнических черт отображает, очевидно, процесс ославянивания кочевников. Примером взаимоотношений кочевников и славян может быть и некрополь на городище у с. Шарки, которое Б.А.Рыбаков отождествляет со столицей Черных Клобуков - городом Торческ [28], с. 24]. По инвентарю грунтовых захоронений этого некрополя только одно погребение (с удилами) можно предположительно отнести к кочевническим. Кочевники, видимо, хоронили покойников-язычников около городища (раскопан один курган). А принявшие христианство были погребены вместе со славянами на одном кладбище.

По некоторым древнерусским погребениям прослеживается влияние кочевников на погребальный обряд славян. Ярким примером является

раскопанное под Таганчей погребение [237, с. 186]. Предполагается, что восточная ориентировка (см. рис. 4) ряда погребенных в южных районах Руси (возможно, кроме Жовнинского некрополя, о котором говорилось выше) обусловлена славяно-половецкой метисацией [307, с. 132]. Влиянием кочевников объясняется и наличие камней и каменных обкладок в ряде курганов Поросья (рис. 35) [267, с. 10; 386, с. 24]. Трудно объяснить наличие дерева в ряде курганных насыпей древнерусского юга (рис. 35). По нашему мнению, влиянием кочевников объясняется наличие в одной славянской могиле трех и более умерших, которые в большинстве встречаются в тех районах, где жили кочевники (по археологическим данным) или могли жить. Но постепенно славяне ассимилировали кочевническое население. Последние не оставили следа на современной этнической карте Украины [212].

В заключение отметим, что материалы погребальных памятников IX-XIII вв. на территории Среднего Поднепровья свидетельствуют о преобладании среди населения местных элементов. В то же время целый ряд фактов, рассмотренных выше, еще раз подтверждает высказывание Ф.Энгельса о том, что в государстве "...гражданам предоставили осуществлять свои общественные права и обязанности там, где они поселялись безотносительно роду и племени" [3, с. 107]. Материалы погребальных памятников IX-XIII вв. указывают на переселение в Среднее Поднепровье жителей других территорий Восточной Европы не только на ранних этапах истории Древней Руси, но и в XII в. (Яблоновка Белоцерковского р-на, Буки Сквирского р-на, Ницаха, Жовнино). Появление разноэтнических групп среди коренного населения Среднего Поднепровья было связано с ликвидацией остатков родоплеменной структуры восточнославянского общества, существованием единого государства и государственными мероприятиями, направленными, прежде всего, на укрепление пограничных рубежей Руси. Немаловажную роль сыграло развитие ремесла и торговли.

Большинство переселенцев на юге Руси были выходцами из более северных областей. Но часть захоронений дает сведения об определенных перемещениях групп людей и в широтном направлении. Это подтверждается сообщениями "Повести временных лет" о раздаче Ольгой в 946 г. пленных древлян своим подданным и о переселении в 1031 г. на Рось Ярославом Мудрым жителей Червенских градов. Кроме того, часть феодалов (естественно, со своим окружением) продолжала служить тому или иному князю, следуя за ним от одного стола к другому [302, с. 234] и, конечно, часто умершего приходилось хоронить далеко от мест его рождения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ материалов погребальных памятников населения Среднего Поднепровья IX-XIII вв. подтверждает мнение о значении данных погребального обряда для изучения этнических, культурно-исторических, социальных вопросов и позволяет сделать ряд выводов.

В первую очередь следует отметить, что большое число некрополей в районах Киева, Чернигова - Любеча, Коростеня - Овруча и в Поросье говорит о наиболее высокой плотности населения в этих частях Среднего Поднепровья. А отсутствие погребальных памятников в низовьях рек Уж, Тетерев и на части Левобережья можно объяснить малопригодностью для сельскохозяйственных занятий древнорусского населения торфяно-болотных и солончаковых почв этих районов /174, карта грунтів Української РСР/. Необходимо учитывать и недостаточность археологического изучения данной местности. Последние небольшие разведывательные работы по р. Уж и Тетерев все же дают некоторые материалы, свидетельствующие о населенных пунктах древнерусского времени в этом районе.

Размеры могильников, в первую очередь городских, говорят о значительном числе жителей многих населенных пунктов Среднего Поднепровья (Киев, Чернигов, Переяслав, Ягнятин, Шестовица, Жовнино, Липовое, Быково, Буки, Житомир) /267, табл. 6/. На данном этапе исследования невозможно определить более или менее точное число проживавших в конкретном районе или в отдельном населенном пункте рассматриваемой территории. По нашему мнению, решение этого вопроса перспективно только в случае комплексного использования материалов всех основных категорий археологических памятников. При картографировании исследованных могильников выяснилось, что они, в большинстве случаев, находятся на берегах рек, ручьев, озер недалеко от населенных пунктов (на расстоянии до 1 км). Курганы на некрополях Среднего Поднепровья размещены очень кучно, высота многих из них 1-1,5 м. Для большинства славянских погребений наиболее характерными являются: западная ориентация умерших, вытянутые на спине одиночные захоронения, немногочисленность сопровождающего инвентаря. Грунтовые христианские захоронения совершены на небольшой глубине, ориентированы также в западном направлении, инвентарь в подавляющем большинстве случаев отсутствует.

Развитие производительных сил во второй половине I тыс. н.э. привело к окончательному разложению первобытнообщинного строя и возникновению государства у восточных славян. В это время завершился

переход от родовой общины к территориальной. Малая семья становится хозяйственной единицей общества. Эти процессы отразились и на погребальном обряде - трупоположение сменилось трупосожжением. Определенную роль в замене кремации ингумацией (сначала на киевском правобережье, а затем и в левобережных районах) сыграло проникновение христианской религии.

Изменение погребального обряда в разных частях восточнославянского мира также происходило неравномерно. На южных землях смена обряда трупосожжения обрядом трупоположения произошла в конце I тыс. н.э. [267, с. 24; 339, с. 57], а в более северных районах - в XI в. [85, с. 21; 93, с. 192; 100, с. 111; 307, с. 115]. Такая разновременность была вызвана более быстрыми темпами экономического развития южнорусских земель [360, с. 24], в частности Среднего Поднепровья, и, вследствие этого, некоторым опережением развития погребальной обрядности у населения этого района по отношению к населению других, более северных территорий. Необходимо помнить и о негативном влиянии Хазарского каганата в конце I тыс. н.э. на восточные районы, заселенные славянами [77, с. 40].

Но и в северных землях восточнославянской территории на рубеже I и II тысячелетий н.э. происходило быстрое разложение первобытнообщинного строя и укрепление нового, феодального, что подтверждают материалы таких могильников, как Гнездовский и Новоселковский на Днепре, Михайловский, Тимереевский и Петровский на Волге [10; 61; 393; 415].

Изменение обрядности в разных районах Среднего Поднепровья также проходило неодинаково. Об этом свидетельствует разновременный переход от трупосожжения к трупоположению на Киевщине, в Восточной Волыни, на Черниговщине. Наиболее быстрыми темпами развитие погребальной обрядности происходило в районе Киева - факт, указывающий на то, что процесс общественного развития у населения этой территории несколько опережал развитие общества в других частях Среднего Поднепровья.

В целом же на восточнославянских землях погребельный обряд прошел следующие стадии развития: 1) трупосожжение на стороне; 2) трупосожжение на месте; 3) трупоположение. В переходные периоды на одном и том же некрополе могли определенное время, по мнению В.В.Седова, 50-80 лет, сосуществовать два разных обряда погребения [307, с. 115]. В большинстве районов обряд трупоположения, что отметил еще А.А.Спицын, прошел развитие от трупоположения на уровне древнего горизонта (или в насыпи) к трупоположению в подкурганной яме

/328, с. 320/. Вероятнее всего, появление захоронений в подкурганных ямах следует связывать с влиянием христианской религии*.

Из всего южнорусского региона выделяются земли Киевщины и Западной Волыни, где хоронить в подкурганных ямах начали еще в конце I тыс. н.э. /83; 132; 340/. В первом случае, появление этого обряда можно объяснить влиянием византийского христианства. По-видимому, и в Западной Волыни, где А.Н.Насонов также предполагал раннее разложение первобытнообщинного строя /211, с. 130, 143/, использовался обряд захоронения в подкурганных ямах под влиянием христианства, которое могло распространиться на эти земли с территории Великой Моравии и Древнечешского государства /153, с. 20-21/**. Обряд погребения в подкурганных ямах на территории отдельных протогосударственных образований в конце I тыс. н.э. некоторые исследователи считают этнографическим признаком.

Мы не можем согласиться с мнением, что трупоположения в подкурганных ямах, появившиеся на обширных пространствах Восточной Европы в первые века II тыс. н.э., - результат переселения полян на северные земли /341, с. 127/. Допуская проживание там по разным причинам выходцев из Среднего Поднепровья, необходимо учитывать многочисленность населения южнорусских земель на протяжении всей древнерусской истории и то, что на этих землях постоянно поселялись (а не выселялись) выходцы из других территорий. Это было связано с экономическим, политическим и военным положением рассматриваемых земель. Подтверждением тому являются сообщения летописей о переселении на юг жителей северных земель, остатки многочисленных городищ, появившихся в XII в. /26, с. 266-295/. Да и число погребений, которые можно датировать XI-XII вв., значительно превышает количество погребальных памятников IX-X вв., что говорит о росте населения. Более того, даже после такого бедствия, как нашествие орд Батыя, только часть населения покинула южнорусские земли /33/.

Христианские некрополи конца X-XIII в. ряда древнерусских городов (Киев, Чернигов, Воинь, Юрьев, Торчин), некоторых укрепленных

---

* Некоторые восточнославянские племена, занимавшие южные области Восточной Европы (уличи, тиверцы, хорваты), вообще не насыпали курганов, а хоронили умерших на грунтовых некрополях. Изучение этих древностей, не входящих в рассматриваемый регион - тема отдельной работы.

** Такое предположение, конечно, пока является только гипотезой. Необходимо всесторонне проанализировать материалы погребальных памятников этой территории. Здесь же следует отметить несостоятельность суждений некоторых исследователей, которые в деталях исторических событий рубежа I-II тыс. н.э. пытаются усмотреть абсолютные аналогии некоторым акциям церкви в XVI-XVII вв. /379а, с. 33/.

и неукрепленных поселений (Миклашевский, Жовнино, Денисы, Козаровичи, Корковка, Махаринцы) говорят о постепенной победе религии классового общества над язычеством, хотя пережитки последнего сохраняются в погребальном обряде населения Среднего Поднепровья вплоть до XIII в.

Материалы погребальных памятников позволяют судить о социальном составе древнерусского населения. Отметим, что социальные признаки в погребальном обряде древнерусского классового общества (размеры погребальных сооружений, наличие деревянных конструкций - камер, а также дорогих вещей в погребальном инвентаре, оружия, украшений, некоторые элементы костюма, сопровождение погребенного рабынями, лошадьми; после введения христианства большое значение имело местозахоронения и тип погребальной домовины) - наиболее поздняя черта в развитии погребальной обрядности восточных славян времен сложения государственности. Признаки эти появились только тогда, когда социальная дифференциация общества нашла свое отражение в идеологических воззрениях того времени.

Данные о погребениях на территории Среднего Поднепровья дают возможность говорить о формировании идеологии классового общества в ранний период Древней Руси. В это же время начинается иерархическое деление класса феодалов, зарождаются сословия, что нашло отражение в погребальном обряде X в.

Среди погребений IX-XIII вв. известны захоронения князей, церковнослужителей. Различия в так называемых дружинных погребениях, позволяющие разделить их на четыре группы (погребения воина, погребения воина с конем, погребения воина с женщиной, погребения воина с женщиной и конем), отражают в определенной степени реальную иерархию господствующего класса древнерусского общества. Кроме того, известны захоронения купцов, ремесленников. Скорченные погребения, возможно, принадлежат языческим волхвам. Рядовое население хоронило умерших в простых могилах, количество которых на всех некрополях преобладает. Захоронения с оружием вдали от городов и крепостей свидетельствуют о постепенном оседании дружинников в сельской местности, а находки на сельских могильниках некоторых предметов, характерных для городской культуры - о начале разложения общинных масс, формирования среди них каких-то прослоек и определенное развитие связей города с деревней.

Выделив характерные черты, присущие для большинства погребений того или иного района Среднего Поднепровья (т.е. для захоронений представителей местного населения) и найдя среди погребальных памят-

ников других земель аналоги погребениям, нетипичным для данной местности (в определенное время), удалось установить этнический состав населения среднеднепровских областей.

По материалам погребальных памятников раннего периода истории Руси наблюдается взаимное проникновение населения одних областей на земли других летописных племен. Кроме того, на территорию Среднего Поднепровья переселились выходцы из других славянских (и не славянских) земель. Наибольшее количество из не славянского населения составляли кочевники, селившиеся, в основном, на южных границах Древнерусского государства. Погребения выходцев из Скандинавии, которым многие западные исследователи продолжают приписывать роль создателей государства у восточных славян, немногочисленны. В крупнейших городах (Киев, Чернигов) захоронений варягов очень мало. Видимо, основная масса норманн, служивших в княжеских дружинах, находилась вне крупных центров. Это подтверждают варяжские погребения на могильниках у Шестовицы, Табаевки, возможно, Китаева и Белгородки.

Необходимо отметить, что наиболее смешанный состав населения прослеживается в городах (в первую очередь в Киеве) - центрах ремесла и торговли /344, с. 52/. Здесь же находилось и разноэтничное княжеское окружение. Разноэтничными были также гарнизоны крепостей, дружинных лагерей, большинства населенных пунктов, находящихся в пограничных районах древнерусского государства (Жовнино, Ницаха, Броварки, Лепляво, Яблоновка, Зеленки, Буки). Но погребения переселенцев известны и в центральных районах Среднего Поднепровья (Вита-Почтовая, Нежиловичи, Шестовица).

Присутствие разноэтничных групп среди местного населения указывает на интенсивные этнические процессы, происходившие в IX-XIII вв. в этом районе Древней Руси. Население Среднего Поднепровья не только в начальный период древнерусской истории, но и во времена феодальной раздробленности находилось в центре общерусских событий и принимало непосредственное участие в консолидации древнерусской народности /355, с. 199/.

Следует обратить внимание и на то, что археологические памятники более раннего времени (второй половины I тыс. н.э.) отмечают разноплеменной состав полянского союза еще в период военной демократии.

Таким образом, сведения, полученные при анализе материалов погребальных памятников IX-XIII вв. на территории Среднего Поднепровья, характеризуют население этой части Древнерусского государства как население государства феодального, в котором происходили процессы, присущие аналогичным политическим организациям средневековых обществ.

Сопоставляя данные погребальных памятников IX-XIII вв. с материалами погребальных памятников более раннего и более позднего времени на территории Среднего Поднепровья, необходимо отметить специфичность этого этапа в развитии погребального обряда восточных славян, когда появляются новые черты, совершенно не свойственные погребениям периода родового строя. С введением христианской религии некоторые пережитки язычества еще сохраняются. Поэтому можно говорить, что в погребальном обряде восточных славян в целом погребальный обряд IX-XIII вв. занимал промежуточную ступень от языческого к классическому христианскому. Специфичность данного этапа объясняется тем, что изменения и формирование новых черт погребальной обрядности приходятся на наиболее бурный период социально-экономического и исторического развития восточных славян - период окончательного разложения первобытнообщинного и становления классового общества.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

Курганные

Номер по рис.2	Местонахождение	Всего курганов	Кол-во исследованных курганов	Трупопо		
				Всего	На горизонте в насыпи	В яме
1	2	3	4	5	6	7
						Междуречье
1	Тепеница, Олевский р-н, Жт	26	6	10	6	4
2	Олевск, Жт	15	8	11	11	
3	Лопатичи, Олевский р-н, Жт	7	2	2		2
4	Зубковичи, Олевский р-н, Жт	24	7	8		8
5	Хлупляны, Овручский р-н, Жт	12	1	1		
6	Норинск, Овручский р-н, Жт	155	5	5	5	
7	Хайча, Овручский р-н, Жт	14	1	1	1	
8	Довгиничи, Овручский р-н, Жт	9	1	1		1
9	Речица, Овручский р-н, Жт	100	24	23	18	5
10	Овруч, Жт		2	2	2	
11	Норинцы, Народичский р-н	100	5	6	6	
12	Яжберень, Народичский р-н, Жт		3	4	2	2
13	Липлянщина, Народичский р-н, Жт		6	6	6	
14	Селец, Народичский р-н, Жт		4	3		3
15	Россохи, Народичский р-н, Жт	46	3	4	4	4
16	Глумча Малая, Емильчицкий р-н, Жт	100	2	2	2	
17	Подлубы, Емильчинский р-н, Жт	29	5	3	3	
18	Андреевичи, Емильчинский р-н, Жт	свыше 30	11	10	8	2
19	Бараши, Емильчинский р-н, Жт	13	1	1	1	
20	Коростень, Жт	300	35	34	33	1
						Междуречье Случи,
21	Межиречка, Коростеньский р-н, Жт	12	3			
22	Барды, Коростеньский р-н, Жт		121	121	1	

-XIII вв. НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ

могильники

ложение		Трупосожжение				Кено-тафы	Тип захо-ронения не из-вестен	Источник публикации
Инвентарь		На сто-роне	На мес-те	Инвентарь				
кол-во погре-бений	дати-ровка			кол-во погре-бений	дати-ровка			
8	9	10	11	12	13	14	15	16
Уборти и Ужа								
	X-XII							417, с.183-185
4	XI-XIII							24, с.23; 417, с.186-190
1	IX-XIII							417, с.182-183
	XI-XIII							417, с.176-180
								24, с.22
4	X-XII							400, с.165-166;
								447, с.39-44
1	XI-XIII							64, с.151-153
								64, с.151-153
9	X-XII		1					416, с.97-117
2	X-XI							67; 438
5	X-XIII							400, с.161-165
2	XI-XIII							447, с.31-37
5	IX-XIII							447, с.8-16
1	IX-XIII					3		169
2	IX-XIII							447, с.24-30
2	IX-XIII							24, с.25
3	IX-XIII					2		34, с.25; 417, с.175
6	XI-XII		1	1	IX-X			373; 418
1	XI-XII							400, с.155-156
21	X-XIII		2	2	IX-X	4		24, с.13; 67; 255, с.73-75; 294, с.194-195, 197-199; 400, с. 156-158; 438; 447, с.6-8
Ужа, и Тетерева								
			3	3	IX-X			266, с.72; 270, с.39
неск.	XI							381, с.138-139; 462, с.7-9

I	2	3	4	5	6	7
23	Берестовец, Коростеньский р-н, Жт	свыше 40	свыше 6	свыше 6	свыше 4	2
24	Веселовка, Коростеньский р-н, Жт		1	1	1	
25	Ковали, Коростеньский р-н, Жт		1			
26	Головки, Малинский р-н, Жт	200	7	8	7	1
27	Городище, Малинский р-н, Жт	5	3	3	1	2
28	Горбаша Большая, Новоград-Волынский р-н, Жт	14	2	1		
29	Мирополь, Дзержинский р-н, Жт		20	20	19	1
30	Слепчицы, Черняховский р-н, Жт	85	14	21	3	18
31	Буки, Житомирский р-н, Жт	20	9	9		9
32	Дениши, Житомирский р-н, Жт	24	3	I	I	
33	Житомир	500	77	78	78	
34	Стрижовка, Коростышевский р-н, Жт	70	37	39	4	35
35	Студеница, Коростышевский р-н, Жт	30	15	21	1	20
36	Коростышев, Жт	21	10	10	1	9
37	Городск, Коростеньский р-н, Жт	50	12	12	3	9
					Междуречье Те	
38	Онишполь, Коростышевский р-н, Жт	58	11	10	2	8
39	Ленино, Радомышльский р-н, Жт	26	8	11		11
40	Нежиловичи, Макаровский р-н, Кв	14	9	4	4	
41	Старая Котельня, Андрушевский р-н, Жт	22	5	6	2	4
42	Быково, Попельнянский р-н, Жт	900	58	47	23	24
					Междуречье Ир	
43	Вышгород, Киево-Святошинский р-н, Кв	100	8	10		10
44	Белгородка, Киево-Святошинский р-н, Кв		2			
45	Совки (окрестности Киева)		9	9		9
46	Жуляны, Киево-Святошинский р-н, Кв		3	3		3
47	Киев					
	р-н Старокиевской горы		свыше 120	свыше 110	неск.	свыше 110
	р-н Кирилловской ул. и Юрковицы		свыше 15	свыше 10	неск.	свыше 10
	р-н за р. Лыбедь	60	12	12		12

Продолжение таблицы

8	9	10	11	12	13	14	15	16
3	X-XII					1		24, с.15; 400, с.158-161
1	XI-XII							400, с.155
			1	1	IX-X			400, с.154-155
4	X-XIII							23, с.8; 255, с.76-77
3	IX-XIII							23, с.8; 134, с.157; 255, с.75
			1					270, с.41
13	X-XII					2		75, с.355-403; 171; 461
8	XI-XIII							73, с.97-113
6	XI-XII							268; 460; 461
1	IX-XIII		2	2	IX-X			446
59	X-XII					1		72; 255, с.67-78
10	XI-XIII		1			2		23, с.11; 255, с.51-54
5	IX-XIII							74, с.35-95
7	XI-XIII							23, с.11; 255, с.56-57
1	IX-XIII							255, с.59-60
терева и Ирпеня								
3	IX-XIII					1		23, с.14; 255, с.47-49
1	IX-XIII							23, с.12; 255, с.62-63
4	XI		3					410
3	XI-XII					1		255, с.64-65
26	X-XIII		3	1				255, с.38-42
пеня, Днепра и Стугны								
1	IX-XIII							23, с.18; 111, с.67, 90-91
			2	2	X			199; 201; 202
1	XI							293
1	IX-XIII							267, с.33
свыше 66	IX-X		8	8	IX-X	1	1	83; 132, с.127-230; 137, с.9, 19; 138; 191; 192, с.99; 349, с.60-64, 69-73; 354, с.7-9; 380; 465; 469, с.250-308
свыше 10	IX-X		неск.	неск.	IX-X			

1	2	3	4	5	6	7
48	Вита-Почтовая, Киево-Святошинский р-н, Кв		16	11	11	
49	Китаев (окрестности Киева)	свыше 410	свыше 30	свыше 20		свыше 20
50	Старые Безрадичи, Обуховский р-н, Кв		2	2		2
51	Триполье, Обуховский р-н, Кв	300	3	3		3
					Верхнее те	
52	Вчерайше, Ружинский р-н, Жт	280	20	26	1	25
53	Ягнятин, Ружинский р-н, Жт	1000	16	16	1	15
54	Буки, Сквирский р-н, Кв	950	33	39		39
55	Шамраевка, Сквирский р-н, Кв	15	7	7		
56	Глубочка, Белоцерковский р-н, Кв		1	1		1
57	Малая Сквирка, Белоцерковский р-н, Кв	104	4	4		4
58	Яблоновка, Белоцерковский р-н, Кв	150	14	12	12	
				Междуречье Стуг		
59	Трилесы, Фастовский р-н, Кв[x]		1	1		
60	Дрозды, Белоцерковский р-н, Кв	29	4	4		
61	Великая Ольшанка, Васильковский р-н, Кв	свыше 70	1	1		
62	Красная Слободка, Обуховский р-н, Кв	42	2	2		
63	Халепье, Обуховский р-н, Кв	100	2	1		
64	Красное, Белоцерковский р-н, Кв[x]		1	1		
65	Мировка, Кагарлыцкий р-н, Кв[x]		2	2	2	
66	Черняхов, Кагарлыцкий р-н, Кв[x]		1	1		
67	Стайки, Кагарлыцкий р-н, Кв	30	2	4		4
68	Гороховатка, Кагарлыцкий Кв[x]		2	3	3	
69	Драчей, Каневский р-н, Чрк[x]		неск.			
70	Кагарлык, Кв[x]		6	6	6	
71	Халча, Кагарлыцкий р-н, Кв		6	9		9
72	Балыко-Щучинка, Кагарлыцкий р-н, Кв[xx]	13	6	8		8
73	Краснополка, Кагарлыцкий р-н, Кв[x]		9	12	8	4
74	Бурты, Кагарлыцкий р-н, Кв[x]		12	18	11	7
75	Жовтневое, Кагарлыцкий р-н, Кв	8	2	2		2
76	Вороновка, Кагарлыцкий р-н, Кв[x]		1			

8	9	10	11	12	13	14	15	16
3	XI-XII					5		25, с.25-26; 459, с.11-12
свыше 10	X-XI		свыше 4	свыше 4	X	1		165; 207
								248, с.111-112
								296, с.226
чение Роси								
7	XI-XII							23, с.59; 255, с.34-35
6	XI-XII					1		23, с.59; 255, с.30-34
16	XI-XIII							255, с.25-30 23, с.52
1	XI-XIII							223, с.60
3	IX-XIII							23, с.63; 54, с.124
12	XI-XII		1			2		442
ны, Днепра и Роси								
1	XII-XIII							381, с.107
								23, с.46
1	IX-XIII							23, с.45
1	XII-XIII							23, с.26
1	IX-XIII		1					23, с.25; 134, с.91 369, с.261
	XII-XIII							475, с.7-12
1								369, с.261
3	XI-XII							467
3	X-XIII							54, с.84
	XI-XIII							369, с.260
6	XII-XIII							54, с.4-16
6	XI-XII							54, с.59-61
5	IX-XIII							54, с.57-58; 441, с.79
11	X-XIII							54, с.39-48
14	X-XIII							54, с.67-79
2	XI							54, с.82
1								369, с.261

1	2	3	4	5	6	7
77	Кадомка, Кагарлыцкий р-н, Кв[x]		6	6	6	
78	Цозаровка, Кагарлыцкий р-н, Кв[x]		2	3	3	
79	Яблоновка, Кагарлыцкий р-н, Кв[x]		1	1	1	
80	Зарубинцы, Каневский р-н, Чрк		5	5	1	4
81	Бересняги, Каневский р-н, Чрк[x]		неск.			
82	Чепилиевка, Белоцерковский р-н, Кв		1	1		
83	Ромашки, Мироновский р-н, Кв[xx]		свыше 5	свыше 8	свыше 8	
84	Липовец, Кагарлыцкий р-н, Кв[x]		14	15	15	
85	Иосиповка, Рокитнянский р-н, Кв[x]		2	4	4	
86	Салов, Мироновский р-н, Кв[x]		1	1		
87	Шарки, Рокитнянский р-н, Кв[x]		1	1		
88	Никольское, Каневский р-н, Чрк[x]		1			
89	Зеленки, Мироновский р-н, Кв[xx]		свыше 40	свыше 40	5	34
90	Поток, Мироновский р-н, Кв[*]		7	8	8	
91	Шандра, Мироновский р-н, Кв[*]		2	1	1	1
92	Росава, Мироновский р-н, Кв[*]		49	50	3	47
93	Козин, Мироновский р-н, Кв	5	2			
94	Коротище, Мироновский р-н, Кв	4	1			
95	Забара, Кв[*]		3	3	2	1
96	Карапыши, Мироновский р-н, Кв[*]		3	3	1	2
97	Мироновка, Кв[*]		2	2	2	
98	Емчиха, Мироновский р-н, Кв		7	9	4	5
99	Степанцы, Каневский р-н, Чрк[**]	25	3	3		3
100	Бабичи, Каневский р-н, Чрк[*]		1	1		
101	Саварка, Богуславский р-н, Чрк		1	1		
102	Пешки, Корсунь-Шевченковский р-н,		3	4		4
103	Беркозовка, Каневский р-н, Чрк[*]		2	3		
104	Таганча, Каневский р-н, Чрк[*] (бродник?)		1 1	1		
105	Ковали, Каневский р-н, Чрк[*]		1	1	1	
106	Канев, Чрк		2	2		2

Продолжение таблицы

8	9	10	11	12	13	14	15	16
6	XII-XIII							54, с.102; 381, с.102
3	XII							54, с.64
1	XII							296, с.237
5	IX-XIII							375, с.183; 458, с.23
	IX-XIУ							369, с.260
1	XII-XIII							23, с.51
неск.	IX-XIII							218, с.42-43; 374, с.118; 375, с.181-182
7	X-XII							54, с.79
3	XI-XII							54, с.61
1	XII							369, с.261 23, с.52
								369, с.261
39	X-XIII							54, с.20-37
7	X-XII							54, с.109-114
2	X-XI							54, с.109-114; 237, с.153
свыше 20	XI-XIII							241, с.29-31; 296, с.222-225
	XI-XII						2	23, с.86; 134, с.104
	XII-XIII						1	23, с.84
3	X-XI							54, с.51-53
3								54, с.105-106
	XII-XIII							23, с.92
6	XI-XIII							54, с.90-93
3	XI-XII							54, с.2-3
1	XII-XIII							369, с.260
1	XI							сообщение Н.М.Кравченко
3	XII-XIII							54, с.87, 89
3	XII-XIII							54, с.100-101
1	XII-XIII							381, с.118-123
1	XII-XIII							54, с.106-109
2	IX-XIII							135, с.98

1	2	3	4	5	6	7
				Междуречье Днепра,		
107	Любеч, Репкинский р-н, Чрк		34	3	1	2
108	Галков, Репкинский р-н, Чрк		1			
109	Воробьев, Репкинский р-н, Чрк	19	1			
110	Мохначи, Репкинский р-н, Чрк	10	2			
111	Голубовка, Репкинский р-н, Чрк	9	3			
112	Звеничев, Репкинский р-н, Чрк	20	6			
113	Сибереж, Репкинский р-н, Чрг	100	2			
114	Великий Листвен, Городнянский р-н, Чрг		1	1		1
115	Седнев, Черниговский р-н, Чрг	200	72	16		16
116	Пересаж, Репкинский р-н, Чрг	136	44	1		1
117	Чернигов	500				
	У "Окольного града"		3			
	"Старое кладбище в Березках"		16	3		3
	группы Стрижневская и на Халявинской дороге		12	12		12
	группа на Болдиных горах		119	117		117
118	Табаевка, Черниговский р-н, Чрг	93	9			
119	Новый Белоус, Черниговский р-н, Чрг	12	3			
120	Кошевка, Черниговский р-н, Чрг	8	1	1		1
121	Гущин, Черниговский р-н, Чрг	120	11	11		11
122	Шестовица, Черниговский р-н, Чрг		147	64	1	63
123	Моровск, Козелецкий р-н, Чрг		1			
						Междуречье
124	Мишкин, Щорсовский р-н, Чрг	100	12	12		12
125	Пушкари, Новгород-Северский р-н, Чрг		2			
126	Лариновка, Новгород-Северский р-н, Чрг	32	19	18		18
127	Форостовичи, Новгород-Северский р-н, Чрг		4	4		4

8	9	10	11	12	13	14	15	16
Десны и Снови								
2	IX-XIII		21	17	IX-X	10		54, с.195-197; 110, с.28-31; 298, с.62-63; 439:, 464; 472, с.1-10
		1	1	1 1	IX-X X			473, с.8 390
			2	2	IX-X			474, с.5-6
		3		2	IX-X			472, с.6; 473, с.7-8
		1	5	5	IX-X			166; 470, с.16-20; 471, с.17-20
		1	1	1				110, с.31; 298, с.64
1	X-XI?							54, с.199
3	X-XI	26	29	свыше 30	IX-X	3		54, с.197-199; 295, с.70; 296, с.202-206; 297, с.37; 298, с.51, 68, 86; 391
		1	37	38	IX-X	5		54, с.195-197; 392; 473, с.7-10; 474, с.1-7
			2	2	X	1		43; 44; 275,
2	X-XII		11	10	X	2		с.14-53; 296, с.188-201; 299;
3	X-XII							385; 472, с.12-13; 474, с.1-3
21	X-XII		2	2	X			
			9	9	X			42, с.16-18; 110, с.32; 298, с.64-65
			2	2	X	1		42, с.14-15
								42, с.15
4	X-XII							296, с.188; 297, с.193-194
41	X	31	26	51	IX-X	46		45; 330
			1					324, с.63
Снови и Десны								
4	XI-XIII							295, с.70; 296, с.205-206; 298, с.90
						2		452
7	XI-XIII					1		295, с.70-71; 296, с.207; 298, с.91-92; 329
2	X-XII							295, с.71; 296, с.207; 298, с.92-93

1	2	3	4	5	6	7
128	Комань, Новгород-Северский р-н, Чрг		3	2	1	1
129	Камка, Корюковский р-н, Чрг					
130	Ушевка, Новгород-Северский р-н, Чрг		неск.	неск.	1	
131	Боромнки, Черниговский р-н, Чрг		8	3		3
132	Березна, Менский р-н, Чрг	32	16	16		16
133	Мена, Чрг		4	4		4
					Междуречье Десны,	
134	Селище, Носовский р-н, Чрг		2	2	1	1
135	Бахмач, Чрг	14	3	3		3
136	Липовое, Талалаевский р-н, Чрг	100	35	35		35
137	Линовица, Прилукский р-н, Чрг	40	8	8		8
138	Головуров, Бориспольский р-н, Кв		1	1		
139	Подолье, Барышевский р-н, Кв*		1	1	1	
140	Переяслав-Хмельницкий, Кв		194	215		215
141	Войница, Переяслав-Хмельницкий р-н, Кв*		1	1	1	
142	Нечипоровка, Ягнятинский р-н, Кв	100	2	3		3
143	Леплява, Каневский р-н, Чрк		81	81		81
144	бывший Золотоношский уезд (Чрк)*		1	1		
145	Березовая Рудка, Пирятинский р-н, Пл	120	10	10		
146	Ромны, См	7	3	3		3
147	Глинск, Роменский р-н, См	свыше 80	40	40	6	34
148	Лохвица, Пл	45	2	2		2
149	Скоробогатьки, Лохвицкий р-н, Пл		3	3	3	
150	Млыны, Лохвицкий р-н, Пл	80	12	свыше 12	свыше 12	
151	Снетин, Лубенский р-н, Пл		неск.	неск.		неск.
152	Лубны, Пл		3	3	1	2
					Междуречье	
153	Каменное, Лебединский р-н,		30	29		
154	Броварки, Гадячский р-н, Пл	80	свыше 80	свыше 7	свыше 3	свыше 10
155	Ницаха, Тростянецкий р-н, Пл	160	49	91	13	78
156	Заречное, Тростянецкий р-н, Пл	40	2	4	1	3

Примечание: Буквы при наименованиях местонахождения См - Сумская, Хм - Хмельницкая, Чрк - Черкасская, Чрг - Черниговская. Отсутствие звездочки в графе 2 указывает на славянскую принадлежнос чевников, наличие двух - исследованные захоронения славян и кочевни

Окончание таблицы

8	9	10	11	12	13	14	15	16
						1		452
неск.	X-XI X-XII		1	1	X		2	сообщение Н.Бычека 7; 452
1	IX-XIII							296, с.206
3	XI-XIII							296, с.206; 298, с.91
3	IX-XIII							295, с.70; 296, с.206; 298, с.91
Днепра и Сулы								
1	IX-XIII							110, с.35
1	IX-XIII							296, с.206; 298, с.91
23	X-XIII							46, с.179-181; 114, с.97; 190, с. 38-41; 296, с.219; 434
8	XII-XIII							222
1	XII							224,с.42,44,49,50
1	XI							225
95	X-XIII							54, с.156-160; 263, с.31; 276; 295, с.73-74; 296, с.220-221; 298, с.94-96; 440
1	XII-XIII							295, с.86-87; 296, с.238
1	XII-XIII							444
свыше 15	X-XIII							68; 190, с.43-46; 263, с.30-31; 182
1	X-XI?							369, с.259
неск.	IX-XIII							122, с.203
2	X-XII							436, с.37
свыше 11	X-XIII							296, с.217-219; 436
1	IX-XIII							257, с.39
3	IX-XIII							257, с.39
неск.	X-XIII							257, с.40
2	IX-XIII							299, с.VI 396
Пола и Ворсклы								
свыше 20	XI-XIII	1		1	VIII-X			335; 336
неск.	XI-XIII		5					376
60	X-XIII		1			2		90, с.121-129; 204
3	XI-XII							359

указывают области: Жт - Житомирская, Кв - Киевская, Пл - Полтавская, Нумерация в графе 16 соответствует нумерации в списке литературн. ть исследованных курганов, наличие одной звездочки - захоронения ко- ков.

Грунтовые могильники

Номер по рис.3	Местонахождение	Кол-во исследованных погребений	Инвентарь		Источник публикации	Типы и кол-во погребений, помимо указанных в графе 3
			Кол-во погребений	Датировка		
1	2	3	4	5	6	7
	Междуречье Днепра и Десны					
I	Любеч, Репкинский р-н, Чрг	81	неск.	XI-XII	280; 439; 463; 464	Захоронения в пещере
II	Чернигов	свыше 20	6	XI-XII	47; 50, с.110-111, 120; 146, с.28-29; 275; 385, с.69, 133, 135, 139, 140, 144, 190, 193, 196, 200; 449, с.27; 450, с.8; 453	Захоронения в пещерах, под полами церквей; склепы и каменные гробницы (12), аркосолии (3)
	Междуречье Ирпеня, Днепра, Стугны					
III	Козаровичи, Киево-Святошинский р-н, Кв	41	6	XI-XIII	331	
IУ	Вышгород, Киево-Святошинский р-н, Кв	4	4	X-XIII	23, с.18; 111, с.90-91; 130	Саркофаг
У	Белгородка, Киево-Святошинский р-н, Кв	свыше 30	свыше 30	XI-XIII	199; 200; 201; 202; 284; 378	Саркофаги (4)
УI	Киев	свыше 100	неск.	X-XIII	70; 83; 97, с.46; 126; 133, с.218-219, 230-231, 308-309, 386, 394, 402, 407, 448, 473; 136, с.94, 101; 206; 262; 292; 348; 349, с.109, 112-113, 146, 150, 152-155; 457; 465; 469	Захоронения в пещерах, под полами храмов, трупосожжения в "пещерках"; саркофаги (15), каменные гробницы и склепы (4); аркосолии (2); коллективные могилы (4)

			Междуречье Стугны и Днепра			
VII	Витачев, Обуховский р-н, Кв	49	4	XIII	238	
VIII	Зарубинцы, Каневский р-н, Чрк	свыше 10			34; 128	Каменные гробницы и склепы (6)
IX	Монастырек, Каневский р-н, Чрк	неск.			34	
			Междуречье Днепра и Супоя			
X	Переяслав-Хмельницкий, Кв	неск.	неск.	XI-XIII	131, с.9-16, 19-27; 276	Склепы и каменные гробницы (4), несколько саркофагов, аркосолии (6)
XI	Денисы, Переяслав-Хмельницкий р-н, Кв	1	1	XII-XIII	455, с.3-4	
			Верховья Сулы и Ворсклы			
XII	Ромны, См	4	3	X-XII	466	
XIII	Заречное, Тростянецкий р-н, См	2	2	X-XIII	359	
XIV	Ницаха, Тростянецкий р-н, См	неск.	неск.	X-XIII	456; 468, с.30-32	Коллективная могила
			Верховья Случи и Тетерева			
XV	Корковка, Староконстантиновский р-н, Хм	10	3	XII-XIII	209; 459	
XVI	Махаринцы, Староконстантиновский р-н, Хм	7	1	XII-XIII	209; 459	
XVII	Райки, Бердичевский р-н, Жт	35	неск.	XII-XIII	Сообщение В.К.Гончарова	
			Междуречье Роси и Днепра			
XVIII	Буки, Сквирский р-н, Кв	2	1	XII-XIII	451, с.43-44	
XIX	Белая Церковь, Кв	1	1	XI-XII	49	
XX	Ромашки, Мироновский р-н, Кв	6			51, с.58; 218, с.42-43	
XXI	Шарки, Рокитнянский р-н, Кв	свыше 20	7	XI-XIII	282; 377, с.93-104	

Окончание табл.

1	2	3	4	5	6	7
XXII	Саварка, Богуславский р-н, Кв	неск.	неск.	XI	Сообщение Н.М.Кравченко	
XXIII	Половецкий, Богуславский р-н, Кв	43	11	XI-XIII	112; 448	
XXIУ	Николаевка, Корсунь-Шевченковский р-н, Чрк	24	10	XI-XII	112; 448, с.54-56	
XXУ	Набутов, Корсунь-Шевченковский р-н, Чрк	свыше 240	свыше 20	XII-XIII	79	
XXУI	Канев, Чрк (Княжья гора)	10			198	Коллективная могила
XXУII	Канев (гора Московка)	2	1	XI-XIII	445, с.7, 21	
	Междуречье Днепра и Сулы					
XXУIII	Миклашевский, Чернобаевский р-н, Чрк	6	4	XI-XIII	172, с.90; 454, с.27-29	
XXIX	Жовнино, Чернобаевский р-н, Чрк	201	91	XI-XIII	115	
XXX	Воинская Гребля, Чернобаевский р-н, Чрк	21	4	XI-XIII	113, с.64-65	

СПИСОК
ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
И НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Литература

1. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. - Т. 3. - С. 9-454.
2. Маркс К. Наброски ответа на письмо В.И.Засулич // Там же. - Т. 19. - С. 400-421.
3. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Там же. - Т. 21. - С. 23-178.
4. Энгельс Ф. Из истории первобытной семьи (Бахофен, Мак-Леннан, Морган). Предисл. к четвертому нем. изд. работы "Происхождение семьи, частной собственности и государства" // Там же. - Т. 22. - С. 214-225.
5. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. - Т. 18. - С. 7-384.
6. Ленин В.И. О государстве // Там же. - Т. 39. - С. 64-84.
7. Абрамов И.С. Раскопки в Черниговской губ. у д. Ушивка Кролевецкого уезда // ИАК. - 1900. - Прилож. к вып. 34. - С. 142.
8. Абрамович Д. Киево-Печерський патерик. - К. : Держвидав, 1931. - 234 с.
9. Авдусин Д.А. Ровики славянских курганов // МИА. - 1969. - № 169. - С. 11-15.
10. Авдусин Д.А. Гнездово и днепровский путь // Новое в археологии. - М. : Изд-во МГУ, 1972. - С. 159-169.
11. Авдусин Д.А. Скандинавские погребения в Гнездове // Вестн. Моск. ун-та. История. - 1974. - № 1. - С. 74-86.
12. Аверкиева Ю.П. Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки. - М. : Изд-во АН СССР, 1961. - 272 с. - (Тр. Ин-та этнографии. Н. С.; Т. 70).
13. Алексеев Н.А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. - Новосибирск : Наука, 1980. - 318 с.
14. Алексеєва Т.І. Антропологічний склад населення древньоруських міст // Матеріали з антропології України. - 1969. - Вип. 4. - С. 73-86.
15. Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян : По данным антропологии. - М. : Изд-во МГУ, 1973. - 330 с.
16. Алекшин В.А. К вопросу о методике реконструкции социальной структуры по данным погребального обряда // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. - Л. : Наука, 1975. - С. 49-53.
17. Алешковский М.Х. Курганы русских дружинников XI-XII вв. // СА. - 1960. - № 1. - С. 70-90.
18. Алихова А.Е. Мордва и Мурома // КСИИМК. - 1949. - Вып. 30. - С. 26-30.
19. Аничков Е.В. Язычество и Древняя Русь. - Спб., 1914. - 386 с. - (Зап. ист.-филол. фак. Санкт-Петербург. ун-та; Ч. 117).
20. Аристов Н.Я. Первые времена христианства в России по церковно-историческому содержанию русских летописей. - Спб., 1888. - 156 с.
21. Артамонов М.И. История хазар. - Л. : ГЭ, 1962. - 523 с.
22. Артамонов М.И. Вопросы расселения восточных славян и советская археология // Проблемы всеобщей истории. - Л. : Изд-во ЛГУ, 1967. - С. 29-69.
23. Археологическая карта Киевской губернии. - М., 1895. - 20 с. - (Прил. к 15 т. "Древностей").

24. Археологическая карта Волынской губернии // Тр. XI АС. - 1901. - Т. 1. - С. 1-140.
25. Археологічні пам"ятки часів князівської доби коло с. Поштова Віта на Київщині // Науковий збірник за рік 1924. - К. : Держвидав України, 1925. - С. 24-28.
26. Археологія Української РСР. - К. : Наук. думка, 1975. - Т. 3. - 502 с.
27. Арциховский А.В. Курганы вятичей. - М. : РАНИОН, 1930. - 221 с.
28. Арциховский А.В. Русская одежда X-XIII вв. // Докл. и сообщ. истор. фак. Моск. ун-та. - 1945. - Вып. 3. - С. 3-9.
29. Арциховский А.В. Культурное единство славян в средние века // СЭ. - 1946. - № 1. - С. 84-90.
30. Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. - М., 1869. - 840 с.
31. Баран В.Д. Славяне в средине I тысячелетия н.э. // Проблемы этногенеза славян. - Киев : Наук. думка, 1978. - С. 5-39.
32. Бахрушин С.В. К вопросу о крещении Киевской Руси // Историк-марксист. - 1937. - № 2. - С. 40-77.
33. Беляева С.А. Южнорусские земли во второй половине XIII-XIV вв. - Киев : Наук. думка, 1982. - 119 с.
34. Беляшевский Н.Ф. Церковище возле дер. Монастырек Каневского уезда Киевской губернии // Киев. старина. - 1889. - Т. 24. - С. 210-213.
35. Березин Я.Б., Савенко С.Н. К вопросу о происхождении катакомб сарматского времени на Северном Кавказе // Археология и вопросы атеизма. - Грозный : Изд-во Чеч.-Инг. ун-та, 1977. - С.37-44.
36. Березовець Д.Т.До питання про літописних сіверян // Археологія. - 1953. - Т. 8. - С. 28-44.
37. Березовец Д.Т. Северяне (перед образованием Киевской Руси) : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - М., 1969. - 35 с.
38. Березовец Д.Т. Славяне и племена салтовской культуры // Славяните и средиземноморский свят. VI-XI век. - София : Изд-во БАН, 1973. - С. 271-274.
39. Бессарабова З.Д. Славянские курганы второй половины первого тысячелетия н.э. с трупосожжением и деревянными сооружениями на территории Восточной Европы // Археол. сб. - 1973. - Вып. 15. - С. 65-85.
40. Бліфельд Д.І. До питання про ремесло та ремісників у Київській Русі // Археологія. - 1954. - Т. 9. - С. 30-41.
41. Блифельд Д.И. К исторической оценке дружинных погребений в срубных гробницах Среднего Поднепровья IX-X вв. // СА. - 1954. - Т. 20. - С. 148-164.
42. Бліфельд Д.І. Деснянська археологічна експедиція 1949 р. // АП УРСР. - 1955. - Т. 5. - С. 12-21.
43. Блифельд Д.И. Раскопки курганов в Чернигове // КСИАУ. - 1955. - Вып. 4. - С. 23-24.
44. Бліфельд Д.І. Древньоруський могильник в Чернігові // Археологія. - 1965. - Т. 18. - С. 105-138.
45. Бліфельд Д.І. Давньоруські пам"ятки Шестовиці. - К. : Наук. думка, 1977. - 235 с.
46. Бобринский А.А. Курганы и случайные археологические находки близ м. Смелы. - Спб., 1894. - Т. 2, № 13. - 225 с.
47. Богданов А.П. Курганные жители Северянской земли по раскопкам в Черниговской губернии // Из протоколов антропологической выставки 1879 г. - М., 1879. - 11 с.
48. Богданов А.П. Материалы для антропологии курганного периода в Московской губернии // ИОЛЕАЭ. - 1867. - Т. 4, ч. 1. - 176 с.
49. Богданов О.І. Нові дані про древньоруське місто Біла Церква // Археологія. - 1952. - Т. 6. - С. 133-134.

50. Богусевич В.А. Роботи Чернігівської експедиції // АП УРСР. - 1952. - Т. 3. - С. 109-122.
51. Брайчевський М.Ю. Слов"янські пам"ятки середнього Пороссся // Там же. - С. 57-65.
52. Брайчевський М.Ю. Походження Русі. - К. : Наук. думка, 1968. - 224 с.
53. Бранденбург Н.Е. Какому племени могут быть приписаны те из языческих могил, в которых вместе с покойником погребены остовы убитых лошадей? // Тр. X АС. - 1899. - Т. 1. - С. 11-13.
54. Бранденбург Н.Е. Журнал раскопок 1888-1902 гг. - Спб., 1908. - 222 с.
55. Бромлей Ю.В., Першиц А.И. Ф.Энгельс и проблемы первобытной истории // Проблемы этнографии и антропологии в свете научного исследования Ф.Энгельса. - М. : Наука, 1972. - С. 7-35.
56. Бромлей Ю.В. Опыт типологизации этнических общностей // СЭ. - 1972. - № 5. - С. 61-81.
57. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. - М. : Наука, 1973. - 283 с.
58. Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии : (Очерки теории и истории). - М. : Наука, 1981. - 390 с.
59. Будовниц И.У. К вопросу о крещении Руси // Вопр. истории религии и атеизма. - 1956. - Вып. 3. - С. 402-434.
60. Булгаков С.В. Настольная книга для священно-церковно-служителей. - Киев, 1913. - 1773 с.
61. Булкин В.А. Гнездовский могильник и курганные древности Смоленского Поднепровья : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Л., 1973. - 21 с.
62. Васильев Л.С. Становление политической администрации (от локальных групп охотников и собирателей к протогосударству-чифдом) // Народы Азии и Африки. - 1980. - № 1. - С. 172-186.
63. Велецкая Н.Н. Язнческая символика славянских архаических ритуалов. - М. : Наука, 1978. - 239 с.
64. Винокур И.С. Раскопки двух древлянских курганов // Научный ежегодник Черновицкого университета за 1959 г. - Черновицы, 1960. - С. 151-155.
65. Волошинский Я. Киевские курганы // ИОЛЕАЭ. - 1876. Т. 20. Тр. антропол. отд. - Кн. 2, вып. 1. - С. 16-20.
66. Вопросы Кирика, Саввы и Ильи с ответами Нифонта, епископа Новгородского и других иерархических лиц // Памятники древнерусского канонического права. - Спб., 1908. - Ч. 1. - Стб. 21-62.
67. Виєзжів Р.І. Розкопки курганів у Коростені та поблизу Овруча в 1911 р. // Археологія. - 1954. - Т. 9. - С. 145-153.
68. Вьезжев Р.И. Новые данные из раскопок Леплявского могильника // КСИАУ. - 1954. - Вып. 3. - С. 33-38.
69. Выхарова Ж.Н. Славяне и праболгары в связи с вопросом средиземноморской культуры // Славянитe и средиземноморский свят : VI-XI век. - София : Изд-во БАН, 1973. - С. 239-266.
70. Висоцький С.О. Про дослідження та первісне місце саркофага Ярослава Мудрого в Київській Софії // Слов"яно-руські старожитності. - К. : Наук. думка, 1969. - С. 145-156.
71. Гавлик Л. Моравская народность в эпоху раннего феодализма // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. - М. : Наука, 1976. - С. 156-185.
72. Гамченко С.С. Житомирский могильник. - Житомир, 1888. - 126 с.
73. Гамченко С.С. Городище и могильники р. Корчеватой // Тр. IX АС. - 1897. - Т. 2. - С. 89-136.
74. Гамченко С.С. Древний поселок и могильник в урочище "Стуга" // ЧИОНЛ. - 1899. - Кн. 13. - С. 3-89.
75. Гамченко С.С. Раскопки в бассейне р. Случи // Тр. XI АС. - 1901. - Т. 1. - С. 355-403.

76. Гантаев Н.М. Церковь и феодализм на Руси. - М. : Изд-во АН СССР, 1960. - 168 с.
77. Гапусенко І.М. Боротьба східних слов"ян за вихід до Чорного моря. - К. : Наук. думка, 1966. - 150 с.
78. Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. - Спб., 1870. - 308 с.
79. Гезе В.Е. Раскопки на городище "Очаков" у д. Набутов, 1901-1902 гг. // АЛЮР. - 1905. - Т. 3. - С. 82-94.
80. Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. - М. : Наука, 1964. - 201 с.
81. Генинг В.Ф. Этнический процесс в первобытности. - Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1970. - 127 с.
82. Генинг В.Ф., Борзунов В.А. Методика статистической характеристики и сравнительного анализа погребального обряда // Вопр. археологии Урала. - 1975. - Вып. 13. - С. 42-72.
83. Голубева Л.А. Киевский некрополь // МИА. - 1949. - № 11. - С. 103-118.
84. Голубева Л.А. Назначение железных игл с кольцами // СА. - 1971. - № 4. - С. 114-126.
85. Голубева Л.А. Весь и славяне на Белом озере X-XIII вв. - М. : Наука, 1973. - 212 с.
86. Голубинский Е. История русской церкви. - М., 1901. - Т.1. - 793 с.
87. Голубинский Е. История русской церкви. - М., 1904. - Т.2. - 791 с.
88. Гончаров В.К. Райковецкое городище. - Киев : Изд-во АН УССР, 1950. - 218 с.
89. Гончаров В.К. Лука Райковецкая // МИА. - 1963. - № 108. - С. 283-315.
90. Городцов В.А. Результаты исследований, произведенных научными экскурсиями XII археологического съезда // Тр. XII АС. - 1905. - Т. 1. - С. 110-130.
91. Горюнов Е.А. О памятниках волынцевского типа // КСИА. - 1975. - Вып. 144. - С. 3-10.
92. Горюнов Е.А. К истории Днепровского Левобережья в середине и третьей четверти I тысячелетия н.э. : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - М., 1977. - 23 с.
93. Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья. - М. : Изд-во АН СССР, 1961. - 267 с. - (МИА; № 94).
94. Греков Б.Д. Киевская Русь. - М. : Госполитиздат, 1953. - 568 с.
95. Греков Б.Д. Крещение Руси // Религия и церковь в истории России. - М. : Мысль, 1975. - С. 37-41.
96. Грязнов М.П. Курган как архитектурный памятник // Тез. докл. на заседаниях, посвящ. итогам полевых исслед. в 1960 г. - М., 1961. - С. 22-25.
97. Гупало К.М., Толочко П.П. Давньокиївський Поділ у світлі нових археологічних досліджень // Стародавній Київ. - К. : Наук. думка, 1975. - С. 40-79.
98. Гупало К.М. До питання про формування посаду давнього Києва // Археологічні дослідження стародавнього Києва. - К. : Наук. думка, 1976. - С. 12-18.
99. Гуревич А.Я. Походы викингов. - М. : Наука, 1965. - 183 с.
99а. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. - М. : Искусство, 1972. - 318 с.
100. Гуревич Ф.Д. Древности Белорусского Понеманья. - М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1962. - 221 с.
101. Гуревич Ф.Д. Норманский могильник у дер. Вишнево // Сканд. сб. - 1963. - Вып. 6. - С. 197-210.
102. Гуслистий К.Г. До питання про утворення української нації. - К. : Т-во "Знання" УРСР, 1967. - 53 с.

103. Давидан Д.И. Гребни Старой Ладоги // Археол. сб. - 1962. - Вып. 4. - С. 95-108.
104. Данилова Л.В. Дискуссионные проблемы теории докапиталистических обществ // Проблемы истории докапиталистических обществ. - М. : Наука, 1968. - Кн. 1. - С. 27-66.
105. Данилова Л.В., Данилов В.П. Проблемы теории и истории общины // Община в Африке : Пробл. типологии. - М. : Наука, 1978. - С. 9-60.
105а. Даркевич В.П. Символы небесных светил в орнаменте Древней Руси // СА. - 1960. - № 4. - С. 56-67.
106. Даркевич В.П. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве // Там же. - 1961. - № 4. - С. 94-102.
107. Дедюхина В.С. Фибулы скандинавского типа // Тр. ГИМ. - 1967. - Вып. 43. - С. 191-206.
108. Деревья и кустарники СССР. - М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1951. - Т. 2. - 612 с.
109. Димитров Д.И. Древнеболгарские некрополи в Варненском округе // Славяните и средиземноморский свят , VI-XI век. - София : Изд-во БАН, 1973. - С. 75-91.
110. Дневники раскопок, произведенных в Черниговской губ. в 1881 г. // Тр. Моск. подготов. ком. по устройству XIV археол. съезда. - М., 1906. - Вып. I. - С. 27-35.
111. Довженок В.Й. Огляд археологічного вивчення древнього Вишгорода в 1934-1937 рр. // Археологія. - 1950. - Т. 3. - С. 64-92.
112. Довженок В.И. Раскопки древнерусских памятников на Роси в 1956 г. // КСИАУ. - 1959. - Вып. 8. - С. 146-155.
113. Довженок В.Й., Гончаров В.К., Юра Р.О. Древньоруське місто Воїнь. - К. : Наук. думка, 1966. - 148 с.
114. Доставление комитету Т.В.Кибальчичем в Киеве курганных черепов его раскопок // ИОЛЕАЭ. - 1878. - Т. 31. - С. 97.
115. Дяденко В.Д., Моця О.П. Ковнінський могильник XI-XIII ст. // Археологія. - 1986. - № 54. - С. 70-81.
116. Дьяконов М. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. - М.; Л. : Госиздат, 1926. - 402 с.
117. Емелях Л.И. Происхождение религиозных обрядов. Л. : Лениздат, 1959. - 78 с.
118. Журкалина Н.П. Древнерусские привески-амулеты и их датировка // СА. - 1961. - № 2. - С. 122-140.
119. Засурцев П.И. Новгород, открытый археологами. - М. : Наука, 1967. - 206 с.
120. Зеленин Д.К. Магическая функция примитивных орудий // Изв. АН СССР. Отд-ние обществ. наук. - 1931. - С. 713-754.
121. Зубарь В.М. Об обряде трупоположения в греческом обществе // Тез. докл. Всесоюз. науч. конф. "Проблемы античной истории и классической философии". - Харьков, 1980. - С. 13-14.
122. Исследования и раскопки ... курганного могильника в 3-х верстах от с. Березовая Рудка, Пирятинского уезда Полтавской губ. // АЛЮР. - 1900. - Т. 2. - С. 203.
123. История культуры древней Руси. - М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1951. - Т. 1. - 482 с.
124. История СССР : С древнейших времен до наших дней. - М. : Наука, 1966. - Т. 1. - 719 с.
125. Каменецкий И.С., Маршак Б.И., Шер Я.А. Анализ археологических источников (возможности формализированного подхода). - М. : Наука, 1975. - 174 с.
126. Каргер М.К. Княжеское погребение XI в. в Десятинной церкви // КСИИМК. - 1940. - Вып. 4. - С. 12-20.
127. Каргер М.К. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде // СА. - 1946. - Т. 8. - С. 175-224.

128. Каргер М.К. Развалины Зарубского монастыря и летописный город Заруб // СА. - 1950. - Т. 13. - С. 33-62.
129. Каргер М.К. Раскопки в Софийском соборе и в усадьбе Софийского архитектурно-исторического заповедника (1939-1940, 1946 гг.) // Археологическое исследование Древнего Киева : Отчеты и материалы, 1938-1947 гг. - Киев : Изд-во АН УССР, 1950. - С. 227-250.
130. Каргер М.К. К истории киевского зодчества XI в. : Храм-мавзолей Бориса и Глеба в Вышгороде // Са. - 1954. - Т. 16. - С. 77-99.
131. Каргер М.К. Розкопки в Переяславі-Хмельницькому в 1952-1953 рр. // Археологія. - 1954. - Т. 9. - С. 3-29.
132. Каргер М.К. Древний Киев. - М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1958. - Т. 1. - 579 с.
133. Каргер М.К. Древний Киев. - М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. - Т. 2. - 661 с.
134. Каталог выставки XI археологического съезда в Киеве. - Киев, 1899. - 301 с.
135. Кибальчич Т.В. Древности : (Указ. к археол. находкам 1875-76 гг.). - Киев, 1876. - 45 с.
136. Килессо С.К. Киево-Печерская лавра. - М. : Искусство, 1975. - 144 с.
137. Килиевич С.Р. Киевский детинец IX - первой половины XIII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Киев, 1976. - 22 с.
138. Килиевич С.Р. Раскопки на Киевском детинце // Археологические исследования на Украине в 1976-1977 гг.: Тез. докл. XVII конф. ИА АН УССР. - Ужгород, 1978. - С. 101-102.
139. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. - М.; Л. : Наука, 1966. - 107 с. - (САИ; Е1-36, № 1).
140. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. - М.; Л. : Наука, 1966. - 146 с. - (САИ; Е1-36, № 2).
141. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. - Л.: Наука, 1971. - 91 с. - (САИ; Е1-36, № 3).
142. Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв. - Л. : Наука, 1973. - 140 с. - (САИ; Е1-36).
143. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. - М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. - 364 с. - (МИА; № 9).
144. Клейн Л.С., Лебедев Г.С., Назаренко В.А. Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения // Исторические связи Скандинавии и России, IX-XX вв. - Л. : Наука, 1970. - С. 226-252.
145. Ключевский В.О. Специальные курсы. - М. : Соцэкгиз, 1959. - 516 с. - (Сочинения; Т. 6).
146. Ковалевский А.П. Книга Ахмеда-ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. - Харьков : Изд-во ХГУ, 1956. - 347 с.
147. Константинович. О находке скелета с металлическими украшениями в могиле близ церкви Бориса и Глеба в Чернигове // Древности. - 1885. - Т. 10. - С. 28-30.
148. Корзухина Г.Ф. Из истории древнерусского оружия XI века // СА. - 1950. - Т. 13. - С. 63-94.
149. Корзухина Г.Ф. Русские клады IX-XIII вв. - М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1954. - 156 с.
150. Корзухина Г.Ф. К истории игр на Руси // СА. - 1963. - № 4. - С. 85-102.
151. Корзухина Г.Ф. Об Одине и кресалах Прикамья // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. - М. : Наука, 1977. - С. 156-162.
152. Королюк В.Д. Древнепольское государство. - М. : Изд-во АН СССР, 1957. - 216 с.
153. Королюк В.Д. Грамота 1086 г. в хронике Козьмы Пражского // Крат. сообщ. / Ин-т славяноведения. - 1960. - Вып. 29. - С. 3-23.
154. Королюк В.Д. Основные проблемы формирования раннефеодаль-

ной государственности и народностей славян Восточной и Центральной Европы // Становление раннефеодальных славянских государств. - Киев : Наук. думка, 1972. - С. 207-228.
155. Королюк В.Д. К исследованиям в области этногенеза славян и восточных романцев // Вопросы этногенеза славян и восточных романцев. - М. : Наука, 1976. - С. 6-29.
156. Косвен М.О. К вопросу о древневосточной общине // ВДИ. - 1963. - № 4. - С. 30-34.
157. Котляр М.Ф. Грошовий обіг на території України доби феодалізму. - К. : Наук. думка, 1971. - 175 с.
158. Котляр М.Ф. З історії переростання племінних союзів у територіальні об"єднання в Східній Європі (УП-Х ст.) // УІЖ. - 1978. - № 1. - С. 58-70.
159. Котляревский А.А. О погребальных обычаях языческих славян. - М., 1868. - 252 с.
160. Кочкуркина С.И. Курганные группы юго-восточного Приладожья // КСИА. - 1969. - Вып. 120. - С. 20-27.
161. Кравченко Н.М., Абашина Н.С., Гороховський Є.Л. Нові пам"ятки І тисячоліття н.е. в Київському Подніпров"ї // Археологія. - 1975. - Вип. 15. - С. 98-102.
162. Кравченко Т.А. Шатрищенский могильник // Археология Рязанской земли. - М. : Наука, 1974. - С. 116-183.
163. Крупнов Е.И. Об историческом аспекте в изучении материальной культуры // Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. - М. : Наука, 1970. - С. 17-22.
164. Куббель Л.Е. Идеология и ритуал в становлении верховной власти на грани перехода к раннеклассовому обществу // Идеологические представления древнейших обществ : Тез. докл. конф. - М., 1980. - С. 27-30.
165. Кубишев А.І. Стародавній Китаїв // Археологія. - 1964. - Т. 17. - С. 55-71.
166. Кузнецов Г.А., Шекун А.В., Шуляк В.В. Исследования в окрестностях Чернигова // АО 1976 г., М., 1977. - С. 319-320.
167. Кузьмин А.Г. Принятие христианства на Руси // Вопр. науч. атеизма. - 1980. - Вып. 25. - С. 7-35.
168. Кухаренко Ю.В. Средневековые памятники Полесья. - М. : Изд-во АН СССР, 1961. - 39 с. - (САИ; ЕІ-57).
169. Кухаренко Ю.В. Курганы у с. Селец (Житомирская обл.) // МИА. - 1963. - № 108. - С. 316-319.
170. Кухаренко Ю.В. Археология Польши. - М. : Наука, 1969. - 239 с.
171. Кухаренко Ю.В. Миропольские курганы // МИА. - 1969. - № 169. - С. 111-114.
172. Кучера М.П. Древньоруське городище в хут. Миклашевському (на Полтавщині) // Археологія. - 1962. - Т. 14. - С. 89-108.
173. Кучкин В.А. Захоронение И.Грозного и русский средневековый погребальный обряд // СА. - 1967. - № 1. - С. 289-294.
174. Ланько А.І., Маринич О.М., Щербань М.І. Фізична географія Української РСР. - К. : Рад. шк., 1969. - 268 с.
175. Лашук Л.П. О формах донациональных этнических связей // ВИ. - 1967. - № 4. - С. 77-92.
176. Лашук Л.П. Опыт типологии этнических общностей средневековых тюрок и монголов // СЭ. - 1968. - № 1. - С. 95-106.
177. Лебедев Г.С. Разновидности обряда трупосожжения в могильнике Бирка // Статистико-комбинаторные методы в археологии. - М. : Наука, 1970. - С. 180-190.
178. Лебедев Г.С. Погребальный обряд скандинавов эпохи викингов. - Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Л., 1972. - 20 с.
179. Лебедев Г.С. Археологические памятники Ленинградской области. - Л. : Лениздат, 1977. - 230 с.
180. Лебедев Г.С. Погребальный обряд как источник социологиче-

ской реконструкции (по материалам Скандинавии эпохи викингов) // КСИА. - 1977. - Вып. 148. - С. 24-30.
181. Левашева В.П. Браслеты // Тр. ГИМ. - 1967. - Вып. 43. - С. 207-252.
181а. Лелеков Л.А. К реконструкции раннеславянской мифологической системы // Сов. славяноведение. - 1973. - № 1. - С. 51-56.
182. Ліплявський могильник //Niederlův sbornik. - Praha. - 1925. - S. 339-348.
183. Ляпушкин И.И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. - М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. - 383 с. - (МИА; № 104).
184. Ляпушкин И.И. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства. - Л. : Наука, 1968. - 192 с. - (МИА; № 152).
185. Лясоронский В.Т. К вопросу о переяславльских торках // ЖМНП. - 1905. - Апр. - С. 278-302.
186. Мавродин В.В. Образование древнерусского государства и формирование древнерусской народности. - М. : Высш. шк., 1971. - 192 с.
187. Мавродин В.В., Фроянов И.Я. Об общественном строе восточных славян VIII-IX вв. в свете археологических данных // Пробл. археологии. - 1978. - Вып. 2. - С. 125-132.
188. Мавродина Р.М. Взаимоотношения Киевской Руси и кочевников в исторической литературе 40-х - начала 70-х годов // Проблемы археологии и этнографии. - 1977. - Вып. 1. - С. 58-65.
189. Макаров Н.А. Топография погребений в древнерусских храмах XI-XIII вв. // Тез. докл. сов. делегации на IV Междунар. конгр. слав. археологии. - М., 1980. - С. 71-73.
189а. Макаров Н.А. Каменные подушки в погребениях древнерусских городских некрополей // СА. - 1981. - № 2. - С. 111-116.
190. Макаренко Н.Е. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1906 г. // ИАК. - 1907. - Вып. 22. - С. 38-90.
191. Макаренко М. Скульптура і різбярство Київської Русі передмонгольских часів // Київські збірники історії й археології, побуту і мистецтва. - К. : ВУАН, 1931. - Зб. 1. - С. 27-96.
192. Макаренко М. Малоазійська мисочка в Києві // Там же. - С. 97-100.
193. Максимов Є.В., Петрашенко В.О. Городище Монастирьок VIII-XIII ст. на середньому Дніпрі // Археологія. - 1980. - Вип. 33. - С. 3-20.
194. Мальм В.А. Подковообразные и кольцевидные застежки - фибулы // Тр. ГИМ. - 1967. - Вып. 43. - С. 149-190.
195. Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. - Л. : Наука, 1976. - 191 с.
196. Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII-XIV вв. - М. : Наука, 1966. - 118 с. - (САИ; Е1-36).
197. Медынцева А.А. Древнейший тип инструментов для письма на территории Древней Руси // Древнерусский город : (Материалы Всесоюз. археол. конф., посвящ. 1500-летию г. Киева). - Киев : Наук. думка, 1984. - С. 80-82.
198. Мезенцева Г.Г. Древньоруське місто Роденъ. - К. : Вид-во КДУ, 1968. - 183 с.
199. Мезенцева Г.Г., Линева Е.А., Прилипко Я.П. Исследование Белгорода-Киевского // АО 1975 г. - М.; 1976. - С. 361-363.
200. Мезенцева Г.Г., Прилипко Я.П. Открытие Белгородского могильника // СА. - 1976. - № 2. - С. 245-247.
201. Мезенцева Г.Г., Прилипко Я.П. Новые открытия на раскопках Белгорода-Киевского // АО 1976 г. - М., 1977. - С. 339-340.
202. Мезенцева Г.Г., Прилипко Я.П. Давньоруський могильник Белгорода Київського (дослідження 1974-1976 рр.) // Археологія. - 1980. - Вип. 35. - С. 98-110.

203. Мельник Е.Н. Раскопки в земле Лучан, произведенные в 1897 и 1898 гг. // Тр. XI АС. - 1901. - Т. 1. - С. 479-576.
204. Мельник Е.Н. Раскопки курганов в Харьковской губ. // Тр. XII АС. - 1905. - Т. 1. - С. 728-743.
205. Мирзоев В.Г. Былины и летописи : Памятники рус. ист. мысли. - М. : Мысль, 1978. - 254 с.
206. Мовчан И.И., Харламов В.А. Раскопки Кловского монастыря в Киеве // АО 1974 г. - М., 1975. - С. 325-326.
207. Мовчан І.І., Степаненко Л.Я. Розкопки поселення та могильника в Китаєво // Археологічні дослідження стародавнього Києва. - К. : Наук. думка, 1976. - С. 108-118.
208. Молодчикова И.А. К вопросу о торговых связях Киевской Руси с кочевниками // Новейшие открытия советских археологов : Тез. докл. конф. - Киев, 1975. - Ч. 3. - С. 94-95.
209. Моця А.П. Могильники древнерусского времени в верховьях р. Случь // АО 1977 г. - М., 1978. - С. 361.
210. Мугуревич Э.С. Восточная Латвия и соседние земли X-XIII вв. - Рига : Зинатне, 1965. - 144 с.
211. Насонов А.Н. "Русская земля" и образование территории древнерусского государства. - М. : Изд-во АН СССР, 1951. - 262 с.
212. Наулко В.И. Развитие межэтнических связей на Украине. - Киев : Наук. думка, 1975. - 276 с.
213. Недошивина Н.Г. Перстни // Тр. ГИМ. - 1967. - Вып. 43. - С. 253-274.
214. Недошивина Н.Г. Погребальный обряд вятичей XI-XIII вв. : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - М., 1974. - 19 с.
215. Недошивина Н.Г. О религиозных представлениях вятичей XI-XIII вв. // Средневековая Русь. - М. : Наука, 1976. - С. 49-52.
216. Нидерле Л. Славянские древности. - М. : Изд-во иностр. лит., 1956. - 450 с.
217. Никольская Т.Н. Хронологическая классификация верхневолжских курганов // КСИИМК. - 1949. - Вып. 30. - С. 31-41.
218. Новіші археологічні досліди на терені Білоцерківщини // ХАМ. - 1930. - Ч. 2. - С. 37-48.
219. Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. и др. Древнерусское государство и его международное значение. - М. : Наука, 1965. - 476 с.
220. Новосельцев А.П., Пашуто В.Т. Внешняя торговля Древней Руси (до середины XIII в.) // История СССР. - 1967. - № 3. - С.81-108.
221. Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма. - М. : Наука, 1972. - 338 с.
222. О раскопках, произведенных А.Ф.Сабаневичем в Полтавской губ. // ЧИОНЛ. - 1888. - Кн. 2. - С. 272-273.
223. О раскопках кургана у с. Глубочка Уманского у Киевской г. В.Н.Доманицким // Киев. старина. - 1900. - Т. 71. - С. 60.
224. Орлов Р.С. Давньоруська вишивка XII ст. // Археологія. - 1973. - Вип. 12. - С. 41-50.
225. Орлов Р.С., Погорілий В.І. Поховання кочівника поблизу с. Поділля на Київщині // Там же. - 1977. - Вип. 24. - С. 87-89.
226. Очерки истории СССР : III-IX вв. - М. : Изд-во АН СССР, 1958. - 947 с.
227. Очерки по археологии Белоруссии. - Минск : Наука и техника, 1972. - Ч. 2. - 248 с.
228. Ошибкина С.В. Могильник Пески в Вологодской области // КСИА. - 1972. - Вып. 129. - С. 65-69.
229. Павлова К.В. Могильник на территории окольного города древнего Новогрудка // Там же. - 1967. - Вып. 110. - С. 36-39.
230. Пачовський М. Народний похоронний обряд на Русі. - Львів, 1903. - 32 с.
231. Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. - М. : Наука, 1968. - 472 с.

232. Пашуто В.Т. Летописная традиция о "племенных княжениях" и варяжский вопрос // Летописи и хроники : Сб. ст. - М. : Наука, 1974. - С. 103-110.
233. Першиц А.И. Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории // Тр. Ин-та этнографии. Н. С. - 1960. - Т. 54. - С. 151-172.
234. Петрухин В.Я. К характеристике представлений о загробном мире у скандинавов эпохи викингов (IX-XI вв.) // СЭ. - 1975. - № 1. - С. 44-54.
235. Петрухин В.Я. Ритуальные сосуды из курганов Гнездова и Чернигова // Вестн. Моск. ун-та. История. - 1975. - № 2. - С. 85-92.
236. Петрухин В.Я. Погребальная ладья викингов и "корабль мертвых" у народов Океании и Индонезии : (Опыт сравнит. анализа) // Символика культов и ритуалов народов зарубежной Азии. - М. : Наука, 1980. - С. 79-91.
237. Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. - 1958. - № 62. - С. 151-226.
238. Плетнева С.А., Макарова Т.И. Южное городище у с. Витачева // КСИА. - 1965. - Вып. 104. - С. 54-61.
239. Плетнева С.А. От кочевий к городам. - М. : Наука, 1967. - 200 с. - (МИА; № 142).
240. Плетнева С.А. Работы Левобережного Днепровского отряда // АО 1970 г. - М., 1971. - С. 72-74.
241. Плетнева С.А. Древности Черных Клобуков. - М. : Наука, 1973. - 36 с. - (САИ; Е1-19).
242. Плетнева С.А. Хазары. - М. : Наука, 1976. - 93 с.
243. Поболь Л.Д. О новых археологических памятниках БССР VI-IX вв. // Славяните и средиземноморский свят . VI-XI век. - София : Изд-во БАН, 1973. - С. 221-230.
244. Повесть временных лет. - М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. - Ч. 1. - 406 с.
245. Потебня А.А. О мифическом значении некоторых обрядов и поверий. - М., 1865. - 310 с. - (Чтения О-ва истории и древностей Российс.; Кн. 2).
246. Потин В.М. Монеты в погребениях Древней Руси и их значение для археологии и этнографии // Тр. ГЭ. - 1971. - Т. 12. - С. 49-119.
247. Поулик И. Древняя Моравия в свете новейших археологических находок // Великая Моравия. Тысячелет. традиция государства и культуры. - Прага : Изд-во ЧАН, 1963. - С. 35-65.
248. Производство археологических исследований в Киевской губернии // ОАК 1902 г., Спб., 1904. - С. 111-112.
249. Приходнюк О.М. Слов"яни на Поділлі (VI-VII ст. н.е.). - К. : Наук. думка, 1975. - 154 с.
250. Пселл М. Хронография. - М. : Наука, 1978. - 319 с.
251. Пушкина Т.А. Бронзовый идол из Черной Могилы // Вестн. Моск. ун-та. История. - 1984. - № 3. - С. 86-87.
252. Рапов О.М. Княжеские владения на Руси в X - первой половине XIII в. - М. : Изд-во МГУ, 1977. - 261 с.
253. Рапов О.М., Ткаченко Н.Г. Русские известия Титмара Мерзебургского // Вестн. Моск. ун-та. История. - 1980. - № 3. - С. 57-67.
254. Раппопорт П.А. Заметки о датировке некоторых типов городищ Поднепровья // КСИИМК. - 1952. - Вып. 48. - С. 107-114.
255. Раскопки в стране древлян. - М. - 1893. - 78 с. - (МАР; № 11).
256. Ратич О.О. Населення Прикарпаття і Волині в епоху Київської Русі та в період феодальної роздрібленності // Населення Прикарпаття і Волині за доби розкладу первіснообщинного ладу та в давньоруський час. - К. : Наук. думка, 1976. - С. 132-206.
257. Ренський М. Розшуки та розкопи на Лохвиччині // Праці ка-

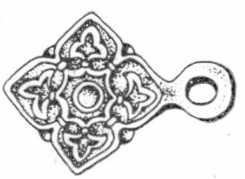
бінету антропології та етнографії ім. Хв. Вовка. Сер. 2. - К., 1924. - С. 39-40.
258. Рерих Н.К. К древностям Валдайским и Водским // ИАК. - 1901. - Вып. 1. - С. 60-68.
259. Розенфельдт Р.Л. Русские замки домонгольского времени // КСИИМК. - 1953. - Вып. 49. - С. 32-38.
260. Розенфельдт Р.Л. О производстве и датировке овручских пряслиц // СА. - 1964. - № 4. - С. 220-224.
261. Розенфельдт Р.Л. Древнейшие города Подмосковья и процесс их возникновения // Русский город. - М. : Изд-во МГУ, 1976. - С. 5-17.
262. Розкопки 1930 р. на горі Дитинці // ХАМ. - 1931. - Ч. 3. - С. 49-52.
263. Рудинський М. Археологічні збірки Полтавського державного музею. - Полтава, 1928. - 36 с.
264. Русанова И.П. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н.э. на территории древлян // СА. - 1958. - № 4. - С. 33-46.
265. Русанова И.П. Территория древлян по археологическим данным // Там же. - 1960. - № 1. - С. 63-69.
266. Русанова И.П. Разведка по р. Уж // КСИА. - 1961. - Вып. 86. - С. 70-72.
267. Русанова И.П. Курганы полян X-XII вв. - М. : Наука, 1966. - 48 с. - (САИ; Е1-24).
268. Русанова И.П. Курганы XI-XII вв. у с. Буки Житомирской обл. // КСИА. - 1967. - Вып. 110. - С. 42-47.
269. Русанова И.П. О керамике раннесредневековых памятников Верхнего и Среднего Поднепровья // Славяне и Русь. - М. : Наука, 1968. - С. 143-150.
270. Русанова И.П. Славянские древности VI-IX вв. между Днепром и Западным Бугом. - М. : Наука, 1973. - 100 с. - (САИ; Е1-25).
271. Русанова И.П. Славянские древности VI-VII вв. - М. : Наука, 1976. - 216 с.
272. Рыбаков Б.А. Овручские пряслица // Докл. и сообщ. фак. Моск. ун-та. - 1946. - Вып. 4. - С. 21-31.
273. Рыбаков Б.А. Поляне и северяне // СЭ. - 1947. - Т. 6/7. - С. 81-105.
274. Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. - М. : Изд-во АН СССР, 1948. - 792 с.
275. Рыбаков Б.А. Древности Чернигова // МИА. - 1949. - № 11. - С. 7-102.
276. Рибаков Б.А. Розкопки в Переяславі-Хмельницькому в 1945 р. // АП УРСР. - 1949. - Т. 1. - С. 21-25.
277. Рыбаков Б.А. Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж // По следам древних культур : Древ. Русь. - М. : Госизд-во культ.-просвет. лит., 1953. - С. 75-120.
278. Рыбаков Б.А. Розкопки в Любече в 1957 году // КСИИМК. - 1960. - Вып. 79. - С. 27-34.
279. Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. - М. : Изд-во АН СССР, 1963. - 361 с.
280. Рыбаков Б.А. Любеч - феодальный двор Мономаха и Ольговичей // КСИА. - 1964. - Вып. 99. - С. 21-23.
281. Рыбаков Б.А. Первые века русской истории. - М. : Наука, 1964. - 240 с.
282. Рыбаков Б.А. Торческ - город Черных Клобуков // АО 1966 г., М., 1967. - С. 243-245.
283. Рыбаков Б.А. Христиане или язычники? // Наука и религия. - 1966. - № 2. - С. 46-49.
284. Рыбаков Б.А. Раскопки в Белгороде Киевском // АО 1968 г., М., 1969. - С. 330-332.
285. Рыбаков Б.А. Союзы племен и проблема генезиса феодализма

на Руси // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. - М. : Наука, 1969. - С. 25-28.
286. Рыбаков Б.А. Нестор о славянских обычаях // МИА. - 1970. - 176. - С. 40-43.
287. Рыбаков Б.А. О двух культурах русского феодализма // Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. - М. : Наука, 1970. - С. 23-33.
288. Рыбаков Б.А. Языческое мировоззрение русского средневековья // ВИ. - 1974. - № 1. - С. 3-30.
289. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. - М. : Наука, 1981. - 607 с.
290. Рябцевич В.Н. О чем рассказывают монеты. - Минск : Нар. асвета, 1978. - 399 с.
291. Савельева Э.А. Некоторые материалы по средневековой археологии Вычегодского края // Материалы по археологии Европ. Северо-Востока. - 1962. - Вып. 1. - С. 155-166.
292. Самойловський І.М. Слов"янський могильник у Києві над Дніпром // Археологія. - 1950. - Т. 3. - С. 184-188.
293. Самойловський І.М. Слов"янський могильник на р. Пронівщині під Києвом // Там же. - 1954. - Т. 9. - С. 154-157.
294. Самойловський І.М. Стародавній Коростень // Там же. - 1970. - Т. 23. - С. 190-200.
295. Самоквасов Д.Я. Основания хронологической классификации, описание и каталог коллекции древностей. - Варшава, 1892. - 101 с.
296. Самоквасов Д.Я. Могилы Русской земли. - М., 1908. - 271 с.
297. Самоквасов Д.Я. Северянская земля и северяне по городищам и могилам. - М., 1908. - 119 с.
298. Самоквасов Д.Я. Могильные древности Северянской Черниговщины. - М., 1916. - 104 с.
299. Самоквасов Д.Я. Раскопки северянских курганов в Чернигове во время XIУ археологического съезда. - М., 1916. - 41 с.
300. Сахаров А.Н. Дипломатия древней Руси : IX - первая половина X в. - М. : Мысль, 1980. - 358 с.
301. Свердлов М.Б. Генезис феодальной земельной собственности в Древней Руси // ВИ. - 1978. - № 8. - С. 40-56.
302. Свердлов М.Б. Генеалогия в изучении класса феодалов на Руси XI-XIII вв. // Вспомогательные истор. дисциплины. - 1979. - Т. 11. - С. 222-237.
303. Седов В.В. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX-XIУ вв.) // СА. - 1953. - Т. 18. - С. 190-232.
304. Седов В.В. Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах Древней Руси // Там же. - 1961. - № 2. - С. 103-121.
305. Седов В.В. Курганы ятвягов // Там же. - 1964. - № 4. - С. 36-51.
306. Седов В.В. Финно-угорские элементы в древнерусских курганах // Культура Древней Руси. - М. : Наука, 1966. - С. 246-251.
307. Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. - М. : Наука, 1970. - 200 с. - (МИА; № 163).
308. Седов В.В. Славяне Среднего Поднепровья (по данным палеоантропологии) // СЭ. - 1974. - № 1. - С. 16-31.
309. Седов В.В. Длинные курганы кривичей. - М. : Наука, 1974. - 68 с. - (САИ; Е1-8).
310. Седов В.В. Мальский курганно-жельничный могильник близ Изборска // КСИА. - 1976. - Вып. 146. - С. 87-95.
311. Седов В.В. К палеоантропологии восточных славян // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. - М. : Наука, 1977. - С. 148-156.
312. Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. - М. : Наука, 1982. - 327 с.
313. Седов В.В. Погребальный обряд славян в начале средневеко-

вья // Тез. докл. конф. "Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд". - М., 1985. - С. 76-78.
314. Семенов Ю.И. Первобытная коммуна и соседская крестьянская община // Становление классов и государства. - М. : Наука, 1976. - С. 7-86.
315. Семенов Ю.И. О стадиальной типологии общины // Проблемы типологии в этнографии. - М. : Наука, 1979. - С. 75-91.
316. Сизов В.И. Гнездовский могильник близ Смоленска : Курганы Смолен. губернии // 1902. - 136 с. - (МАР: Вып. 1, № 28).
317. Смиденко А.Т. Этнокультурная карта Восточной Европы второй половины I тысячелетия н.э. // Становление раннефеодальных славянских государств. - Киев : Наук. думка, 1972. - С. 30-40.
318. Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. - М. : Изд-во АН СССР, 1952. - 276 с. - (МИА; № 28).
319. Смирнов А.П. К вопросу об археологической культуре // СА. - 1964. - № 4. - С. 3-10.
320. Смирнов К.Ф. Савроматы. - М. : Наука, 1964. - 376 с.
321. Соболев А.Н. Загробный мир по древнерусским представлениям. - Сергиев Посад, 1888. - 206 с.
322. Советская историография Киевской Руси. - Л. : Наука, 1978. - 279 с.
323. Соловьева Г.Ф. Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII-XIV вв. (вятичи, радимичи, северяне) // СА. - 1956. - Т. 25. - С. 138-170.
324. Соловьева Г.Ф. Погребальные обряды // Древности железного века в междуречье Десны и Днепра. - М. : Изд-во АН СССР, 1962. - С. 50-72. - (САИ; Д1-12, № 2).
325. Спицын А.А. Люцинский могильник // М. - 1893. - 36 с. - (МАР; № 14).
326. Спицын А.А. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л.К.Ивановского // М. - 1898. - 123 с. - (МАР; № 20).
327. Спицын А.А. Курганы киевских торков и берендеев // ЗРАО. Н.С. - 1899. - Т. 11, вып. 1/2. - С. 156-160.
328. Спицын А.А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным // КМНП. - 1899. - Т. 8. - С. 301-340.
329. Спицын А.А. Отчет о раскопках, произведенных в 1907 г. в Черниговской губ. С.А.Гатцуком // ИАК. - 1909. - Вып. 29. - С. 164-167.
330. Станкович Я.В. Шестовицкое поселение и могильник по материалам раскопок 1946 года // КСИА. - 1962. - Вып. 87. - С. 6-30.
331. Степаненко Л.Я., Блажевич Н.В. Поселення та могильник XI-XIII ст. поблизу с. Козаровичі на Дніпрі // Дослідження з слов"янорускої археології. - К. : Наук. думка, 1976. - С. 151-163.
332. Стрингольм А.М. Походы викингов, государственное устройство, нравы и обычаи древних скандинавов. - М., 1861. - 359 с.
333. Сухобоков О.В. Славяне Днепровского Левобережья. - Киев : Наук. думка, 1975. - 167 с.
334. Сухобоков О.В. До питання про пам"ятки волинцевского типу // Археологія. - 1977. - Вип. 21. - С. 50-66.
335. Сухобоков О.В., Юренко С.П. Работы Левобережной славяно-русской экспедиции // АО 1976 г., М., 1977. - С. 376-377.
336. Сухобоков О.В., Иченская О.В., Орлов Р.С. Раскопки у с. Каменное // АО 1977 г., М., 1978. - С. 387-388.
337. Сухобоков О.В., Юренко С.П. Этнокультурные процессы на территории Левобережной Украины в I тысячелетии н.э. // Проблемы этногенеза славян. - Киев : Наук. думка, 1978. - С. 124-142.
338. Тереножкин А.И. Киммерийцы. - Киев : Наук. думка, 1976. - 223 с.
339. Тимофеев Е.И. Расселение юго-западной группы восточных

славян по материалам могильников X-XIII вв. // СА. - 1961. - № 3. - С. 56-75.
340. Тимофеев Е.И. Славянские языческие могильники Волыни X-XIII вв. // Учен. зап. Хабар. пед. ин-та. - 1961. - Т. 6. - С. 86-104.
341. Тимофеев Е.И. Юго-западная группа восточных славян по археологическим данным X-XIII вв. // Там же. - С. 105-127.
342. Тимофеев Е.И. Могильники Юго-Запада Руси X-XIII вв. : (К вопр. о расселении племен Днепров. Правобережья) : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Л., 1966. - 19 с.
343. Тихомиров М.Н. Значение древней Руси в развитии русского, украинского и белорусского народов // ВИ. - 1954. - № 6. - С.19-26.
344. Тихомиров М.Н. Древнерусские города. - М. : Госполитиздат, 1956. - 477 с.
345. Тихомиров М.Н. Начало христианства на Руси // Древняя Русь. - М. : Наука, 1975. - С. 261-273.
346. Токарев С.А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX - начала XX вв. - М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1957. - 164 с.
347. Токарев С.А. Ранние формы религии и их развитие. - М. : Наука, 1964. - 399 с.
348. Толочко П.П. Таємниці київських підземель. - К. : Наук. думка, 1968. - 84 с.
349. Толочко П.П. Історична топографія стародавнього Києва. - К. : Наук. думка, 1970. - 219 с.
350. Толочко П.П. Роль Киева в образовании древнерусского государства // Становление раннефеодальных славянских государств. - Киев : Наук. думка, 1972. - С. 123-131.
351. Толочко П.П. Киевская земля // Древнерусские княжества X-XIII вв. - М. : Наука, 1975. - С. 5-56.
352. Толочко П.П. Древний Киев. - Киев : Наук. думка, 1983. - 327 с.
353. Толочко П.П. Про торгівельні зв"язки Києва з країнами Арабського Сходу та Візантією у VIII-X ст. // Археологічні дослідження стародавнього Києва. - К. : Наук. думка, 1976. - С. 3-11.
354. Толочко П.П., Боровський Я.Є. Язицьке капище в "городі" Володимира // Археологія Києва: Дослідж. і матеріали. - К. : Наук. думка, 1979. - С. 3-10.
355. Толочко П.П. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII-XIII веков. - Киев : Наук. думка, 1980. - 223 с.
356. Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. - М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1948. - 327 с.
357. Топоров А.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. - М. : Изд-во АН СССР, 1962. - 266 с.
358. Третьяков П.Н. Северные восточнославянские племена // МИА: 1941. - № 6. - С. 9-55.
359. Третьяков П.Н. Стародавні слов"янські городища у верхній течії Ворскли // Археологія. - 1947. - Т. 1. - С. 223-236.
360. Третьяков П.Н. У истоков Древней Руси // По следам древних культур : Древ. Русь. - М. : Гос. изд-во культ.-просвет. лит., 1953. - С. 9-34.
361. Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. - М.; Л. : Наука, 1966. - 308 с.
362. Третьяков Н.Н. Вопросы и факты археологии восточных славян // Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. - М. : Наука, 1970. - С. 161-188.
363. Третьяков П.Н. Некоторые данные об общественных отношениях в восточнославянской среде в I тысячелетии н.э. // СА. - 1974. - № 2. - С. 73-84.
364. Тутковский П.А. Древнейшая добывающая промышленность на Волыни // Тр. о-ва исслед. Волыни. - 1915. - Т. 9. - С. 167-198.
365. Успенская А.В. Курганы южной Белоруссии X-XIII вв. // Тр. ГИМ. - 1953. - Вып. 22. - С. 97-124.

1 р. 80 к.



наукова думка